

Всемирный конгресс татар
Всетатарское общество краеведов
Центр этнологического мониторинга Исполкома ВКТ

Д. М. Исхаков

История рода Яушевых в Средневековый период и кимакская проблема

Казань – 2018

УДК 908
ББК 26.89 (2 Рос.Тат)
Т 70

Проект реализован при финансовой поддержке региональной общественной организации «Меджлис татарских мурз» (г. Казань)

Серия «История Арских и Каринских князей».

Научный редактор: профессор Юлай Шамильоглы
Ответственные за выпуск: Г. Ф. Давлетшина, М. Х. Сагидуллина

Исхаков Д. М.

История рода Яушевых в Средневековый период и кимакская проблема. – Воронеж: ООО "Фаворит", 2018. – 116 с.

ISBN 978-5-6042082-6-7

Настоящая работа, посвященная средневековой истории известного рода татарской аристократии – Яушевых, является второй подобной в отечественной историографии (первая посвящена князьям Юсуповым). В ней доказана принадлежность Явуш бека к татарскому клану албыр – части кимаков, предводителем которых в свое время был хан Бачман, а также раскрыто «царственное» положение племени татар в Кимакском каганате. В процессе эволюции Золотой Орды часть клана албыр, локализованная в Волго-Уральском регионе и начавшая маркироваться как племя «кыпчак», к середине XV в. закрепились в Казанском юрте, став там Арскими князьями. Исследование выявило также исторические причины именования государствообразующего «народа» Монгольской империи «монголо-татарами», а в Улусе Джучи – просто «татарами».

Книга является 1-й из серии посвященной истории рода Яушевых. Она адресована широкому кругу читателей.

© Раис Равильевич Яушев, 2018

Введение

История народов является одной из самых захватывающих и интригующих научных проблем в мировой историографии. Можно сказать, что сама история, как наука, зародилась именно в тот момент, когда люди, говорившие на одном языке и имеющие общие обычаи, хозяйство и бытовые условия, столкнулись с людьми, живущими по другим законам и правилам. В глубокой древности такие встречи фиксировались в различных мифах и преданиях. Позднее они стали записываться и переосмысляться уже не в категориях мифологии, а в качестве неких истин. Важным аспектом этих представлений стал формирующийся образ «своих» и, соответственно, «чужих». Именно в противостоянии «своих» и «чужих», осознании своих отличий и самобытности, начинается этническая история. Первая полноценная и концептуальная история, дошедшая до нас – «История» Геродота, являющаяся самоописанием эллинов, живших в Европе, и противостоящих миру «варваров» из Азии. С этого момента в рассмотрении истории народов и их происхождения происходит крутой поворот.

Сведения о себе народ бережно сохраняет и собирает, пытаясь дознаться до глубин начала своей истории, понять и осмыслить свое прошлое, узнать, кто был предком и прачеловеком. Первые истории могли носить и религиозный характер, если религия служила отличительным признаком народа. Такой религиозно-этнической историей, например, стала «Библия», особенно ее ранняя часть – так называемое «Пятикнижие» Моисея. Не суть важно, что это составной и сложно структурированный текст, просто он показывает, что изначально народ иудеев имел многокомпонентный характер. Для науки важно, что уже в далеком прошлом люди стремились понять свое прошлое и зафиксировать эти знания для потомков, поскольку именно эти общие исторические переживания и вера в свое единство служили важнейшей скрепой, краеугольным камнем истории любого народа.

Для тюркских народов подобным периодом стало время Тюркских каганатов (VI–VIII вв.), когда возникла не только новая империя, объединенная племенем тюрк, во главе которых стоял род Ашина, но и эта общность получила свою писанную историю, встав вровень с другими великими народами Средневековья. Важнейшей частью этой тюркской исторической традиции являлось представление об изначальном и божественном происхождении рода Ашина и народа тюрков. Если до этого различные народы Центральной Азии сохраняли сведения о своем прошлом в устной традиции, то тюрки кардинально изменили приоритеты. С тех пор легенды и предания стали важной частью прошлого тюркских народов только если фиксировались в письменной традиции. Это была историческая революция, которая открыла путь к формированию целой плеяды тюркских этносов и их историй.

К сожалению, не все эти истории дошли до нас, а некоторые сохранились лишь в пересказе современников и потомков. Но обрывки этих сведений представляют величайший интерес и они очень важны для исторической науки. Именно на них, на их пересказе и интерпретации, часто основываются наши современные знания.

Народы не являются изначальной и цельной единицей, как это иногда кажется сторонникам существования этносов с самой глубокой древности. Народы формировались, изменялись, смешивались, разъединялись, исчезали и возрождались. Есть довольно много случаев, когда ныне существующие народы приняли самоназвание народов, исчезнувших в глубокой древности. Например, современные палестинцы, получившие имя от области Палестина, название которой восходит к «народам Моря», ветхозаветным «филистимлянам». Другим подобным примером являются узбеки и уйгуры, в массе своей имеющие мало общего со средневековыми уйгурами и татарами – «узбековцами». Это только доказывает, что представления народа о своей истории и о своем прошлом довольно тягучи и иногда дисперсны, прерывисты и подобны спирали. Важную роль в них играет устная традиция и письменная история.

Во многом это объясняется тем простым обстоятельством, что общая история народа сама по себе является не монолитной, а распадается на истории семей и родов. Особенно это важно понимать, когда мы имеем дело со средневековой историей или пытаемся найти не просто упоминания о средневековых этносоциальных и этнополитических общностях, но о более мелких этнических подразделениях.

Народ всегда состоял, в конечном счете, из людей, а те, в свою очередь, изначально группировались в семьи и роды. Проследить и понять историю этих сравнительно мелких и плохо фиксируемых источниками подразделений, дело чрезвычайно сложное, но одновременно весьма ответственное. В этом смысле труд Д. М. Исхакова, посвященный истории рода князей Яушевых, является значимым и симптоматичным опытом.

С одной стороны, за исследование этой проблемы берется историк и этнограф, оснащенный самыми современными методиками анализа весьма скупых сведений источников, а с другой – сам опыт подобного микроисторического исследования весьма интересен и, несомненно, заслуживает внимания и одобрения. Следует подчеркнуть, что автор собрал значительный пласт сведений и умело интерпретирует его, отыскивая крупницы исторических данных, на которых создает стройную схему происхождения рода Яушевых от некоего кыпчакского рода, имевшего знатное происхождение. В свою очередь весьма обоснованно он делает предположение, что этот знатный род – «албырлы» или «ольберли»/«эльберли»/«ольбер», должен был иметь какие-то родственные связи с родом татар, которые являлись каганским родом в Кимакском каганате. Здесь вырисовываются весьма интересные связи и точки соприкосновения истории древних татар из Центральной Азии со средневековыми татарами Улуса Джучи, а от них – к служилым татарам, затем – к формированию современной татарской нации.

В этой схеме есть как важные и интересные находки, так и некоторые допущения, которые, несомненно, в дальнейшем станут предметом обсуждения и уточнения. Сейчас не хотелось бы останавливаться на этих обстоятельствах, чтобы не упустить главного – стремления автора через чрезвычайно малый, но очень существенный предмет изучения, бросить взгляд на общую историю древних и средневековых тюрко-татар Евразии.

Тем самым автор реализует другую значимую часть своей исследовательской программы – посредством изучения одного татарского рода он связывает разные этапы и части татарской истории в единую цепь, так сказать, объединяет древнюю и средневековую историю татар с современностью, прочерчивает абрис истории народа через прошлое одного рода, подчеркивая, что этот род был не единственным, таковых в прошлом татар было несколько сотен. Тем самым, он доказывает, что история татарских княжеских родов ясно указывает, что они являются наследниками не булгар и не пришлых монголов, а происходят от древнего народа Волго-Уральского региона.

Кроме того, он поднимает важную тему преобразования многочисленных кыпчакских родов, которые не имели своего общего самоназвания и самосознания, в единую татарскую этносоциальную и этнополитическую общность. Процесс этот растянулся во времени и не во всех частях империи Джучидов был одинаково успешным и последовательным. Очевидно, что в восточной части Улуса Джучи наряду с главными татаро-монгольскими кланами долгое время существовали осколки более ранних родов, которые хотя и были изначально встроены в клановую систему Монгольской империи, не имели собственного социального статуса вне этой системы. Это важно подчеркнуть, чтобы не создалось ложного представления, что внутри татарской клановой системы находились какие-то чужеродные элементы. Все они были частями одного этносоциального организма и являлись военно-служилым сословием Улуса Джучи. Другое дело, что когда-то предки этих кланов входили в какие-то кимакские объединения. Однако в период становления и формирования Улуса Джучи в составе Монгольской империи и позднее они прошли полное переформатирование и структурную перестройку. Сохранившиеся частично и только на востоке родовые наименования – это скорее дань традиции или некая ностальгия о прошлом, возникшая в более поздние времена, когда начали создаваться предания и концепции с целью укоренить татарские роды на территории Восточной Европы и Заволжья.

Труд, проделанный Д. М. Исаковым, впечатляет и может служить некоей методикой для других последующих работ в этом направлении. Однако, следует учитывать, что не все интерпретации источников и этимологические изыскания автора являются устоявшимися и могут вызвать дискуссии. В частности, легенды о взятии Болгара из «Чингиз-наме» не являются в полной мере историческим источником, а имеют сложное и многослойное происхождение. Напрямую увязывать упоминания из нее с другими историческими реалиями, на мой взгляд, преждевременно. Но это только одна из целой череды сложных источниковедческих проблем, возникающих при внимательном и пристрастном чтении данной работы. Впрочем, как было указано выше, это не столько упущение автора, сколько его попытка извлечь сведения для своего труда из многочисленных и разнородных источников.

Заранее предполагаю, что этот труд найдет как своих сторонников, так и критиков. Вопросы к данному тексту, дискуссии вокруг него, должны уточнить некоторые детали этой историко-этнологической схемы, а также высветить сложные и еще нерешенные научные проблемы. В этом смысле данный труд, действительно, весьма важен и своевременен.

Д. М. Исаков является признанным и авторитетным специалистом в различных аспектах истории и этнологии татарского народа и тюркских народов Евразии. Эта

его работа является, с одной стороны, продолжением многих его прежних работ, а с другой – новым и новаторским трудом. Она является попыткой сузить объект исследования, чтобы навести резкость на более общие проблемы взаимодействия народов в предмонгольскую и золотоордынскую эпохи, используя в качестве связующей нити историю одного татарского рода князей Яушевых.

Думаю, что это исследование найдет как своих внимательных читателей и сторонников, так и критиков. Должен подчеркнуть, что, являясь давним другом и соавтором целого ряда общих с Д. М. Исхаковым трудов, не могу быть вполне беспристрастным критиком. Мне труд в целом понравился как своим подходом, так и новаторскими идеями, хотя я обнаружил и некоторые изъяны в аргументации и интерпретациях источников. Но это, уверен, не предмет обсуждения во введении.

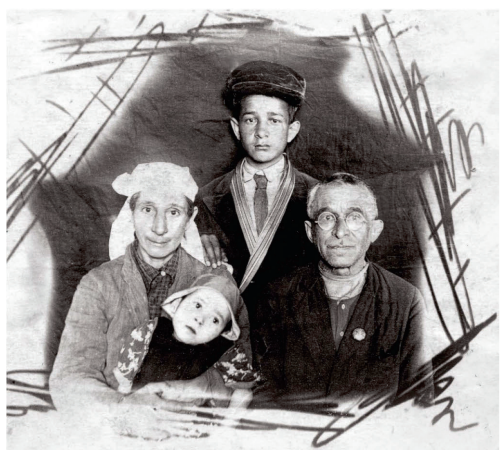
Данный труд смело можно считать этапным трудом, серьезным дополнением к циклу работ Д. М. Исхакова по истории средневековых татар и расширении концепции происхождения татарского народа. Уверен, что все читатели непременно найдут в нем что-то новое для себя, обогатятся свежими мыслями, а главное – убедятся, что история татар еще содержит много сложных и нераскрытых страниц, требующих пристального внимания историков.

*И. Л. Измайлов,
Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института археологии
им. А. Х. Халикова АН РТ*

*Книга посвящается братьям Ахметгали и Темиргали,
детям Шахингарая Яушева*.*

Ахметгали Яушев. фото с 1-й мировой войны. 1916 г.

Темиргали Яушев с женой Бибимарьям, детьми Асхатом и Сабирой. Акмолинск. 1936 г.

* Ахметгали (07.01.1887–1951), Темиргали (1883–1952) б. Шахингарай (1837 с. Кошар-Акмолинск), б. Исмагил (1790–1856), б. Мукмин (1754–18.01.1831), б. Госман (1724–), б. Семеней (1690–1760), б. ротмистр Мустафа (1667–1742), б. глава роты Богдан, б. Исеней морза (–1694), б. Семеней бек (из с. Кошар), б. Багыш бек, б. Яуш бек.

Предисловие

Яушевы являются весьма известным татарским родом, из которого вышли князья и мурзы, предприниматели, общественные деятели, имамы, ученые, деятели культуры и др.¹ Несмотря на то, что об отдельных представителях этого рода уже писалось², целостной истории рода Яушевых до сих пор не было. Правда, существуют публикации (о них см. далее в настоящей работе), посвященные выяснению личности основателя рода князя Явуша/Яуша, а также его потомкам – служилым татарам. Но в этих работах речь идет об истории рода Яушевых второй половины XVI–XVIII вв. Автору настоящего исследования также приходилось заниматься проблемой установления личности князя Явуша, являвшегося, как выясняется по источникам, одним из Арских князей, в период Казанского ханства контролировавших одно из четырех княжеств этого государства – Арскую даругу с центром в крепости Арск (Арча)³. Еще тогда нами была высказана гипотеза о связях предков князя Явуша с кланом кыпчак, вернее, с частью восточных кыпчаков, именовавшихся кимаками/йемеками. Но эта гипотеза нуждалась в дополнительном обосновании и развитии.

По счастливой случайности, возникшей из-за встречи автора с Р.Р. Яушевым, одним из потомков князя Явуша, появилась возможность продолжения наших изысканий в направлении углубления истории его предков, начинающихся от князя Явуша. В итоге выяснилось, что на основании доступных к настоящему времени исторических источников эта история может быть доведена до первой половины XI в. Так как предлагаемое вниманию читателей исследование посвящено средневековому периоду истории данного рода, оно на самом деле оказалась миниатюрной историей всего татарского народа, включившей все этапы, через который наш народ прошел между XI–XVI вв. На самом деле многие вопросы, которые возникли в ходе написания настоящего труда, еще нуждаются в дальнейшем более детальном изучении. Предполагаем, что такая работа будет проделана нами в ближайшем будущем. Тогда ряд аспектов средневековой истории татар, которые здесь только обозначены, будут объяснены более детально.

Это исследование было завершено в начале июня 2018 г., когда весь исламский мир, в том числе и татары, находились в состоянии очищения и размышлений, предписанных в месяце Рамазана. Надеемся, что это книга тоже послужит делу развития у татар исторического мышления и вызовет интерес не только у профессиональных историков, но и у широкого круга читателей.

1 В «Татарской энциклопедии» приводится далеко не полный список представителей 17 членов этого рода (См.: Татарская энциклопедия. Т. 6 «У-Я». Казань: Ин-т Татарской энциклопедии, 2014. – С. 533–535).

2 В частности, см. публикацию З. А. Махмутова (Махмутов З. А. История татар Астаны (XIX–начало XXI в.). Казань: Татар кн. изд-во, 2017. – 223 с.).

3 Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Мастер-Лайн, 1998. – 276 с.; Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 224 с.

Глава 1. Шеджере Кара бека и место в нем князя Явуша

В истории татарского народа многочисленный род Яушевых хорошо известен. Судя по сохранившимся родословным и документальным материалам XVI–XVII вв., этот род берет начало от Явуша (варианты имени – Еуш, Жавуш/Чавуш), имевшего высокий социальный статус – он являлся князем, по-татарски – беком (бэк). Однако, в связи с тем, что относительно основателя генеалогической линии Яушевых в литературе существуют определенные разногласия¹, в том числе и возникшие в связи с непрофессионализмом некоторых писавших об этом роде авторов, вначале нам надо проанализировать источники, позволяющие на документальной основе установить, кем являлся Явуш и кто его ближайшие нисходящие и восходящие родственники. Речь, таким образом, идет о перепроверке сохранившихся генеалогий Яушевых через привлечение к анализу других исторических материалов (писцовых и переписных книг, жалованных грамот, летописных сообщений и др.), преимущественно XVI–XVII вв. В данном случае нам более важным представляется определение ближайших к Явушу генеалогических звеньев, установление подлинности которых позволит, во-первых, вопрос о личности Явуш бека поставить на надежную источниковую базу, во-вторых, окажет неоценимую помощь в выяснении принадлежности этого знатного татарского князя к одному из правивших в Казанском ханстве кланов, в свою очередь имевших очень длинную и славную историю, которая уведет нас в далекое прошлое наших предков. Но об этом мы поговорим позже, вначале нам следует ввести родословные Яушевых в исторические рамки.

Эпитафия Исеней мурзы
б. Сименей бека Яушева.
1693–1694 г.

¹ Именно поэтому даже такой известный казанский источниковед, как Д. Г. Мустафина, в своей хорошо фундированной статье, посвященной Яушевым, правда, не учитывающей генеалогические сведения, лишь в предположительной форме высказавшись о возможности того, что основателем рода являлся князь Яуш (Йауш), в ходе русского завоевания Казанского ханства в 1552 г. прикрывавший Казань с направления Арской крепости, выразила сомнения в этом и констатировала: «Не исключено, что был еще какой-то другой Яуш, проявивший свою лояльность к русской администрации в регионе или даже находившийся на службе у московского правителя задолго до событий осени 1552 г. Сказать определенно сложно» (Мустафина Д. Служилые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. № 1. – С. 31).

§1. Родословные Яушевых

Несмотря на то, что в лице Яушевых мы имеем дело с весьма разветвлённой и значительной по численности группой, родословных записей (*шеджере*), относящихся к ее представителям, сохранилось относительно немного. К тому же существующие версии родословных до сих пор не кодифицированы и, как уже говорилось, не исследованы на предмет их подлинности. В такой ситуации нам придется вначале путем сравнения всех известных на сегодняшний день вариантов родословных Яушевых выявить их центральное ядро, восходящее к самому Явушу, затем предстоит выяснить подлинность звеньев там присутствующих, путем привлечения к анализу генеалогических сведений, исторических документов актового и иного характера.

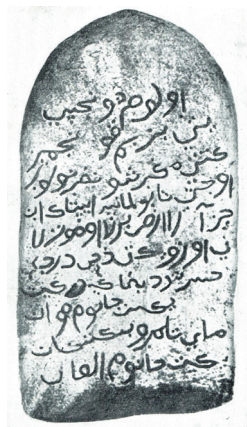
Что касается родословных записей по Яушевым, то основная их часть опубликована¹, но есть и версии, находящиеся в архивах², а также у частных лиц из числа носителей фамилии Яушевых³.

На сегодняшний день зафиксированы всего 3 варианта родословных, напрямую относящихся к Яушевым. Исследование М. И. Ахметзянова позволило ему высказать достаточно обоснованное предположение о том, что два варианта названных родословных, хранящихся сейчас в фонде Ризы Фахретдинова в г. Санкт-Петербурге⁴, восходят к утерянному в 1940 г. в д. Кошар (Күшәр) Арского района РТ варианту родословной⁵. Оба варианта шеджере написаны на русском языке. Версия родословной, находящаяся в личной коллекции К. Яушева, написана на татарском языке арабицей и, судя по содержанию, также восходит к заказанским родословным.

Не лишним будет отметить, что родословные записи Яушевых в свое время были использованы Ш. Марджани и Р. Фахретдином, а также в виде фрагментов содержались и в некоторых историях деревень, например, в рукописной исто-

Эпиграфический памятник супруги Алибека из кладбища с. Карино. 1504 г.

Эпиграфический памятник Джиханши сына Сейдтэка с кладбища с. Нократ Кировской обл., Слободского р-на. 1522 г.

1 Эхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре: 1 т. / Марсель Эхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. – 53–57 бб.

2 Речь идет не о прямых родословных Яушевых, а о генеалогиях Кара-бека, часть которых до сих пор не опубликована, но может быть полезна при анализе интересующих нас генеалогий (См.: Исхаков Д. М. От средневековых татар ... – С. 31–42). Эти не опубликованные документы находятся в: ГА Кировской обл. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 289. Т. 1. ЛЛ. 111–113; Ф. 59. Оп. 4. Ед. хр. 344. ЛЛ. 64–100.

3 Такой вариант хранится у К. К. Яушева (г. Уфа), любезно предоставившего нам эту версию в виде копии для использования в настоящем исследовании.

4 Они находятся в Архиве Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН: Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 17. «Родословная князя Яушева».

5 Ахметзянов М. И. Татарские шежере (Исследование татарских шежере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – С. 48–49; Эхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре: 1 т. – 55–57 бб.

рии д. Баранга (Паранга), находящейся в настоящее время в Марийской республике¹. В целом все три версии родословных Яушевых надо связывать с первоначальным районом их проживания в Казанском уезде во второй половине XVI–XVII вв.²

Теперь необходимо подробнее рассмотреть эти родословные в сравнительном плане, для чего они были сведены нами в таблицу 1. Следует подчеркнуть, что в связи с нашей задачей в представленных в табличной форме родословных приводятся лишь те материалы, которые относятся к XVI–XVII вв. Именно они могут быть проверены на основе исторических документов русского происхождения, что свою очередь позволяет выйти на проблему личности основателя рода Яушевых князя Явуша.

Таблица 1

Сравнительная характеристика версий родословных Яушевых*.

Варианты Ризы Фахретдина		Вариант Карима Яушева (вариант III)
Вариант I	Вариант II	
I поколение	I поколение	I поколение
1. Яуш	1. Яуш	1. Яуш бэк
II поколение	II поколение	II поколение
2. Баш[гыш]	2. Алексей	2. кнэз Багыш
III поколение	III поколение	3. кнэз Иванай
3. Доскай	3. Урат	4. кнэз Кэдеш
4. Семен (Семеней)	5. Сейтак Пий	III поколение
IV поколение	6. Конбьяк (Кунуак)	5. кнэз Сэмни
5. Абдулла	IV поколение	IV поколение
6. Колдемит	7. Башен	6. кнэз Сани
7. Кадим	8. Абдулла	7. кнэз Иштирэк
8. Нурка	9. Али мурза	8. кнэз Ештирэк
9. Асан	10. Абдурашит	
10. Иштиряк		
11. Галькей		
12. Яштеряк		

* При составлении таблицы были использованы публикации М. И. Ахметзянова и архивные данные, а также вариант родословия, хранящийся у К. К. Яушева.

Вне всякого сомнения, в приведенных родословных кроме заслуживающих внимания совпадений имеются и определенные различия, объясняемые разными причинами, о которых речь пойдет далее. Но отметим, что еще М. И. Ахметзянов, опубликовавший I и II варианты шеджере Яушевых, заметил, что вариант II в поколениях 2 и 3 содержит дополнительные имена, делающие родословную более понятной, а Башен (*Баиш*), которого он считает Багишем (*Багыш*), выступающий

1 Ахметзянов М. И. Татарские шежере... – С. 48.
2 Детальнее о местах их проживания в этот период см.: Мустафина Д. Служилые мурзы Яушевы...

2 поколением, в варианте II отнесен к четвертому поколению, что, как полагает данный исследователь, является более правильным¹. Пока учтем эти замечания, но к ним вернемся позже. А вот в варианте III родословной уже фигурирует Багыш, который действительно может быть отождествлен с Башем [Багыш→Баш] из варианта I, но вот присутствующий в той же версии Семен, это, несомненно, князь Семеней/Сэмни из варианта III. Далее, в четвертом поколении родословных Яушевых во всех трех вариантах есть ряд совпадений: это имена Иштиряка (Иштирэк) и Яштеряка (Ештерэк) (вариант I и III), Али мурзы и Галькея (вариант I и II) и, похоже, Асана и Сани (стянуто от Асана) (вариант I и II), а также Абдуллы (вариант I и II). Кстати, центральная линия родословной, начинающаяся от Яуша и помещенная в истории д. Баранги², позволяет еще раз перепроверить приведенные выше версии родословной. Она выглядит так: Явыш →Багыш→Дусмухамет (это явно Доскай в варианте I) →Хасан (Асан вариант I).

Итак, мы сейчас имеем значительный набор имен, содержащихся в ранних звеньях родословных Яушевых, что позволяет проанализировать вопрос об их подлинности с опорой на исторические источники. Начнем с хронологически более раннего периода, близкого ко времени жизни Явуша, но пока не затрагивая события, связанные с завоеванием в 1552 г. Казанского ханства, когда в русских летописях и появляется имя князя Явуша.

Наиболее раннее упоминание фигурирующего в варианте III родословной Яушевых Кадыша Яушева, относится к 1565–1568 гг. – тогда он в г. Казани имел свой двор³. Затем в источниках наступает довольно длительный период, когда Яушевы нигде не фигурируют документально. Но в 1590 г. князю Багишу Яушеву, чье имя присутствует в разных вариантах родословной (как князь Багыш, Баш, Бике-от Бигеш/Багыш), от своего тестя – Еникея, досталось поместье в д. Ст. Менгер (Алатская и Галицкая даруги Казанского уезда)⁴. На самом деле князю Багишу в 1582 г. было жаловано еще одно владение, но о нем мы скажем позже, так как этот вопрос нуждается в отдельном разборе. Наконец, в 1600 г. ему же досталась деревня Кошарь (Алатская даруга), ранее принадлежавшая племяннику – князю Ивану Кадышеву, владевшему ею «вопче со князь Кадышевскою княгинею Давленем»⁵, то есть со своей матерью. Так выясняется, что князь Иванай был сыном князя Кадыша Яушева, и он относился ко второму поколению после князя Явуша, следовательно, в варианте III родословной Яушевых его место в шеджере определено неверно.

Подробные сведения о Яушевых в самом начале XVII в. присутствуют в Писцовой книге Казанского уезда Ивана Болтина с «товарищи». Так как эти данные были разобраны Д. Г. Мустафиной⁶, мы на них детально останавливаться не будем, но извлечем из них генеалогические известия. Во-первых, в этой Писцовой книге отмечается уже знакомый нам князь Багиш Яушев (имел поместья в д. Тамгачи Ногайской даруги, в д. Старый Менгер Алатской даруги, его вотчинные земли

1 Эхмэтжанов М. И. Татар шәжәрәләре: 1 т... – 57 б.

2 Ахметзянов М. И. Татарские шежере... – С. 48

3 Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. Л., 1932. – С. 28.

4 См.: Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. – С. 37.

5 Там же.

6 Мустафина Д. Служилые мурзы Яушевы...

находились в д. Шигай Ногайской даруги, д. Кошарь Алатской даруги и у него же была еще «волость Терьса на реке Каме»). Попутно выясняется, что в д. Тамгачи имелись некоторые дворы, ранее принадлежавшие князю Ивану, последнему же в свое время принадлежала и д. Шигай; указано, что и д. Кошарь до того, как она оказалась у Багиша Яушева, принадлежала его племяннику Ивану Кадышеву и матери последнего, княгине Девленею¹, о чем мы уже знаем из отмеченного выше документа. Когда в этой Писцовой книге идет описание земель д. Большие Атни, на межевании упоминается Семен мурза князь Багишев сын², как мы можем увидеть из генеалогии Яушевых, присутствующий там как князь Сэмни, Семеней/Семён. Он и есть сын князя Багиша. Нельзя полностью исключить и возможность отождествления, присутствующего в варианте II родословной Яушевых звена «Сейтак» бия (пия), с этой же личностью. Правда, доказать это нельзя, тем более, что эта генеалогия является проблемной и плохо поддается проверке на основе источников.

Окрестности села Кошары (Атнинский район, Республика Татарстан)

А вот о том, как у Багиша Яушева оказалась «волость Терьса», можно узнать из одного длинного и запутанного дела, разбираемого в публикации краеведа Р. К. Шакирова. Нас в данном случае будет интересовать не само это владение, а время, когда оно досталось князю Багишу. Из дела выясняется, что до князя Багиша Яушева там ясак собирал князь Камай Смиленев – известная историческая фигура, чье поместье находилось в селе Урсек Арской даруги, он же владел и другими землями,

1 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. – С. 39–40, 164.

2 Там же. – С. 185. Кстати, он не отмечен как житель конкретного селения, что скорее всего говорит о том, что какие-то страницы источника не сохранились.

в том числе и на территории пустоши Иски Казань¹. Но Р. К. Шакиров это событие – переход сбора ясака с населения волости Терься к Багишу Яушеву – датировал неверно – 7190 г., т. е. 1682 г.², следуя более поздним документам, в рамках которых обсуждается отмеченный переход. На самом деле из разбираемого дела видно, что случилось оно по грамоте Ивана IV, к тому же остальные материалы, которые присутствуют там же³, подтверждают ранний характер данного жалования. Действительно, жалоба генерал-майора А. И. Тевкелева от 1764 г., направленная в адрес императрицы Екатериной II по поводу этого же владения, прямо указывает, что Багишу мурзе Яушеву оно досталось в 7090 г., т. е. в 1582 г.⁴. Отсюда ясно, что первое упоминание Багиша Яушева в источниках должно быть отнесено к 1582 г. Еще один момент, который нас заинтересовал, это информация, относящаяся к 1622 г. и связанная с упомянутой волостью (на 1610–1611 гг. она состояла из трех селений – Большой, Средней и Малой Терьсей). В связи с делом, содержащемся в казанских Разборных книгах воеводы Б. М. Лыкова «с товарищи», видно, что тогда Ишмамету и Досмамету мурзам князь Багишева детям князь Яушева было велено служить «по вотчинам и поместьям и всякие угодьи и волости Терси», данной «их отцу» (см. выше). Тогда эти сыновья князя Багиша Яушева заявили, что «отец их в Казани первый человек», – любопытная формулировка, к которой мы еще вернемся.

Вид на село Кошары (Атнинский район, Республика Татарстан)

1 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов... ЛЛ. 106 об. – 107, 110 и др.

2 Шакиров А.К. Спорные земли в низовьях Ижа. Краеведческий очерк. Казань: РЦМИПП, 2009. – С. 19.

3 Там же. – С. 20–21.

4 РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 21/3592. ЛЛ. 761–768. Эту же дату называет Д. Г. Мустафина (Мустафина Д. Служилые мурзы Яушевы... – С. 32, 37), но со ссылкой на Писцовую книгу Казанского уезда 1602–1603 годов, где такой информации на самом деле нет.

Эти и другие Яушевы в первой половине XVII в. продолжают фигурировать и в иных документах. В частности, по еще одной грамоте за 1622 г. Ишмамету и Досмамету князь Багишевым детям Яушева была дана д. Кошарь. Затем, в 1638 г., была проведена проверка по челобитью князя Семеней князь Багишева сына и Исекея мурзы князь Семенеева сына Яушевых относительно того, живут ли князь Семеней со своими братьями, а Исекей со своими дядьями с Ишкеем (Ышкеем) и Доскеем, в той деревне. Из проверки выяснилось, что всем живущим в д. Кошарь Яушевым – Ишмамету и Досмамету князь Багишевым детям Яушевым со всеми их детьми, внуками, с братом Семенем князь Багишевым с его детьми – Исекеем, Иштереком, Яштереком предписано владеть той деревней «по третям». Там также проживал Богдан Исекеев сын Яушев. Из татарской надписи на обороте этой грамоты видно, что Семеней по-татарски звали «Сәмәнэй»¹. Одновременно в ходе споров Ишмамета и Досмамета мурзы с «чувашиами» починка Тубя в 1629–1631 гг., их имена в документах всплывают опять, но показательно, что первый из них иногда именуется «Ишкой» (сокращенная форма от Ишмухаммета/ Ишмамета)².

В итоге на основе приведенных документальных данных подтверждается подлинность имен Семена/Сәмни/Сәмәни, являвшегося сыном Багиша, Доскея/Досмамета, также сына Багиша, а также Исеней (в варианте IV родословной – Сәни/Сани), Иштерека и Яштерьяка, сыновей названного Семеней. Если Доскей (Досмамет) и Семеней являются вторым после Явуша поколением, то Исеней, Иштиряк и Ештирек (Яштирек) являются третьим поколением (правнуки). Историчность имени Сани/Исеней восстанавливается и на основе копии грамоты за 1622 г., данной Исеней мурзе князю Яушеву на владение оставшимися от Тохтая Тохтамышева поместьями, расположенными в ряде деревень (Атня, Кумургузи, Айша, Уртем) Алатской даруги³. Кроме того, надо принять к сведению и выпись за 1648 г., данную Каныш мурзе Ишкееву сыну Яушеву, на владение землями в д. Большая Атня (Алатская даруга), где указывается, что отцом Каныша мурзы был Ишкой мурза, а отцом Ишкой мурзы являлся князь Багиш Яушев⁴. По ввозной грамоте за 1650 г. мы видим, что мурзам Иштереку и Яштереку Семенеевым детям, да Богдану Исенееву сыну Яушева была дана 1/3 д. Кошарь Алатской даруги⁵. При этом указывается, что д. Кошарь владел их дед князь Багиш, оставивший владения своим детям – уже знакомым нам Ишмухамету и Досмамету, приходившимся упомянутым Иштерьяку и Яштерьяку дядьями. Попутно выясняется, что Ишмаметка и Досмаметка князь Багишевы дети Яушева владели д. Кошарь еще по грамоте 7130 г. (1622 г.). Далее, обращаясь к более старым временам, челобитчики в 1650 г. отмечают, что после деда их – князя Багиша, д. Кошарь владел отец Иштерьяка и Яштерьяка Семеней и брат их – Исеней – отец Богдана, с дядьями Ишмаметом и Досмаметом (видимо в 7145–1638 г.). К этим данным следует добавить информацию из Писцовой книги

1 НБЛ. ОРРК. К(П)ФУ. Ед. хр. 1295/3. – ЛЛ. 5–11.

2 Шакиров А. К. Спорные... – С. 21.

3 Там же.

4 История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 196. Известно также одно дело за 1678 г., ссылающееся на выпись 1640 г., данную Каныш мурзе Ишкееву сыну князя Яушева, в которой упоминается жалованная грамота, данная отцам и дедам – Искею (Ишмамету) и Доскею (Досмамету) Багишевым, с указанием, что Багиш мурза приходится Каныш мурзе прадедом (ГА Кировской обл. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 32. – ЛЛ. 2–24).

5 НБЛ. ОРРК. Ед. хр. 1295/3. – ЛЛ. 5–11.

Казанского уезда 1647–1656 гг. С. Волынского, из-за массового характера охватывающего всех представителей рода Яушевых, и также позволяющего перепроверить имеющиеся в уже приведенных актовых документах материалы.

Данные, извлеченные из этого источника, для удобства их анализа, были собраны в таблицу 2. Но прежде чем приступить к их анализу, следует отметить один нюанс, обнаруженный нами при изучении отмеченной Писцовой книги. Речь идет о том, что несколько человек, фигурирующих в ней под фамилией Яушевых, мы не можем отнести к роду знатных татар, происходящих от князя Явуша.

Таблица 2

Яушевы по Писцовой книге Казанского уезда 1647–1656 гг¹.

1. Ишкой (Ишмаммет) мурза князь Багишев сын Яушев*	<i>Ногайская даруга</i> д. Тамгачи, Кошарь, Терся, М. Терся, Назарбаш, Аккозино, Кучуково, Агрыз
2. Иштерьяк и Яштерьяк мурзы князь Семёны дети Яушевы	<i>Алатская даруга</i> д. Старый Менгер, д. Унба <i>Ногайская даруга</i> д. Укречь-Култук (Чапуново)
3. Ишмаммет мурза князь Багишев сын Яушев	<i>Алатская даруга</i> д. Б. Агня, пуст. Шемердановская
4. Каныш мурза Ишмамметов сын Яушева Кадырмет мурза, братья Урмамет, Облай, Искей Досмамметовы (Доскеевы) дети Яушева.	поч. Унжа
5. Богдан мурза Исенеев сын Яушев	д. Аиша, Кумаргази, Б. Агня, пуст. Шемордоновская
6. Имаммет, Канмурза, Абула, Поралей, Алей Иштерьяковы дети Яушева (племянники Яштерека Семёнева)	д. Кошарь, Мокша, Поч. Атамыш

* Не все носители фамилии Яушевых носили титулы мурзы и князя.

Это рядовые служилые татары Кадыш Яушев из д. Налгозы (Янбахтино), Девлеткильдеек Яушев из д. Евлушеик (Курманак) Ногайской даруги, Бабахатка Байгильдин сын Яушев (с братьёю) из д. Малые Верески, а также Ишей Яушев (с братьёю) из д. Мамкеч (Каинсар) Алатской даруги². В одном случае – у Кадыша Яушева фамилия имеет написание и в форме «Тушев». В этих случаях они не могут быть отнесены к числу потомков князя Явуша потому, что их родственные связи с другими Яушевыми – князьями и мурзами, не прослеживаются, а также потому, что земельные владения указанных служилых татар располагались совсем в других селениях, где знатные Яушевы не имели земель. Несколько под вопросом остается только фигура Бабахатки Байгильдина сына Яушева (с братьями). Однако, приведенные примеры демонстрируют, что при установлении реальной цепочки звеньев генеалогии Яушевых только за фамилией Яушев идти нельзя.

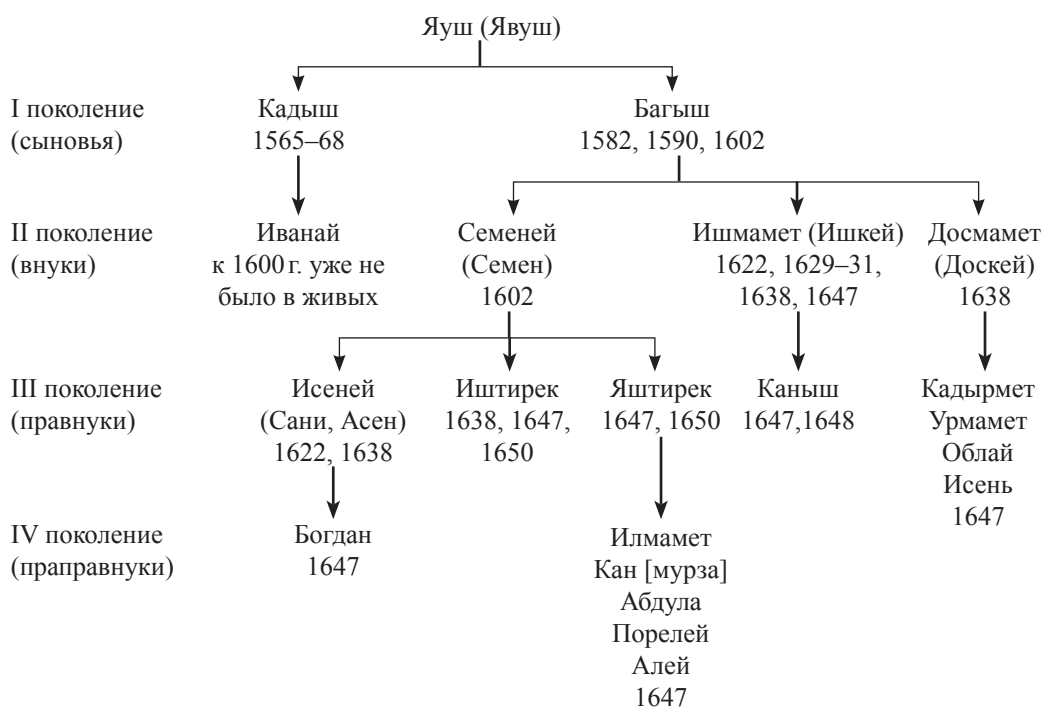
1 Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Москва: Ин-т Российской истории РАН, Казанский гос. ун-т, 2001. – ЛЛ. 45 об., 46-47, 223, 283, 284, 342 бб., 345, 346 об., 347, 350 об. – 351, 352 об., 358, 361.

2 Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 гг. ... – ЛЛ. 100 об., 102, 352.

На основе проделанной выше работы, мы сейчас можем вернуться к генеалогии Яушевых, ибо у нас появились надежные данные для проверки историчности разных версий родословных изучаемого рода. Сразу отметим, что одна из версий родословных (вариант II), после имени Яуша содержащее имя Алексей, плохо поддается верификации на основе исторических сведений. Впредь эту родословную по этой причине мы исключаем из анализа (к ней можно будет вернуться только в случае обнаружения документальных данных, подтверждающих ее достоверность). На базе всех имеющихся источников нами была реконструирована родословная Яушевых второй половины XVI–середины XVII вв. (см. таблицу 3). Она после Яуша (Явуша) содержит 4 поколения (сыновья, внуки, правнуки, праправнуки). Конечно, эту родословную можно было продолжить и далее, ближе к настоящему времени, но нами такая задача не ставилась, для нас важнее идти вглубь истории.

Таблица 3

Реконструированная версия родословной Яушевых (вторая половина XVI–середина XVII вв.)*.

**В таблице приведены даты упоминания потомков князя Яуша (Явуша).*

Если сказать в целом, то из родословных, обнаруженных в коллекции Р. Фахретдина, более надежной является вариант I. К ней примыкает вариант III (версия, хранящаяся у одного из потомков князя Яуша – К. Яушева). Подлинность родословных Яушевых подтверждается тем, что кроме имен Багыша и Кадыша (I поколение), они содержат имена Иваная (правда, поколенная принадлежность перепутана), Доскея (Досамета), Семенея (Семена), возможно, Урата (Урмамета) – представителей II поколения, а также Иштиряка, Яштиряка, Абдуллы (Абула), Али/Гали (Галькея), возможно, Кадырмета (Колделит), не исключено и Исенея (Сэни /Асана), являющихся людьми III поколения,

иногда – IV поколения после Яуша (Явуша). Отчетливо видно, что в варианте II, имеющим и другие проблемы, место поколения Доскея (Дусмамета) и Семеней (Семена) перепутано – они никак не могут относиться к поколению V, ибо по документам являются представителями III поколения. Практически идентичную (за исключением путаницы Иштиряка и Яштиряка) родословную дает и Д. Г. Мустафина¹, работавшая с имеющимися документальными (актовыми) источниками.

Заключая можно сказать, что сейчас перед нами имеется достаточно надежная генеалогия рода, восходящая к Яушу (Явушу), хронологически не содержащая внутренних противоречий. На основе этого результата мы сейчас можем перейти к анализу вопроса о личности Яуша (Явуша).

§2. Арский князь Явуш (Яуш) и его место в социально-политической системе Казанского ханства

Нами ранее высказывалась точка зрения о возможности отождествления фигуры предка Яушевых князя Явуша (Яуша) с известным в период завоевания Казанского ханства «Арским князем» Явушем (Еушем)². Затем некоторые исследователи некритически заимствовав (правда без веской ссылки на наше исследование) это положение, добавили к выдвинутой нами гипотезе относительно Арского князя Явуша и его генеалогической принадлежности ряд бездоказательных утверждений (о восхождении генеалогии этого князя к «основателю Казани Галимбеку б. Габдулле (Абдулле) хану – последнему болгарскому правителю», о промосковской ориентации группы Арских князей из Казанского ханства и др.³). Между тем, как уже указывалось, Д. Г. Мустафина предпочла высказаться по этому вопросу более осторожно. Но в её анализе вопроса о князе Явуше содержатся несколько заслуживающих внимания замечаний, которые следовало бы в дальнейшем учесть. Так, она отмечала, что Явуш должен был иметь какие-то заслуги перед русской властью для сохранения титула, тем более для передачи его своим потомкам. Действительно, как ею было констатировано, при пожаловании русскими властями Семеней (Семена) б. Багыша б. Явуша в 1628 г. княжеским титулом и владениями, фиксировалось, что данное пожалование он получил «за службы деда, князя Яуша и дяди, князя Иваная, и за отца, князя Багыша». Кроме того, Д. Г. Мустафина, стремясь обосновать причину существования к 1565–1568 гг. у князя Кадыша б. Явуша собственного двора в г. Казани, высказала осторожное предположение о вероятности командования им «военным соединением служилых татар»⁴.

При сохранении некоторой неопределенности относительно исторической фигуры князя Явуша, представляется целесообразным провести более детальный анализ существующих источников с тем, чтобы однозначно дать ответ на вопрос о тождественности предка Яушевых – князя Явуша и Арского князя Явуша из Казанского ханства. Для этого нам придется обратиться, прежде всего, к Патриаршей (Никоновской) летописи, содержащей некоторые детали, которые можно использовать при изучении генеалогического материала, связанного с Яушевыми. По-

1 См.: Мустафина Д. Г. Служилые мурзы Яушевы... – С. 37. У этого исследователя поколений и звеньев родословной несколько больше в связи с задачами, поставленными ею в данной работе.

2 Исхаков Д. М. От средневековых татар... – С. 32–33.

3 Галлям Р. Г. Род мурз Яушевых в XVI–XVII в. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Казань: Ин-т истории им Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 327–329.

4 Мустафина Д. Г. Служилые мурзы Яушевы... – С. 32

сле проведения такой аналитической работы, к исследованию вопроса о личности князя Явуша следует привлечь и собственно татарские источники, в особенности, исторические предания, имеющие отношение к предку князей и мурз Яушевых.

Кладбище села Кошары (Атнинский район, Республика Татарстан)

Согласно Патриаршей (Никоновской) летописи, в ходе переговоров русских в 1552 г. с казанцами, когда те закрыли Царевы ворота, воеводы, видя, «что доброво дела нет, ... велели изымати Кудагул-улана и Лимана-князя с сыном, Шамсу-князя, Чюру-князя Кадыева, Богодана – князя Арского, (выделено нами – Д. И.), Хан-кильдеа-князя и, иных князей и казаков, да которых царь (Шах-Али – Д. И.) вывел, тех всех же переимали, опричь тех, кои изменили, утекли в город, Ислам, Кебек, Аликей»¹. После того, как новый казанский хан Мухаммад-Едигер прислал хану Шах-Алию грамоту с «гордыми и скверными словами» и с заявлением о том, что он готов воевать с наступающими на город, к Ивану IV приехал служить Камай мурза, сын князя Усеина, рассказавший русским о планах казанцев, в том числе о том, что «послали на Арьскую засеку... государевых изменников Япанчу-князя, да Чапкунова племянника Шунак-мурзу, да **Арьского князя Явуша**» (выделено нами – Д. И.) с задачей всех тех, кто находился за пределами Казани, собирать и приходить на «государевых людей», чтобы «воинских людей на Арьское не пропустить»². И действительно, Патриаршая (Никоновская) летопись рассказывает, что «... приходили Япанча-князь, да Евуш-князь изъ острогу отъ Арска, и мысль ихъ въ все места приходити их полкомъ царьскимъ, да где пакость сътворять»³. Из «Разрядной книги 1475–1605 гг.» видно, что князь Япанча также был Арьским князем. В част-

1 ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. – С. 176.

2 Там же. – С. 202.

3 Там же. – С. 207.

ности, при описании событий, связанных с только что упомянутым известием – «приходом» князей Япанчи и Явуша, этот источник сообщает: «...месяца августа в 30 день... послал государь воевод своих на Арское поле против Арских князей Япанчи-князя и Еуша князя и иных выезших. Они по вся дни и стояше на Арском поле полки и хотяше как бы им промысл учинить и пробитца в град Казань»¹.

Таким образом, в событиях 1552 г. под Казанью на стороне Казанского ханства сражались, по меньшей мере, три Арских князя (Япанча, Богодан и Явуш). На самом деле эта группа «казанских» – Арских князей, была более многочисленной. По данным Патриаршей (Никоновской) летописи, посланные в направлении крепости Арска русские войска в 1552 г. «взяша острогъ (т.е. Арск – Д.И.) и татар многое множество побили и живыхъ двесте человек изымали». После этого войска завоевателей «пошли, воюючи и села жгучи, къ Арскому городищу; и пришедше на Арское городище, и бояре и воеводы послали головы царева полку, а сами на городище стояли два дни и пошли другою дорогою х Казани. И повоевали Арскую сторону (Арскую даругу – Д.И.) всю»². В «Разрядной книге 1475–1605 гг.» об этом же событии говорится так: «...сентября в 7 день, как государь стоял под Казанию, и посылал государь ис-под Казани бояр и воевод своих к Арскому воевать Арские места.... И воеводы Казанскую землю воевали десять дней и арские села и деревни пожгли, и людей казанских многих побили, а иных многих живых привели»³. Но наиболее развернутая характеристика этих событий содержится в источнике XVI в. – «Истории о Казанском царстве» («Казанском летописце»). Там говорится, что русские войска 3 дня стояли около «ostroга великого» под названием Арск (Ареск). Крепость характеризуется таким образом: «ostroгъ стары..., зделан аки градъ твердъ и з башнями, и з бойницы, и живет людей много в немъ, и берегут велми, и не бе взиман ни от коихъ же ратей...». Крепость, стоявшая относительно недалеко от столицы ханства г. Казани, находилась, согласно источнику, в «местехъ зело крепкихъ и въ непроходимых, въ дебрехъ и въ блатахъ, единымъ путемъ к нему прийти и отойти». Русские войска, видя, что с ходу крепость взять не удастся, ибо там, как говорит «Казанский летописец», имелось «бойцов единыхъ 15000», прикатали пушки и выставив пищали, начали стрелять по острогу. Тогда «князи же Арские и вся Черемиса ... врата отверзли и руки подаша». В итоге русские, согласно этому источнику, взяли в плен «князей Арских – 12, и воеводъ Черемискихъ 7, и земскихъ людей лутчихъ [,] избравше сотниковъ старейшихъ 300, и всехъ до 5000 человекъ»⁴.

В последнем случае обращают на себя внимание как число захваченных Арских князей – 12 человек, так и наличие у них весьма крупного воинского контингента (в разных редакциях «Казанского летописца» – от 5 до 15 тыс. человек), включавшего в свой состав как «воевод» из «черемисов» (марийцев?), так и «сотников», что говорит о наличии в этом отряде казаков, возможно, из рядовых «арских» татар. Кстати, «арские наездники, казаки» времен завоевания Казани в 1552 г., находившиеся в подчинении у некоего князя по имени Исхак, упоминаются в одном позд-

1 Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. М.: Наука, 1978. – С. 324.

2 ПСРЛ. Т. 13. – С. 211.

3 Разрядная книга 1475–1605... – С. 425–426.

4 ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127.

нем (XIX в.) татарском предании¹. Нахождение под командованием Арских князей в Казанском ханстве и ранее значительных военных сил видно также из эффективной обороны ими в 1496 г. крепости Арска от войск хана Мамука, как известно, наступавшего на острог вместе с «Казанскими князьями». Тогда Арские князья «града своего не здали, ... бишесе крепко»².

Мечеть в селе Кошары (Атнинский район, Республика Татарстан)

В целом, центральное положение крепости Арск по отношению к Арской даруге, ее укрепленность, наличие в ней целой группы Арских князей со множеством воинских людей, явно свидетельствует о политической значимости этой группы знатных татар в Казанском ханстве. Но до обращения к доказательству данного положения необходимо вернуться к генеалогическим материалам, содержащим имя Явуша. В данном случае речь идет не о тех генеалогиях Яушевых, которые были уже рассмотрены, а о гораздо более обширных и древних генеалогиях тех Арских князей, которые жили с определённого времени на территории Вятской земли – в бассейне р. Чепцы (центральное поселение в XV в. – *Нократ*, второе название – *Карино*)³. Именно на их основе нам в свое время и была обоснована гипотеза о тождественности предка Яушевых – князя Явуша и одного из представителей генеалогического древа вятской ветви Арских князей по имени *Чавуш/Жуаш*⁴.

1 Износков И. А. Список населенных мест Мамадышского уезда // Труды IV археологического съезда в России. Т. 1. Казань, 1884. – С. 122.

2 ПСРЛ. Т. 13. – С. 166, 467.

3 Исаков Д. М. К вопросу об этносоциальной топографии центрального владения вятской ветви Арских князей в XVI–начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. – С. 87–93.

4 Исаков Д. М. От средневековых татар... – С. 31–42; Его же. Арские князья и нукратские татары... – С. 93–107.

Но проблема в том, что существующие генеалогии Арских князей, несмотря на их неоднократную публикацию¹, не были исследованы на предмет выяснения их принадлежности к «вятской» или «казанской» ветвям этого рода, хотя некоторые версии этих генеалогий (например, конца XVIII в.), безусловно были составлены в с. Нократ². Решение этого вопроса осложняется тем, что представители «вятской» части Арских князей уже в конце XVI–начале XVII вв. начали переселяться в Заказанье (возможно, к своим «казанским» сородичам) и на юго-восток (елабужско-мензелинское направления) современной территории Татарстана³, не исключено, увозя с собой некоторые версии существовавших у них генеалогий. Сюда еще добавляется и такой фактор, как отмеченные в источниках (см. далее) переселения из среды Арских князей «вятской» ветви на территорию Казанского ханства уже в первой половине XVI в.

Представитель рода Яушевых – Равиль Ахметович Яушев (1937) рядом с могилой Аббас хазрата из рода Яушевых (с. Кошары)

Все это, естественно, сильно затрудняет выявление в сохранившихся генеалогиях Арских князей их представителей собственно «казанской» ветви, хотя их

1 Они в основном издавались М.И. Ахметзяновым (см.: Ахметзянов М.И. Татарские шежере..., 1991. – С. 43, 48–49; Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). Казан: Татар кит. нәшрияте, 1995. – 12–28 бб.; Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Татар кит. нәшр., 2009. – 30–38 бб.; Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Беренче том. Казан: Г.Ибраһимов исем. ТӘСИ, 2011. – 14–109 бб.; Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре: 1 т. – 14–76 бб.). Обычно он именует эти родословные как «шежере Кара бека». Имеются и более ранние издания этой родословной, например, принадлежащие М. А. Усманову (Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. – С. 181–189).

2 Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары...

3 Там же.

имена, как было уже отмечено, для середины XVI в. частично известны (князья Богодан, Япанча и Явуш/Евуш).

Тем не менее, анализ доступных сейчас текстов генеалогий Арских князей позволяет, как нам думается, сделать некоторые предварительные выводы о «казанской» части этого знатного клана.

Прежде всего, обращает на себя внимание присутствие в генеалогии потомков Кара бека, записанной в д. Югары Ушма (современный Мамадышский р-он РТ), следующей цепочки: *Кара бәк – Гали бәк – Әлсуфий бәк – Жуаш бәк*¹. Эта генеалогия явно связана с генеалогиями «вятской» ветви Арских князей, ибо там тоже можно обнаружить эту же цепочку: *Кара бек – Гали бек – Альсуфи бек – Чюваш*². Исходя из того, что первая из названных генеалогий была обнаружена в Заказанье – что однако еще однозначно не означает ее появления именно среди «казанской» части изучаемого клана – следует пристальнее всмотреться на имя *Чюваш/Жуаш* бека(бия), ибо имея в виду характерное для казанско-татарских говоров «джокание» (*жир* вместо кыпчакского *ер/йер*), данное имя может принять и форму *Еуаш/Йуаш*, то есть получается хорошо известное из русских летописей имя *Явуш/Евуш/Еуш*, носитель которого обладал титулом «Арского князя» и находился в 1552 г. на территории Казанского ханства среди защитников крепости Арск. В пользу того, что генеалогическая фигура и исторический Арский князь Явуш (*Евуш*) это одно и то же лицо, можно привести еще два аргумента. Во-первых, известна дата смерти матери Чуваш бека – жены Альсуфи бека – 1504 г., и время жизни брата Чюваш (*Жуаш*) бека – Сейтяк бека (род. в 1495 г., умер – в 1555 г.)³, что позволяет без проблем вписать реального Арского князя (бека/бия) Явуша из Казанского ханства в указанный хронологический ряд. Во-вторых, несмотря на то, что в сохранившихся генеалогиях рода Яушевых отец Яуша не указан⁴, есть косвенные данные, подтверждающие нахождение князя Явуша (*Жуаш/Чюваш*) именно на территории этого ханства. В частности, в генеалогических данных, характеризующих род этого бека, его потомки в родословных Арских князей «вятской» ветви или совсем не указаны или, когда они там есть, то присутствуют в тех генеалогиях, которые найдены в Заказанье⁵. Очевидно, что в лице Арского князя Явуша и его потомков – Яушевых, мы действительно имеем дело с представителями «казанской» ветви Арских князей. Это не единственная информация такого рода. В свое время М. И. Ахметзянов привел полевые данные, попавшие в так называемый «Менгерский сборник» – историю сел Большой и Старый Менгер. Там сообщается, что «мурзы» (а это Яуш и Утей) за то, что «помогли русским завладеть Казанью, от царя получили большие льготы, стали совершать насилие над жителями и оскорблять их»⁶. Р. Г. Галлям сообщает, что по местным преданиям «мурзы села Старый Менгер указали путь пришедшему с Вятки русскому войску, за что трое из них были вознаграждены – один

1 Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре: 1 т. ... – 32 б.; Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре (Беренче том). – 26 б.

2 Исаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... – С. 202.

3 Исаков Д. М. От средневековых татар... – С. 35..

4 См.: Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре: 1 т. – 56–57 бб.

5 Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре (Беренче том). – 28–34 бб.; Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре: 1 т. – 16 б.; Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). – 12–13, 16–22 бб.

6 Ахметзянов М. И. Татарские шеджере... – С. 48

получил лес (*Каенсар урманы*), другой – кубок, который должен был бесплатно наполняться в любом кабаке, третий получил возможность бесчинствовать над женской половиной жителей села»¹. Как бы мы не относились к этим преданиям – а под ними явно скрываются исторически достоверные данные, например, по Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. за князем Багишем Яушевым, а прежде за его племянником – князем Иванаем Кадышевым, кроме прочего находился и кабак² – они дополнительно подтверждают проживание князя Явуша на территории Казанского ханства, ибо по сохранившимся актовым материалам видно, что сыну этого князя Багишу по меньшей мере с 1590 г. принадлежало поместье в с. Старый Менгер (см. выше), а его дядя – Кадыш, вообще имел двор в г. Казани еще в 1565–1568 гг.

Общий вид с. Карино, часть д.Ильясово. 2015 г.

Для того, чтобы взаимоувязать генеалогии «вятской» и «казанской» ветвей Арских князей, изложим еще одну гипотезу, вытекающую из информации, содержащейся в родословной, написанной в с. Нократ в XVIII в. Речь идет о том, что в генеалогических записях конца XVIII в., ведшихся в с. Карино (Нократе), у правнука Кара бека по имени Хусаин (*Кара бек* → *Мухаммет бек* → *Ильяс* → *Хусаин*), жившего до начала XVI в., дети, время жизни которых приходится на первую половину XVI в., то есть на период существования Казанского ханства, оказались в д. Шабулат «Арской округи»³. В этой связи можно предположить, что фигурирующий в летописном сообщении за 1552 г. Камай мурза сын князя Усеина⁴ может происходить от указанного выше Хусаина б. Ильаса, выходца из состава Арских князей «вятской ветви». Но вот другой вопрос – один ли и тот же человек этот мурза и упоминающийся в Писцовой книге Ив. Болтина 1602–1603 гг. князь Камай, фамилия которого в опубликованном

1 Галлям Р. Г. Род мурз Яушевых... – С. 329.

2 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. – С. 41

3 Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... – С. 115–116.

4 А Камай мурза б. Усеин князь рассказал русским в ходе осады г. Казани о планах казанцев, в том числе о том, что «послали на Арьскую засеку... государевых изменников Япанчю-князя, да Чапкунова племянника Шунак-мурзу, да Арьского князя Явуша» (ПСРЛ. Т. 13. – С. 207).

тексте данного источника передана как «Смиленев»¹, остается до конца не проясненным. С одной стороны, владения этого князя, чье имя идентично имени известного в 1552 г. мурзы Камая, находились на территории Арской даруги Казанского уезда², но с другой стороны, его фамилия не позволяет полностью видеть в нем Кама-б. Усеина. Правда, нельзя исключить того, что издатели текста рассматриваемого источника могли неправильно прочесть имя отца князя Камая. В пользу того, что рассматриваемые две личности можно отождествить, следует привести и данные о владении князем Камаем половиной сельца Урсека – возможно, именно это селение позже именовалось как Ура (*Ор*), Служилая Ура, имея прямое отношение к потомкам Арских князей³. К тому же русские власти вряд ли стали бы жаловать князя Камая владениями, правом держать кабаки и перевозки⁴, если бы он не имел заслуг перед ними – а именно такие заслуги, как мы видели, у Камая б. Усеина были⁵. В принципе хронологические соображения не препятствуют отождествлению этого мурзу и князя Камая начала XVII в. – если в 1552 г., когда мурза Камай перешел на русскую службу, ему было около 20 лет, то он вполне мог дожить до 1602–1603 гг., будучи в возрасте около 70 лет. Наконец рассматривая обсуждаемый вопрос, надо принять во внимание и легендарные сведения о том, что Камай после перехода на русскую сторону побоялся жить на «казанской стороне» и из-за этого удалился к «Нократу»⁶, под которым кроме бассейна р. Вятки (по-татарски – *Нократ*) может подразумеваться и *Карино/Нократ*, хотя более вероятно, что имеется в виду бассейн р. Вятки, где в районе этой реки есть с. Камай (современный Менделеевский р-н Татарстана). Отсюда вывод: весьма вероятно, что мурза (затем князь) Камай б. Усеин был также из рода Арских князей. В плане обсуждаемого вопроса следует учесть и весьма показательный момент – до перехода волости Терься в 1582 г. к князю Багишу Яушеву, она, как уже было показано, принадлежала Камаю Смиленеву.

В трактовке уже приведенных данных надо учесть и сведения из исторических преданий конца XIX–начала XX вв. потомков Арских князей, подчеркивавших свое первоначальное проживание на территории Казанского ханства.

Первое из них было записано П. М. Сорокиным в конце XIX в. в с. Карино (*Нократе*) Слободского уезда Вятской губернии из уст представителей семьи Касимовых. Согласно им, их общий предок – Касим Газыев, бывший «первым поселенцем из своей фамилии» в Карино, являлся «выходцем из Арска»⁷. Второе предание, записанное в 1920-х гг. А. Рахимом в Арском кантоне (в Мамсинской волости, скорее всего, в с. Ура или Служилая Ура) в 1920-х гг., рассказывало о «выходе из Болгар» трех родоначальников, основавших, соответственно, г. Касимов,

1 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. – С. 116. Вторая половина сельца Урсек, первая половина которой была у князя Комая (Камая) Смиленева, находилась у князя Бакшанды Нурушева. Та часть сельца, которая досталась князю Камаю, ранее принадлежала деду Бакшанды – Урсеку, затем – отцу его, Нурушу (Там же).

2 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. – С. 116–120., 128–129, 131, 137, 145.

3 Салихов Р. Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма / Серия «История населенных пунктов Республики Татарстан». Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

4 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. – С. 116–120., 128–129, 131, 137, 145.

5 См. также: Әхмәтжанов М. И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы... – 150–157 бб.

6 Там же. – 152 б.

7 Сорокин П. Арские князья в Карине // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1894 – С. 48, 62.

с. Ура и с. Нократ¹. Если учесть, что в с. Ура (*Служилая Ура*) живут потомки Арских князей, то в приведенной легенде основное значение будет иметь «выход» предков Арских князей «из Болгар». Важно и упоминание г. Касимова, так как туда ушла часть воинов хана Улу-Мухаммада, в том числе и, надо думать, клановые вожди четырех основных личных кланов хана, в числе которых был и клан кыпчак. Однако, тут следует иметь в виду, что «Булгаром ал-Джадидом» (Новым Булгаром) в первой половине XV в. именовалась Казань², а параллельным наименованием Казанского ханства вплоть до середины XVI в. было «Булгарский вилайет». Поэтому, упоминаемый в легенде выход «из Болгар» мог подразумевать не только исторический Булгарский вилайет Улуса Джучи, но и приход предков Арских князей с территории Казанского ханства. Третье известие, записанное от информаторов из с. Ст. Бурец Малмыжского района Кировской области в 1970-х гг. Р. Г. Мухаммадовой, гласит, что на месте русской деревни Дубровка раньше жили «нукраты». Там находилось урочище под названием «Болгары» и старое мусульманское кладбище, куда, согласно преданиям, в прошлом на «поклонение предкам» приезжали татары из с. Карино, которых, по данным информатора из д. Шуда (Балтасинский район Татарстана), именовали «каричами»³, то есть подчеркивался их приход из Карино (*Нократа*). Эти территории, находившиеся значительно южнее бассейна р. Чепцы, ранее явно относились к Арской даруге, что опять-таки возвращает нас к Казанскому ханству.

Остатки мечети в с. Карино, часть Ильясово. 2015 г.

1 Рахим А. Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, 1930. Вып. 4. – С. 56.

2 Мухаммадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XIII–XV вв. М.: Наука, 1983. – С. 119–134.

3 Мухамедова Р. Г. Чепецкие татары (краткий исторический очерк) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. – С. 111.

Таким образом, есть основания полагать, что Арские князья «казанской» ветви не только существовали, но и были в близком родстве с представителями «вятской» ветви данной группы татарской знати. Более того, источники свидетельствуют о том, что некоторые из Арских князей, живших на территории Казанского ханства, были на самом деле выходцами непосредственно из состава представителей «вятской» ветви этого знатного рода (Яушевы – от князя Явуша, с определенными колебаниями Камаевы – от мурзы/князя Камая б. Усеина), точнее, восходили к общей с ними генеалогической цепочке. Еще одним подтверждением сказанному является тот вариант родословных Яушевых (вариант II), где есть признаки путаницы в звеньях родословной и где присутствует «Сейтак пий» (бий), которому явно соответствует брат *Жуваши /Чюваши* бека Сейтак бек (1495–1555), хорошо известный из генеалогий «вятской» ветви Арских князей и связанных с ними актовых и других материалов¹.

Мечеть в с. Карино, часть Касимово (Юач). 2015 г.

После того, как был решен вопрос о личности предка Яушевых – князя Явуша, имевшего титул «Арского князя» и находившегося к середине XVI в. в Казанском ханстве в числе других знатных татар с таким же обозначением, мы можем перейти к определению места этой группы, связанной с Арской даругой и его административным центром – крепостью Арск, в социально-политической системе данного юрта. Для этого вначале необходимо несколько слов сказать в целом о социально-политической структуре позднезолотоордынских тюрко-татарских государств-наследников Улуса Джучи (Золотой Орды).

К настоящему времени можно считать установленным, что социально-политическое устройство татарских ханств XV–XVI вв. (у Крымского ханства и позже)

¹ Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... – С. 93, 145–148, 150.

базировалось на так называемой «системе четырех карача-беев», унаследованной с периода Золотой Орды¹. На деле речь идет о четырех правящих племенах, лидеры которых в Улусе Джучи были известны как «улусные эмиры/беи» – «амир ал-улус» (на арабском), по русским источникам – «Ордынские князья», а один из них являлся главным беком – «олуг бэк» (на тюрко-татарском), «*Бекляр-бейляр беги*» («князь князей» русских источников). Эти улусные эмиры совместно с ханом из Чингисидов образовывали правящую корпорацию, в рамках коллективного правления которой уравновешивая власть хана-суверена. Внутри этой корпорации отношения между ханом и лидерами правящих племен (в принципе, состав их мог меняться, сохранялась лишь сама структура) регулировались не только тем, что четверо улусных эмиров поднимали хана – Чингисида на трон, а тот из состава клановой знати одного из них назначал беком – лидером племени, но и тем, что между этими вождями и ханом существовали родственные связи по женской линии – хан брал из их семей жен, а те, в свою очередь, женились на дочерях и сестрах хана. Фактически вся внутренняя политика в Золотой Орде строилась на взаимодействии дома Чингисидов и названной клановой организации с ядром в виде четырех правящих племен. Не исключено, что эта система из четырех кланов была связана и с первоначальным крыльевым делением Улуса Джучи (на Ак Орду и Кок Орду)². В связи с тем, что ханы из-за перекрестных браков с семьями клановых вождей были опутаны с ними родственными отношениями, возникала ситуация, когда правящие династии Чингисидов превращались в некотором роде в «мета-племя или соплеменную общность, вытягивавшей из всех племен [женщин] через регулярную систему супружества между ханами и дочерьми племенных вождей», как и наоборот – между клановыми вождями, дочерьми и сестрами ханов³. В случае необходимости вожди указанных племен могли свергнуть или даже убить хана и поднять на трон нового правителя из числа Чингисидов, но сами улусные эмиры также зависели от хана – тот мог назначить лидером племени другого представителя знатного рода (обычно это происходило на основе принципа старшинства по возрасту)⁴.

Вот эта система, как основа социально-политического устройства позднезолотоордынских тюрко-татарских юртов, была характерна практически для всех ханств, но наиболее полная информация об их существовании сохранилась по Крымскому, Казанскому и Касимовскому ханствам⁵. Из источников вытекает, что первоначально правящими в этих ханствах являлись кланы ширин (*шырын*), барын (*бахрин/баарын*), аргын и кыпчак⁶. А это, в свою очередь, объяснялось тем, что во всех названных юртах правили потомки хана Тохтамыша (с последующими

1 Детальнее см.: Schamiloglu U. The qarachi beys of Later Golden Horde: Notes on the organization of the Mongol world empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4. – PP. 287–297.

2 Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009. – С. 24–25, 29.

3 Schamiloglu U. The qarachi beys... – P. 95.

4 Детальнее см.: Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III–середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. – С. 118–120

5 Обзор литературы см.: Исхаков Д. М. От средневековых татар... – С. 12–13.

6 Анализ см.: Inalchik H. The Khan and tribal aristocracy The Crimean Khanate under Sahib Girai // Harvard Ukrainian studies. 1979–1980. Vol. 2–4. Part 1. – PP. 445–466; Manz B. F. The Clans of Crimean Khanate // Harvard Ukrainian studies. 1987. Vol. 2–3. – PP. 282–309; Исхаков Д. М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV–середины XVI в.) // Панорама-Форум. 1995. № 3. – С. 95–107.

изменениями в Казанском и Касимовском ханствах), у которого, согласно Утемишу-хаджи, «давними, со временем предков, элями», как раз являлись указанные выше четыре клана¹. В итоге из их лидеров в названных юртах были карачи-беки, старшим (*олуг/улу бэй*) из которых являлся глава клана ширин.

По нашему мнению, Арские князья в Казанском ханстве были вписаны в структуру функционировавшей там системы четырех карача-беков, то есть четырех правящих кланов (ширин, барын, аргын, кыпчак), являясь одним из ее составных элементов. Для того, чтобы удостовериться в этом, а также для определения клановой принадлежности группы этих князей (а они имели в своем подчинении и рядовых татар-казаков), необходимо изучить как сведения русских источников, так и данные татарских источников, проливающих свет на данную проблему.

Остатки традиционного татарского дома в с. Карино, часть д. Деветьярово. 2015 г.

Начнем с того, что под 1496 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи зафиксировано важное известие, связанное с севшим на казанский престол при поддержке ногайцев Шибанидом Мамуком – братом правителя Тюменского ханства ханом Ивакам (*Ибрагимом*). Согласно этой летописи, Мамук, имевший историческое право на этот престол², после овладения в 1496 г. Казанью, «прииде подь Арский городок. Арские же князи града своего не здаша, но бишася с ними крепко, и въ то время князи Казанские отъехаша отъ Мамука в Казань и град окрепиша и царя Ма-

1 Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрип. И. М. Миргалеева, Э. Т. Сайфутдиновой, З. Т. Хафизова; пер. на русс. яз. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфутдиновой; общая и науч. ред. И. М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 55, 128.

2 Исхаков Д. М. Между Булгаром и Казанью: Этнополитические процессы в Булгарском (Казанском) виляте в 60–70-х годах XIV–40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – С. 45–55.

мука в град не пустиша»¹. На первый взгляд кажется, что упоминаемые в этом сообщении Арские князья, чьим политическим центром выступает «Арский городок/град», не входили в состав «князей Казанских», в которых надо видеть карача-беев. Но надо иметь в виду, что Мамук в составе своих отрядов из ногайцев уже имел «князей Казанских», очевидно бежавших до того от Мухаммада-Амина, но не полностью, ибо пришедший к власти Шибанид Мамук «изымал» четверых (Калимета, Урака, Садыра и Агиша) Казанских князей с «братьею» как «изменивших» своему государю, под которым надо скорее всего понимать предшественника Мухаммада-Амина хана Али. Они явно были сторонниками Мухаммада-Амина, оставшимися в Казани еще с 1487 г., когда часть казанской знати бежала после интронизации при московской поддержке нового хана. Обращает на себя внимание присутствие имен именно четырех князей в приведенном выше перечне – так обычно маркировались карача-беки, например, в Крымском и Касимовском ханствах. Когда летопись рассказывает о том, что хан Мамук через небольшой промежуток времени после интронизации в Казани названных выше князей «пожаловал» и «выпустил» их, придя с ними под Арск, где он начал действия по захвату данной крепости, эту информацию можно трактовать двояко: а) В Арске продолжали править «Арские князья», являвшиеся сторонниками бежавшего хана Мухаммада-Амина и представлявшие один из правивших в этом юрте кланов; б) Или же представители этого клана попали вначале в г. Казани в плен к Мамуку, а после того, как тот их «выпустил», они удалились в Арск. Возможно, что и до этого часть клана оставалась там (см. далее). Как бы то ни было, из летописного сообщения за 1496 г. отчетливо видно присутствие в Казанском ханстве группы знати, обозначаемой как «Арские князья». В данном случае не так важно, откуда идет их наименование – от названия ли Арского «града» или Арской «земли» – «даруги», явно существовавшей в Казанском ханстве, ибо в сообщении о сборе ханом Ибрагимом в 1469 г. войска со «всей земли» этого юрта, в его составе упоминается территория, обозначенная как «Вотятская»², т. е. «Арская» [даруга/земля].

В связи с данным летописным сообщением надо рассматривать и следующее по времени упоминание в Патриаршей (Никоновской) летописи Арских князей в 1531 г. В том году казанские послы прибыли в Москву просить от имени «земли казанской» дать им повторно в ханы Шах-Алия, а когда тот был отпущен вместе с этими послами в Василь-городок, им было предписано, чтобы они оттуда отправили «в Казань отъ себя грамоту да и къ Черемисе къ горной и луговой (фактически к чувашам и марийцам – Д. И.) и къ Арским князем, о государеве жалованье»³. Как видно из данного сообщения, Арские князья тут фигурируют как значимая политическая сила в Казанском ханстве, что было явно не случайно, ибо они именно в таком качестве упоминаются и в послании из Казани в Крым, перехваченном по пути русскими (в Москву оно было доставлено 1 мая 1549 г.) и дошедшем до нас в русском переводе. Там есть такая фраза: «Казанские земли Мамай князь (беклярибек из Ширинов – Д. И.) в головах, и уланы, и молны, афизы, изеи (хаджи – Д. И.), и все князи, и сотемные князи, и десятники, и горные люди, и **арские князи** (выделено нами – Д. И.) и все люди, о твоём пожаловании

1 ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. – С. 343.

2 Там же. – С. 122.

3 ПСРЛ. Т. 13. – С. 56.

челом бьют»¹. В последнем случае надо иметь в виду, что казанцы от имени всей своей «земли», то есть Казанского юрта, после смерти хана Сафа-Гирея в 1549 г., обращались в Крым с тем, чтобы «юрт... иному не достался», прислать им в ханы Давлет-Гирея, причем просители были, как видно из документа, ранжированы в определенные группы – беклярибек Мамай представлял «всех князей», т. е. прежде всего, карача-беев, в числе которых имелись и «Арские князья», за ним шли уланы, бывшие Чингисидами не правивших ветвей, затем идут религиозные деятели, потом – сообщество мелких «князей» разного ранга, вслед за ними – простые жители: «горные люди» (это, очевидно упоминавшиеся «черемисы»), потом «Арские князья», за которыми явно скрывалось население значимой в ханстве Арской даруги. Тут необходимо напомнить, что карача-беки везде традиционно участвовали в интронизации ханов, поэтому упоминание Арских князей в данном послании надо рассматривать в этом же контексте. Что касается значимости данной группы в Казанском ханстве, то надо принять во внимание и летописное известие, в 1551 г. рассказывающее о приходе «Чаваш Арьской з боемъ на Крымцовъ» с требованием «о чем де не бьете челом государю?», когда они «пришли на царевъ двор, и Крымцы Кошакъ-улан съ товарищи с ними билися и побили Чавашу»². Тут надо указать, что в центральной зоне Арской даруги это владение состояло отнюдь не из удмуртов, а из ясачной части казанских татар, обозначенных в данном случае как «Чаваш Арьские». Доказывается это тем, что по Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. Ив. Болтина, по Арской даруге этого уезда³ в 35 селениях жили «ясачные чуваш», а в 15 селениях – «татары» и «ясачные чуваш» вместе, то есть они были потомками «Арских чуваш» 1551 г. Эти данные позволяют высказать вполне обоснованную гипотезу о том, что в данном случае мы действительно имеем дело с одним из княжеств в составе Казанского ханства во главе с собственной правящей элитой, известной из русских источников как «Арские князья». Клан во главе с ними, опиравшийся и на рядовых татар-казанцев, владел Арской даругой ханства с подчиненным ему ясачным населением из удмуртов, а ближе к центру – также из «ясачных чувашей». До 1489 г. территория этой даруги, вне всякого сомнения, доходила до бассейна р. Чепцы.

Теперь надо остановиться на отмеченном перемещении в первой половине XVI в. некоторых представителей линии Арских князей с Вятской земли, с 1489 г. подконтрольный Московскому великому княжеству, в Казанское ханство – соседнее суверенное государство, весьма часто бывшее во враждебных отношениях с первым. Думается, что подобный переход из одного государства в другое в рамках постзолотоордынского политического пространства был вполне возможен и он базировался на институциональных механизмах. Дело в том, что представители кланов карача-беков обладали правом свободного передвижения между политическими наследниками Золотой Орды – а в их число входило и Московское великое княжество. Кроме того, после 1489 г. на казанском престоле неоднократно сидели дружественные Московскому великому княжеству ханы (с временной сменой политической ориентации) – Мухаммад-Амин, затем Абдул-Латыф,

1 Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1966. – С. 488–489.

2 ПСРЛ. Т. 13. – С. 166, 467.

3 Подсчитано нами (См.: Исхаков Д. М. От средневековых татар... – С. 90).

Шах-Али, что могло облегчить уход знатных татар из Вятской земли в Казанское ханство (не исключено, что были и обратные перемещения, но в источниках информация об этом не обнаружена). Между прочим, фиксация на территории Казанского ханства в середине XVI в. в составе знати, контролировавшей Арскую даругу, сразу нескольких лиц (Богодан, Япанчи и Явуш) с княжеским титулом, когда двое последних из них действовали одновременно, как и упоминание тут в ряде случаев (см. выше) множественной формы «Арские князья», скорее всего связано с указанным выше приходом из Вятской земли Московского великого княжества в Казанское ханство уже титулованных, согласно жалованным грамотам московских государей, князьями лиц или их детей, в это государство, ибо в обычной ситуации кланы карача-беков имели одного князя, являвшегося как раз их политическим лидером. Так как это лицо именно в таком качестве было «вписано» в социально-политическое устройство позднезолотоордынских юртов, его не так-то легко было сместить (хотя подобное действие и было возможно).

Вид традиционного дома. Село Карино. 2015 г.

Для окончательного вывода относительно места Арских князей, следовательно, и предка рода Яушевых князя Явуша, в социально-политической структуре Казанского ханства, осталось определить клановую принадлежность этой группы татарской знати из данного государства. Ясно, что они должны были принадлежать к одному из четырех правивших в этом юрте кланов, общая численность представителей, которых была не очень большой¹. Но к какому? Ответ на этот вопрос не

1 Недавно введенный В. В. Трепавловым в научный оборот источник позволяет определить численность татар с клановым делением, являвшихся элитой Казанского ханства, в 20 тыс. человек для 1520 г. (Трепавлов В. В. «Отецкие и дети»: элита Казанского ханства в Литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3. С. 600–611).

лежит на поверхности, и он не может быть извлечен из русских источников, поэтому, чтобы раскрыть клановую принадлежность Арских князей, придется обратиться к тюрко-татарским источникам. Наиболее важные для определения клановой принадлежности князя Явуша и других Арских князей сведения сохранились в развернутых родословных, обозначаемых по имени одного из генеалогических фигур из шеджере, как «родословная Кара бека». Так как принадлежность Арского князя Явуша к этой генеалогической цепочке установлена, мы можем углубиться по линии его предков до интересующего нас звена. Вот как будет выглядеть данное шеджере: *Явуш бек – Альсуфый бек – Гали бек – Кара бек – Канбар бек – Калдар (Калдур) бек – Балым (Балын) бек (султан) – Бачтан (Пачман) султан (хан)*¹. Генеалогия на последнем имени не заканчивается, но об этом мы поговорим позднее.

Сразу отметим, что начальные звенья шеджере (*Явуш, Альсуфый беки*) вполне историчны, о чем уже говорилось. Из одной грамоты за 1544 г. видно, что по Писцовой книге Г. Коробина 1503–1504 гг. отцом фигурирующего в приведенной родословной Альсуфый действительно был *Гали/Али*, так как фамилия его дана в форме «Алеев»². В итоге Гали бека также можно считать реальной личностью. Так как Сейтяк бек – брат Явуша, родился в 1495 г.³, звенья находящиеся выше него, в частности, поколения Альсуфый, Гали, Кара беков, относятся к периоду не позже XV в. Последний – Кара бек, скорее всего, жил на рубеже XIV–XV вв. или несколько, но ненамного, позже. Остальные звенья родословной являются более ранними. Насколько, будет видно из дальнейших данных.

Из звеньев рассматриваемой родословной, находящихся до Кара бека, следует обратить внимание на имена Канбар бека и Калдар бека, а также Балын (Балым) бека (султана). Дело в том, что двое из этих генеалогических фигур – Калдар бек и Балын бек, обнаруживаются и в других письменных источниках тюрко-татарского происхождения. Из последних, прежде всего, нас должно заинтересовать анонимное произведение конца XVII в. «Дефтер-и Чингиз-наме», имеющее разные версии (сводный его текст до сих пор не издан).

В этом историческом сочинении, имеющем сложный состав, содержится дастан, посвященный роду Чингисхана. Там имеется рассказ о наделении Чингисханом своих беков владениями и народом⁴. В ходе совершения этого пожалования каждый бек получил тамгу, птицу, дерево, уран, кольчугу и места (*урын*), а также «народ» (*халыклар итеп аерды*). Число беков, за именами которых скрываются клановые образования, названия которых не всегда поддаются расшифровке, доходит в этом источнике до 13 или 14⁵. Так вот, одним из беков, указанных в данном перечне,

1 Исаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... С. 95–99. Тут приводится только центральная часть генеалогии, являющейся более сложной и разветвленной.

2 Там же. – С. 82–83, 147.

3 Там же. – С. 96–97. Дата рождения уточнена.

4 См.: Дәфтәре Чыңгыз намә // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкарьләре / [транскр. эшләүче, хәзерге татар әд. теленә күчәрүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләре авт. С. Гыйләжетдинов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011 – 51–55 бб.; Ivanics M., Usmanov M. A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär – i Čingiz-namä). (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, 2002. – PP. 56–62; История Чингиз хана и Тамерлана // Труды Оренбургской УАК. Оренбург, 1907. Вып. 19. – С. 117–157; Андреев И. Т. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. – С. 26.

5 Разбор проблемы см.: Исаков Д. М. От средневековых татар... – С. 157–160

выступает Калдар би, у которого отмечены следующие племенные атрибуты: дерево – сандал, птица – голубь (*кугэрчен*), уран – Арна, тамга – ковш (*чумеч*). Кольчуга его носит наименование «*Чака Тургай*»¹. А так как в одной из версий «Дефтер-и Чингиз-наме», сохранившемся только в русском переводе², в весьма неожиданном контексте указывается отец Калдар бека Бален/Балын³, мы можем быть уверены в том, что и в других вариантах рассматриваемого источника речь идет об одних и тех же личностях, составлявших звенья генеалогической цепочки предков Кара бека. К сожалению, источник не дает нам название клана, предводителем которого Калдар бек б. Балын выступает. Но показательно, что источник не включает его в число предводителей 9 основных «родов», пришедших по зову Чингисхана и образовавших «один народ» (правда Калдар б. Балын тоже вошел в итоге в его состав). К тому же, в ходе операции по изготовлению телеги (см. ниже), моделируется ситуация, показывающая, что Балын бек был представителем иной этнокультурной среды, чем остальные беки – предводители главных монгольских родов⁴.

Традиционный двухэтажный деревянный дом. Село Карино. 2015 г.

-
- 1 Дэфтэре... – 53 б.; Ivanics M., Usmanov M. A. Das Buch... – P. 58; Андреев И. Г. Описание... – С. 26
 - 2 В свое время текст этого сочинения был отправлен В. В. Бартольду, который сделал заключение о том, что оно в целом совпадает с вариантом, опубликованным в 1822 г. в Казани И. Хальфиным, но имеет некоторые отличия (это действительно так) от его печатных текстов (История Чингисхана и Тамерлана... – С. 117–118).
 - 3 Когда там заходит речь об изготовлении в монгольской среде «первой телеги», дастан указывает, что ее сделал «Калдар бий Баленов» (История Чингиз хана и Тамерлана... – С. 134). Конечно, в тюркском («Чагатайском») оригинале стояла не фамилия, а какой-то термин, обозначавший, что Калдар происходил от «Балена» - угыл / огыл, бине и т.д., но сейчас это слово нельзя восстановить без тюркского оригинала текста эпоса.
 - 4 История Чингиз хана и Тамерлана... – С. 133–134.

Отдельно надо отметить то, что в обнаруженном в последнее время новом варианте «Дефтер-и Чингиз-наме», содержащем более древний список беков (число их также 14), одаренных племенными атрибутами и владениями¹, имена Калдар бека и его отца Балын бека отсутствуют, но заметно, что между Мамаем б. Алача (*Аладжа*) и Урук-Тимуром, точнее, кланами *кыят* и *шырын*, присутствует название еще одного клана – группы «*кыбджак*», но без точной персонификации имени его вождя (на деле этот клан каким-то образом «приписан» к Мамаю или Урук-Тимуру (ширину)². А так как именно в этом месте источника друг за другом идут наименования таких кланов, как *шырын*, *аргын*, *барын* с указанием их беков (все их имена историчны), предшествующий им клан «*кыбджак*», который может быть приписан к Мамаю б. Алачу, на самом деле должен быть от него отделен, но тогда он останется без своего бека. Но в других вариантах «Дефтер-и Чингиз-наме» позиция Кыпчак бия стоит отдельно (дерево – *карама*, птица – *бөркет*, уран – *токсаба*, тамга – *тарак*)³, не смешивается с позицией Калдар бека б. Балына⁴. Поэтому, не вполне ясно, кто должен пониматься под эпонимом «Кыпчак би» – клан «Кыбджак» более ранней версии «Дефтер-и Чингиз-наме» или другой клан. На самом деле это не такой простой вопрос и нам для ответа на него придется обратиться к другим татарским преданиям, в которых упоминается имя Балын бека (султана).

Согласно татарским преданиям, записанным в 1698 г. со слов сторожей – татар, охранявших «палату каменную», то есть мавзолеей, в районе Биярского городища, «в прошлых годах, до Казанского взятия, исстари построен был басурманский город Балымерский..., а в нем был царь Болынгозя и он де Балынгозя умер, да в то же время был царь татарский Сафар галей, и того де Балымерского царя похоронил и построил над ним палату каменную»⁵. Это место пользовалось особым уважением у татар и башкир также в более позднее время. А. Б. Александров в своей публикации за 1885 г., отмечает: «...где ныне Биярск, был прежде башкирский город Буламер..., в котором имел пребывание один из храбрейших государей... [Там] находится ... магометанское кладбище... Балын-гуся. Как татары, так и башкиры уважают это кладбище и почитают его священным»⁶.

Итак, в этих преданиях речь идет о некоем «городе» под названием «Балымер/Буламер», где находился «царь», имя которого звучало как «Балынгузя/Балын-гусь». На самом деле под последним подразумевается *Мәлүм-хужа*, чья могила, находящаяся рядом с Биярским городищем, до сих пор почитается. Из перечня имен этого святого видно, что старинная его форма – Болын/Балын, а гузя/гусь, это передача тер-

1 Мустакимов И. А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 122–131. В данном случае перечень беков идет под заголовком «имена беков, бывших в эпоху Джанибека». Наш разбор этого источника см.: Исаков Д. М. Одно из важных наблюдений ибн Батутты по внутреннему устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М. А. Усманова. Казань, 29–3 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011 – С. 21–27.

2 Исаков Д. М. Одно из важных наблюдений... – С. 129.

3 Ivanics M., Usmanov M. A. Das Buch... – P. 57

4 Ibid. – P. 58

5 Мельников А. Акты исторические и юридические и древняя царская гармоты Казанской и других соседних губерний. Казань, 1859. Т. 1. – С. 180

6 Александров С. А. Башкиры (этнографический очерк) // Оренбургский листок. 1885. № 51.

мина «ходжа» и производного от него «хужа» – «хозяин, господин». Конечно, «царь Балын-гозя» при казанском хане Сафа-Гирее жить не мог. Скорее всего, тот построил или, что более вероятно, восстановил мавзолей, возведенный над его захоронением гораздо раньше. Не исключено, что встречающиеся в титулатуре великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича (документ относился к 1367–1368 гг., а умер он в 1383 г.) после его успешного похода в Среднее Поволжье обозначение «[князь] болгарской и болымецкой»¹, во второй части может быть образовано от понятия «Балымер» (Балым+ер/ир) или «Балым»/«Балын/Балын-гусь» (кстати, понятие «балыматы» фигурирующее и в «Казанской истории»², также состоит из корня «Балым» + монгольского форманта мн. ч. *at/um*). В последнем случае он воспроизводит наименование Балымерского городища (оно же «Балыматы»), расположенного в районе Болгарского городища³. Тут следует иметь в виду, что в названии «Балымер» его окончание «ер/ир» может трактоваться не только как производное от «ер/йер», «ор/ыр» – крепостной земляной вал, укрепление, но и как «ир», то есть «муж»⁴. Похоже, что во всех этих случаях мы имеем дело с именем Балын бека (султана), высокий статус которого отражен и в том, что возвышенность, где находится могила «Балым ходжи» (*Малум/Бален хужа*), известна у татар как «Хужалар тавы» («Гора ходжей, хозяев»). Таким образом, на территории Булгарского вилайета Улуса Джучи появляются следы этого знатного лица, носившего титул «бек» или «султан».

А как обстоит дело с его «отцом» или предком, каковым в генеалогии Кара-бека (следовательно, и Яшувых) выступает Бачман султан (хан)?

Имя Бачмана фигурирует в некоторых исторических преданиях, дастанах и в отдельных письменных исторических произведениях, связанных с тюрко-татарским населением (татарами и башкирами) Волго-Уральского региона.

Одно из сообщений содержится в «Дефтер-и Чингиз-наме», где в разделе «О местах и городах» этого сочинения, повествующем как о легендарных, так и реальных тюрко-татарских юртах (например, «Казань-юрт Шагали хана», «Бухара-юрт Болгаер [Абулхайер] хана», «Тура-[юрт] Урус хана», «Хаджи-Тархан-юрт Тимур-Кутлы» и др.)⁵, есть и такой пассаж: «Ак-Тубэ – юрт Бачман хана». Более развернутое предание, также содержащее информацию об Ак-Тубе, было записано в XVIII в. П. И. Рычковым у башкирского старшины Кадряся Мулакаева, опиравшегося в своем рассказе на бывшую у него некую «татарскую историю», то есть, на письменный текст. Согласно этому источнику, «ногайский хан Басман» жил в «Малой Татарии», которая, согласно Кадрясу, находилась «близ Крыма», но после «великого морового поветрия» тот оттуда «перешел к реке Яику, и близ Сакмарского устья на горе, в расстояние от Оренбурга шесть верст... построил город, именовал [его] Актюба». Как отмечал П. И. Рычков, на том месте при его жизни «некоторые развалины» того города ещё были видны. Затем отмечается, что этот хан со своим

1 Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV–начала XVI в. М.: Наука, 1964. – С. 335.

2 Казанская история. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 48. Речь идет о местности, находившейся в 20 поприщах, т. е. примерно в 15 км., от «града старого [под] именем Брягов болгарский» и стоявшей к XVI в. как «градище пусто».

3 Фахрутдинов Р. А. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территорий. Казань, 1975. – С. 124–125.

4 Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... – С. 105.

5 Ivanics M., Usmanov M. A. Das Buch... – P. 90; Дефтере Чынгыз наме... – 67 б.

народом в 17 тыс. кибиток кочевал по р. Яику и прилегающим землям, зимой «переходя Уральские горы» и доходя до рек Белой и Демы. Далее речь в этом историческом предании идет о том, что у этого хана произошла вражда с двумя бывшими с ним «ногайскими мурзами» – Алтакарем и Битюрязком, в результате которого он был убит и после чего похоронен на территории современного П. И. Рычкова г. Оренбурга. Описывая это место, данный автор сообщает: «...Над могилой того хана построено было каменное кладбище (видимо, мавзолей – Д. И.), кое еще донныне при Нагорном бастионе знатно, и при застроении Оренбурга немалая часть того кладбища в целости была, и разные камни с арабскими надписями найдены». До П. И. Рычкова была также доведена информация о «брате» покойного хана Бачмана по имени Тюряз хан, также убитого «Алтакаръ мурзой», с рассказом об усилении в тех пределах впоследствии «Акйазар салтана», бывшего от «поколения старинных тутошних ханов» и его взаимоотношениях с ногайцами¹.

Современный дом. Село Карино, части Девлетъярово и Митюково. 2015 г.

Перед нами, конечно, многослойный источник, который нельзя трактовать как описание подлинных событий, к тому же достаточно поздних, как это, например, было предложено казахским историком Ж. М. Сабитовым². Но показательно, что Бачман, фигурирующий в названном письменном сочинении, куда он скорее всего

1 Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. – С. 69

2 Сабитов Ж. М. Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. – С. 63–69. Нашу критику позиций данного исследователя, см.: Исхаков Д. М. Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи северной Евразии. Материалы VI международного семинара и VIII международной школы-семинара «Геоэкологические проблемы степных регионов» / Под науч. ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилева. Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012. – С. 319–321.

попал из устных преданий, как мы увидим далее, действительно существовавших, опеределен в нем как «хан», имевший конкретное владение в бассейнах рек Яика, Сакмары и других рек Приуралья (Белой, Демы и др.). Центром данного юрта выступает «город Актюба». Поэтому фраза из «Дефтер-и Чингиз-наме» о том, что «Актюба-юрт Бачман хана», не может быть случайной, она отражает какие-то исторические реалии, которые еще предстоит выяснить.

Весьма интересные данные о хане Бачмане сохранились в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу». Так как сюжеты об эпической личности – Туляке, были уже разобраны нами в отдельной публикации, в которой приведены и данные, связанные с характеристикой названного дастана¹, ниже мы остановимся лишь на основной канве дастана, касающейся фигуры Бачмана. Прежде всего следует отметить, что легендарный Бачман хан в ряде случаев в рассматриваемом дастане выступает как отец главного героя эпического произведения – Туляка (Заятуляка), хотя чаще в этой роли называется Мирказый бий. Изучение разных версий дастана позволило обнаружить, что в более древних вариантах этого эпоса Бачман является самостоятельной фигурой, а когда он все-же объявляется отцом Туляка, вопреки логике в других местах дастана Мирказый бий тоже признается его отцом. Такие разночтения, которые в эпосе преодолеваются через признание Туляка сиротой, взятом ханом на воспитание, были объяснены нами нарушением целостности первоначального текста дастана, когда на более ранние предания наложилось данные из других преданий. В этой связи надо указать на то, что в письменных вариантах дастана «Туляк и Сусылу» Туляк считается нукером Бачман-хана, жившего в бассейне р. Яик (*Жайык сулаган*). Именно оттуда Туляк был изгнан своими врагами. Кроме того, связь Туляка и легендарного Бачман хана обнаруживается еще в некоторых деталях эпоса. В частности, в одной из версий анализируемого дастана отцом Заятуляка назван «*Албыр йолкыш*». На самом деле тут подразумевается клановое образование, имевшее прямое отношение к Бачман хану, но это мы увидим позже.

Как видим, тут мы опять имеем дело с Бачман ханом, жившем в бассейне р. Яика. Про него дастан сообщает следующее: «*Бачман хан берлә Чачдар хан дигән ханлар бар имеш. Әүүәл заманлар Жайык сулаган икән. Бачман хан дигән бер хан угылы ирде; халкы, нигъмәте, полы күп, йорты киң иде. Алтмыш йегет хезмәтче-нүкәре бар иде... Алтмыш беренче Миркасы би угылы Түләк атлыг иде. Түләкне хан үз катына алды. Түләк бер йалгыз ул иде*»² [Перевод: «Якобы были ханы Бачман хан и Чачдар хан. В былые времена находились (они) в бассейне Яика. Был сын хана по имени Бачман; у него было много народу, богатств и денег, юрт его был обширным. Он имел 60 слуг-нукеров. Шестидесять первым был сын Миркасы бия по имени Туляк. Хан взял Туляка к себе»]. В этом отрывке, кроме прочего, проглядывает, что вообще-то Бачман, обозначенный в эпосе как хан, на самом деле таковым не являлся, ибо он был лишь «сыном хана», что достаточно важно для наших дальнейших изысканий.

Теперь нам следует разобрать ещё одно весьма обширное историческое предание, сохранившееся в составе родословных Кара бека. Оно существует в двух

1 См.: Исаков Д. М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 119–127.

2 Цитируется по: Госманов М. Г. Кауры каләм эзеннән: археограф язмалары. Казан: Татар кит. нәшр., 1994. – 238 б.

версиях – приводимой в варианте родословной, находящейся в фонде Р. Фахретдина, а также в варианте, содержащемся в шеджере, принадлежавшем известному татарскому археографу С. Вахиди¹. Вторая версия преданий повторяет с известными особенностями (они объясняются в указанной нами работе М. И. Ахметзянова) первый текст, совпадая с ним в ядровой части. Нам придется привести оба текста (см. таблицу 4), чтобы выявить их инвариантную часть (вводная часть генеалогии, принадлежавшей С. Вахиди и отражающей татарскую образованность², мы тут рассматривать не будем).

Таблица 4

Исторические предания рода Кара бека³

I версия (из фонда Р. Фахретдина)	II версия. (из материалов С. Вахиди)
«Ул олуг Сократ хаким нәселе. Әүвәл Сократ хәким, Искәндәр шаһ берлә мәңү сувы эстәгәндә бергә имеш. Олуг бабамыз Гыйффәт солтан, аның углы Габдулгазиз солтан, аның углы Әлвәр солтан, аның углы Бирде солтан, аның углы Габдерахман солтан, аның углы Бажтан [Бачман] солтан Рум вилайәтеннән килеп Йаекга, Сакмар тамагында күп рузгар иткәннәр.* Бажтан солтанның углы Балым бик, аның углы Калдар бик, аның углы Кукчә тархан, икенчесе Ханбар бик. Аның өч углы бар иде: берсе Нар бик, икенче Ишем солтан, өченче Кара бик. Килеп Өчпүләдә йорот иткәннәр. Ул Кара бик аталарына үнгесе тартып** китеп, Калталы Иван – Карт Иванга, сар Иван Василийга килеп, баш салып, андин соң ул олуг бабамыз Кара биккә падишаһимиз... йарлыкаган Нократ йирен биргән...»	«Пачман хан Эрзырум шәһәрэндин чыгып, килеп Сакмар сувының тамагында рузгар кичерде. Пачман хан бабамыз сахиб кыйран Искәндәр Зөлкәрнәйин нәселендәндер. Эрзырум шәһәрэндән бахурфи (?) бар вакытта чыгып рабыйге мәскүнең*** жанүбе шаркыя килеп, Сакмар сувының тамагында калыгә ясап, хан улып торды, кинә аның углы Балым солтан Ык суы буенда мәкам тотты****. Ык сувының ике яклап [,] Зәй сувы буеның ике яклап, аяк бәйләп торды. Пачман хан – Балым солтан – Калдар бик – Канбар бик – Кара бик кенәз...»

Примечания:

* *Рузгар иткәннәр* – тормыш иткәннәр.

** *Үнгесе тартып* – обидевшись.

*** *Рабыйге мәскү* – место проживания в весеннее время.

**** *Мәкам тоту* – иметь место проживания, владеть территорией.

Из указанных выше исторических преданий видно, что они состоят из нескольких смысловых частей:

1) Предки Кара бека были из «рода Сократ Хакима», находившегося вместе с «шахом Искандером». В другой версии – они происходили от «Искандера Зулькарнаи» непосредственно.

1 Детальнее см.: Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап)... – 12, 20–28 бб.

2 См. там же. – 24–25 бб.

3 Тексты и примечания взяты из работы М. И. Ахметзянова (См.: Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре. (Беренче китап)... – 12, 22 бб).. Перевод некоторых выражений на русский язык скорректирован нами.

2) Бачман (Бажтан, Пачман) хан (или султан) переселился из «Румского вилайета» или «города Эрзрума» в восточном направлении.

3) В итоге переселения он оказался на Яике, в устье р. Сакмар, где им была построена крепость (кальга) и где Бачман стал ханом.

4) Сын Бачман хана Балым султан жил в бассейне р. Ика, где держал владение по обеим сторонам этой реки и еще р. Зая (Зэй). По другой версии, Калдар бек и его сыновья Кукча тархан, Ханбар бек жили в районе Ак Идили, в местности «Өчпүлә»¹.

Если сопоставить друг с другом все сохранившиеся исторические предания о Бачмане, включая и те из них, которые вошли в письменные тексты, обнаруживаются общие для них моменты. Во-первых, утверждается пребывание Бачмана в районе р. Яика и низовьев р. Сакмары со столичным центром в г. Актюба и с нахождением впоследствии его потомков в районах, прилегающих с севера к отмеченной территории (бассейны рек Ика, Зая, Демы, Агидели), а также Билярского городища. Во-вторых, переселение группы (согласно приведенным уже данным она была достаточно многочисленной – 17 тыс. кибиток это до 100 тыс. чел.) во главе с Бачманом в Южное Приуралье произошло откуда-то с запада (из «Румского вилайета», «Эрзерума», «Малой Татарии/Крыма»). В-третьих, эта группа была клановым образованием со своими клановыми атрибутами и правящим беком/султаном/ханом. В неявной форме просматривается принадлежность этого формирования к «кыпчакам», но этот вопрос пока остается не выясненным (уже отмечалось, что в этой связи надо обратить особое внимание на эпическое имя «Албыр»). В-четвертых, как сам Бачман, так и его потомки, являлись весьма знатными лицами, о чем свидетельствуют не только титулы «султан» и «хан», но и титул «бий, бек», которыми потомки сулатна/хана Бачмана начинают обозначаться начиная с Калдар бека (Балын оказался в переходном состоянии – его в генеалогических и исторических преданиях именуемой как султаном, так и беком). В-пятых, Калдар б. Балын бек хотя и «вписан» в число клановых вождей «ближнего круга» у Чингисхана, он остается несколько обособленным от собственно монгольских клановых вождей.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют (а к ним ещё можно добавить и некоторые дополнительные сведения, содержащиеся в них, но пока до конца не раскрытые) обосновать вывод о том, что род Арских князей, к которым принадлежал и князь Явуш, имел знатное происхождение и принадлежал к конкретному клану, издавна находившемуся в Южном Приуралье (в Восточном Закамье и Оренбуржье). Нам предстоит выяснить точное название этого клана и проследить её историю в рамках Улуса Джучи, Булгарского вилайета и начального периода истории Казанского ханства. Но это будет сделано уже в следующей главе нашего исследования.

¹ Наши изыскания позволили установить, что как название населенного пункта как топоним до сих пор существует в бассейне р. Агидели/Белой (в Дюртюлинском районе Республики Башкортостан). (См.: Исхаков Д. М. От средневековых татар... – С. 41).

Глава 2. Клан Бачман султана (хана) и его присоединение к Улусу Джучи

§ 1. Клановая и этническая принадлежность Бачман султана (хана, эмира)

Несмотря на то что в литературе есть разные высказывания относительно этнической и клановой принадлежности Бачман султана (хана, эмира), они далеко не окончательны и зачастую дискуссионны. Скажем, известный специалист по археологии кочевников Восточной Европы С. А. Плетнева, название клана, к которому относился Бачман, предложила читать как «эль-бури», выводя затем из этого наименования его возможную принадлежность к половецкому объединению Бурчевичей (Бурджоглы), заключив, что этот половецкий вождь, то есть Бачман, приходился внуком или правнуком известному из русских летописей хану Боняку – главе приднепровского объединения кыпчаков¹. При этом она никак не объяснила, почему Бачман встретился с монгольскими войсками значительно восточнее – в зоне локализации не западных, а восточных кыпчаков, точнее будет сказать йемеков (кимаков). Да и ее трактовка наименования, во главе которого Бачман стоял, по ряду причин не может быть принята – оно на самом деле никак не связано с «буре»/волком, что сейчас уже достаточно ясно², хотя разногласия по поводу названия данного племени в литературе всё ещё остаются³.

В последнее время к вопросу об этнической принадлежности клана олперли/албарлы обратился и один из отечественных исследователей – Р. П. Храпачевский, известный своими переводами средневековых китайских источников по кыпчакам и средневековым татарам. Согласно его мнению, восточные кыпчаки возглавля-

1 Плетнева С. А. Половцы / Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. Серия «Страницы истории нашей Родины». М.: Наука, 1990. – С. 178. См. ее попытку увязать название этого клана с волком – буре (Там же. – С. 137–138, 142). Отчасти некоторые положения этого автора относительно Бачмана восходят видимо к работе П. В. Голубовского, опубликованной в первый раз еще в 1884 г. (См.: Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар / П. В. Голубовский. М.: Вече, 2011. – С. 190). Но у П. В. Голубовского нет высказываний о связи названия интересующего нас клана с «буре» или с ханом Боняком, они сформулированы самой С. А. Плетневой.

2 См. например: Храпачевский Р. П. Половцы – куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) / Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы и исследования». Т. II. «Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей». М.: ЦИВОИ, 2013. – С. 27–28, 38–39.

3 Это видно из статьи американского историка П. Голдена, вышедшей уже довольно давно (Golden P. B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): the fortunes and misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medievae. 1986. Vol. 6 – PP. 5–30).

лись выходцами из состава группы кун, как он думает, бывшей частью племенного объединения татар и до первой трети XI в. проживавшей «у границ империи Ляо», где-то «на стыке» внутренней Монголии и Маньчжурии¹. По его реконструкции, после миграции на запад куны, являвшиеся родственной объединению кай, группой, ставшие господствующим (ханским) родом, встали во главе (или подчинили) таких групп, как кимаки, канглы и «других кипчакских родов»². При этом клан олберлик (его наименование он выводит от монгольского «улбар»/красноватый³), как полагает Р.П. Храпачевский, к кунам не относился⁴. Это заключение данного исследователя базируется на его предположении о пребывании в предмонгольское время клана олберлик в «предкавказских степях», что он связывает с упоминанием рядом с объединением во главе с Бачманом, «аланов»⁵ (на самом деле асов, что, как мы ещё увидим, далеко не одно и то же).

Кимакский каганат (конец IX—начало XI вв.).

https://vk.com/wall-44796148_449.

Построения Р.П. Храпачевского относительно кимаков и группы кай восходят к работе казахского историка С.М. Ахинжанова, попытавшегося доказать не только тождественность понятий «кимак» и «кай», но и этническую близость этих двух групп с татарами, по его мнению, исходно являвшимися, как и кимаки (каи), монголоязычными⁶. Однако проблема, кроме прочего, в том, что С.М. Ахинжанов эту группу восточных кыпчаков, которую Р.П. Храпачевский связывает с каями, то есть, в том числе и с кимаками, считает возможным увязывать с объединением ильбари/олперли⁷.

1 Храпачевский Р.П. Половцы-куны... – С. 22–23.

2 Там же. – С. 39.

3 Там же.

4 Там же. – С. 38.

5 Там же.

6 Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 108–135.

7 Там же. – С. 200–204, 230–234.

В литературе представлены и другие мнения об этом клане, но они будут разобраны далее.

В условиях таких разногласий наиболее предпочтительным будет начать анализ круга вопросов, относящихся к проблеме клановой и этнической принадлежности Бачмана султана (хана) и его объединения, с рассмотрения основных источниковых данных, помогающих разобраться в ней. Наиболее содержательные сведения относительно Бачмана – генеалогического предка Арских князей – сохранились в нескольких исторических источниках, рассказывающих о монгольских завоеваниях, происходивших в 1230-х гг. в Волго-Уральском регионе. Вначале нам надо разобраться с ними. Затем, опираясь на них, мы сможем восстановить тот исторический контекст, в рамках которого объединение во главе с Бачманом взаимодействовало со своими соседями. В ходе рассмотрения этих сведений и появится возможность выяснить время жизни интересующего нас знатного тюрка, что позволит ввести верхние звенья генеалогии Кара бека в более точные хронологические рамки. После этого будет рассмотрен вопрос о вхождении объединения, которое возглавлял Бачман, в состав Улуса Джучи.

Вначале обратимся к Рашид ад-Дину. Персидский историк, прекрасно осведомленный об истории Монгольской империи, рассказывая в «Джами ат-таварих» (1300/1301–1310/1311) о приходе монгольских войск (а это был общеимперский поход) осенью 1236 г. «в пределы Булгар», вначале говорит о выступлении «Бату с Шейбаном, Бурулдаем и войском в поход против буляров и башгирдов», затем сообщает, как эти войска дошли «до города Великого (Биляра – Д.И.) и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили покориться», в результате чего «тамошние вожди Баян и Джику изъявили покорность» и им было разрешено вернуться обратно, но они вскоре «опять возмутились» и знаменитому Субэдей бахадуру пришлось их подчинять заново. Вслед за этим разные группы монгольских войск пошли «каждый со своим войском облавой», при этом Менгу «с левого крыла» двинулся «по берегу моря» (Каспия – Д.И.). В итоге чего он пленил «одного из тамошних эмиров, из народа кипчаков, из племени олбурлик», по имени Бачман; тогда же был пленен «из племени асов» их предводитель (эмир) по имени Качира-укулэ¹. Таким образом, этот источник, раскрывающий племенную и этническую принадлежность группы, во главе которой стоял Бачман – клан *олбурлик* из *кипчакского* народа, далее представляет некоторые детали того, как Бачман, имевший высокий титул, переданный Рашид ад-Дином как «эмир», был захвачен монголами. Как рассказывает персидский историк, тот долго скрывался «в лесах на берегу Итиля», спрятавшись со своими людьми на одном из островов, очевидно, в районе многочисленных рукавов этой реки, но из-за сильного ветра вода оттуда отступила и скрывавшиеся попали в руки своих врагов во главе со знатными монгольскими военачальниками. После того, как те истребили «сообщников» Бачмана, тот «умаллял, чтобы Менгу-каан [сам]... довел его дело до конца». В результате, по указанию Менгу, его брат Бучек «разрубил» Бачмана надвое. Тогда же был убит и живший явно на левом берегу Итиля эмир асов – Качир-укулэ².

Близкая по смыслу информация содержится и в труде Ата-Мелика Джувейни «Чингисхан: история завоевателя мира». Этот историк, служивший династии Хула-

1 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: «Ладомир», 2002. Т. II. – С. 38

2 Там же.

гуидов и создавший свой объемный труд между 1252/1253 и 1260-м гг., о Бачмане сообщает следующее: «Когда каан (Угэдей – Д.И.) направил Менгу-каана, Бату и других царевичей завоевать земли Булгара, Аса, и Руси, кипчаков, аланов и других племен, все эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонили свои головы в повиновении. Тем не менее, одному из вождей поверженных кипчаков, человеку по имени Бачман, удалось уйти от преследования с отрядом кипчакских воинов и к нему присоединились другие беглецы». Далее этот автор, как и Рашид ад-Дин, живописует, как эта группа скрывалась от монголов и как она попала в итоге в плен (далее идет тот же рассказ, что и у Рашид ад-Дина – похоже, он заимствовал его у Джувейни или другого общего для обоих, источника). Но у него есть детали, которые отсутствуют у Рашид ад-Дина. Джувейни указывает, что «монголы [тогда] захватили в плен их жен и детей, а также забрали множество ценной добычи»¹. Получается, что Бачман скрывался не только со своими воинами, с ними вместе были и их семьи, то есть, скорее всего, весь клан, все объединение.

Однако, реальная ситуация была еще более сложной, о чем нам говорят данные отдельных источников китайского происхождения. Так, близкая по смыслу информация о Бачмане, например, присутствует в «Юань ши», китайской официальной хронике династии Мин, составленной в 1368–1369 гг. и опиравшейся на монгольские материалы предшествовавшей Юаньской династии.

Согласно этой хронике, где-то около мая 1237 г. «Мэнгу ходил походом на кипчаков, разбил их и схватил их главаря Бачмана»². В другом месте летописи речь идет о том, что кааном Угэдеем было приказано «Бату пойти в Западный поход (речь идет о периоде с 21 января 1235 г. по 8 февраля 1236 г. – Д.И.) на Бачмана». При этом, согласно источнику, Угэдей каан сказал: «[Мы] услышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу, Субэтай тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его». В итоге он «приказал [Субэтаю] быть в авангарде и сразиться с Бачманом, а затем еще назначил [его] командовать главной армией. После чего были захвачены жены и дети Бачмана на Каспийском море. Бачман узнал о приходе Субэтая, сильно оробел и сбежал в середину моря»³. Из последнего пассажа видно, что монголам вначале удалось захватить «жен и детей» Бачмана, а сам он сумел скрыться. Очевидно, его с воинами, находившимися вместе с ним, схватили позже. В другом месте данного источника это же событие передано более детально. Там указывается, что в ходе нападения Мэнгу на «племена кипчаков, ... их главарь Бачман убежал на остров в море», но затем он и его люди были пойманы и Мэнгу «повелел ему бить земные поклоны», но в ответ услышал от Бачмана: «Я являюсь владельцем страны и разве стал бы любыми путями искать спасения? Мое тело не имеет горба и разве от стояния на коленях он появится»? После этого Мэнгу «повелел посадить его в тюрьму. Бачман сказал охранявшему [его] так: «Я спрятался в

1 Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан: история завоевателя мира. М.: Изд. дом «Магистр-пресс», 2004. – С. 399–400.

2 Юань ши (Официальная хроника династии Юань)//Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: Изд-во «ВЗОИ», 2004. – С. 490, 503; Китайская династийная история «Юань ши (официальная история [династии] Юань»//Золотая Орда в источниках. Том третий. Китайские и монгольские источники. М.: «Типография Наука», 2009. – С. 174, 208, 230.

3 Там же.

море, от рыб не отличишь, однако в конце концов был пойман – Небо [так решило]! Сегодня уже подошел срок вернуться воде, войско должно быстрее возвращаться». Государь узнал об этом и вскоре отозвал армию для отдыха, но вода уже подошла и последние войска переправлялись вплавь»¹. Как видим, в этом случае об убийстве монголами Бачмана речь не идет. Показательно также, что он выступает в качестве правителя «страны», то есть государства, что говорит о не случайном характере его высоких титулов.

Чингизидские государства.

<http://www.bestofhistory.ru/besthist-263.html>

В связи с тем, что против «кипчаков», находившихся где-то на левом берегу Итиля, в районе впадения реки в Каспийское море, был направлен сам овеянный славой Субэдей бахадур, эта группировка, возглавлявшаяся «эмиром» племени олбурлик Бачманом, надо думать, была значимой силой, что подтверждается и некоторыми другими источниками, освещающими события, имеющие отношение к Западному походу войск Монгольской империи 1235–1242 гг. Однако, специфика этих источников такова, что Бачман в них непосредственно не фигурирует, упоминается лишь тот клан, главой которых в 1230-х годах он являлся. Например, в «Табакат-и-Насыйри» Джуджани (ок. 1260 г.), когда речь заходит о том, как «Бату сел на место своего отца» – Джучи (Туши), отмечается, что «под его власть под-

¹ Китайская династийная история... – С. 181.

пали все земли племен Туркестана, от Хорезма, болгар, бургасов и сакалибов до пределов Рума; он покорил в этих краях все племена кипчак, канглы, йемек, *ильбари* (выделено нами – Д.И.), рус, черкес и ас...»¹. На самом деле у этого автора имеется еще одно замечание, из которого видно, что представители клана ильбари (альпари) / альбарлы, вошедшего до этого в родственные отношения с Мухаммад хорезмшахом – сын последнего Арзали шах был женат на дочери Улуг хана Азама (тот во время монгольских завоеваний в Средней Азии ушел вначале в Багдад, затем – в Дели) – были «важными персонами из рода племени Ильбари, носили титул хана, имели многочисленный клан зависимых»². Джуджани про Улуг-хана Азама в завершение заявляет «... он [являлся] ханом Ильбари и шахом Йемека»³. Так в рассмотренном источнике появляется связка между кланом *олбурлик*, *албари (алтари)* / *илбарли* и йемеками, причем в таком контексте, который указывает на клан ильбари как на правящую группу у йемеков.

Итак, клан Бачман султана (хана), которого некоторые источники определяли и как эмира, что тоже было не случайно, назывался *илбари/алпар* (албарлы) и относился он к этнокультурной общности кыпчаков, если быть более точным – к йемекам (кимакам), то есть к объединению восточных кыпчаков.

Для того, чтобы уточнить подобную аффилиацию данного клана, нам следует рассмотреть некоторые публикации отечественных⁴ и зарубежных⁵ исследователей, из которых станет ясно, что по вопросу об этнической принадлежности группы, которую Бачман султан к 1230-м гг. возглавлял, в исторической литературе существуют определенные разногласия у двух главных авторов – П. Б. Голдена и С. М. Ахинжанова. В данном случае нам необходимо выяснить имевшие моменты разногласий именно у этих авторов для того, чтобы в дальнейшем предложить собственную трактовку отнюдь не простой проблемы этнических истоков клана илбари (алпар/албарлы). Обзор предпочтительнее начать с публикаций известного американского историка П. Голдена, написавшего специ-

1 Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Ч. I Извлечения из сочинений арабских. Ч. II. Извлечения из сочинений персидских. Сост., введ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевский. М.: Типография «Наука», 2003. – С. 251.

2 [Juzjani]. Tabakat-i Nasiri: A General History of the muhammadian dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infiderete Mugals into Islam by Maulana Minhaj – ad-din, Abu – Umar-i Usman [ibn Sirajal-din al Juzjani]. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970. Vol. II. – p. 791.

3 Ibid. – P. 1205.

4 Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке (публикация источников) // Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. 1963. Т. V. вып. 1. – С. 59–65; Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в конце монгольского нашествия // Вестник АН Казахской ССР. 1970. Вып. I. – С. 45–49; Ахинжанов С. М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1976. – С. 81–93; Ахинжанов С. М. Кипчаки...; Кадырбаев А. Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII–начало XIII в.) // Общество и государство в Китае. Тринадцатая научная конференция. Тез. и докл. М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. Восточной лит-ры, 1982. Часть 2. – С. 132–136; Храпачевский Р. П. Половцы-куны...

5 Golden Peter B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III–IV. Part 1. – PP. 296–309; Golden P. B. Cumanica II: – PP. 5–30. Имеется перевод на русский язык первой статьи: Голден П. Б. Половцы дикие // Tatarica, 1997/98. № 1. Зима. – С. 13–25.

альную статью, посвященную интересующему нас клану, используя отчасти и работы зарубежных, а также отечественных историков, затрагивавших до него вопрос о данном клане.

Этот автор полагает, что клан олбер/олперли был частью восточных кыпчаков (по Идриси – «Черная Кумания»; в данном случае от слова «кара», которое, скорее всего, обозначает тут восток¹), которых русские летописи называли «дикими половцами»². Он в общей форме «диких» (восточных) кыпчаков вначале поместил к востоку от Дона и Донца³, но затем предпочел их территорию отодвинуть в регион от Итили до Яика⁴, что, как думается, более точно. П. Голден указал на фиксацию в некоторых русских летописях группы «отперлюве» уже год 1152 г. с замечанием, что данный этноним может быть производным от «Алперлю»⁵. В целом, несмотря на многообразие использованных в источниках форм наименования этого клана, он остановился на названии *Олберли/Олперли*, что находит полное соответствие в корневой части названия с «именем» *Албыр*, встречающемся, как уже отмечалось, в дастане «Туляк и Сусылу», о чем еще речь дополнительно пойдет позднее. П. Голден, как видно из его работы, связал появление группы во главе с кланом олберли в Волго-Уральском регионе с общим движением тюркских (и не только) групп из Центральной Азии на запад между рубежом XI–XII вв., но отметил и возможность их появления в степных ареалах, расположенных к северу от Средней Азии, ещё до 1050 г.⁶, на что следует обратить внимание. Что касается этнической принадлежности изучаемого племенного объединения, то этот исследователь предпочел видеть в них ранних монголов, имевших и тунгусские включения⁷. Но при этом он вынужден был отметить, что в литературе существует и иная точка зрения о предках тех формирований, из среды которых вышла группа олберли – речь идет об их возможной тюркской, в данном случае, кимакской аффиляции (об этом писал, например, правда непоследовательно, известный американский историк украинского происхождения О. Прицак, на что указывает и сам П. Голден)⁸. По нашему мнению, анализ данной проблемы, предпринятый П. Голденом⁹, демонстрирует, что его основной вывод – «Олберли были одним из монголоязычных кланов или племен, продвинувшихся на запад в ходе беспорядков, сопровождавших подъем и упадок киданей»¹⁰, далеко не безупречен, если не сказать, неправилен. В том числе и потому, что он опирался на отдельные, уже

1 У этого понятия есть и другие смыслы – См. например: Кононов А. Н. О семантике слов кара и ак в тюркской географической номенклатуре // Известия отд. общ. наук Таджикской ССР. 1954 Вып. V. – С. 83–85.

2 Голден П. Б. Половцы дикие. – С. 14–19; Golden P. B. Cumanica II... – P. 13. Заметим, что определение «дикие» не связано с уровнем развития этих кыпчаков, а имеет иной смысл.

3 Голден П. Б. Половцы дикие... – С. 14–15.

4 Golden P. B. Cumanica II... – P. 15. Отдельные русские летописи, рассказывая об их участии в противоборстве русских князей, не случайно подчеркивали их приход «издалека».

5 Ibid. Правда, он рассматривает и другие варианты происхождения этого этнонима, например, от топонима – названия некоей горы из китайских источников – Ūu – li – po-li / Yü-li-pai-li (Ibid. – PP. 12, 24).

6 Ibid. – PP. 13, 15, 22.

7 Ibid. – P. 15.

8 Работу О. Прицака см.: Pritsak O. Polovcians and Rus // AEMA. 2. (1982). – PP. 321–340.

9 Golden P. B. Cumanica II... – PP. 18–22.

10 Ibid. – P. 22.

устаревшие, взгляды своих предшественников. Но для полновесного обоснования этого заключения нам ещё предстоит провести дополнительные изыскания, что будет сделано в следующей главе.

Тут необходимо только отметить, что мы солидарны с П.Голденом в том, что клан олберли был частью «правлящей элиты восточных кыпчаков»¹. Существенным является также выявленная им связь данного клана с племен *байут* (байаут), по поводу происхождения которого (тюркское или монгольское) есть разночтения в источниках, но в целом этот клан действительно фигурирует как один из «правлящих домов Кипчакской конфедерации»².

Другим исследователем, внесшим значительный вклад в изучение истории восточных кыпчаков в целом и клана олперли, в отдельности, является С.М. Ахинжанов, основную работу которого мы уже начали разбирать. Тут необходимо отметить, что несмотря на серьезный уровень исследования С.М. Ахинжанова, связанный с фундаментальной проработкой им источников (включая и отдельные китайские источники) и знакомство его с трудами именитых предшественников (И. Маркварта, П. Пелльо и др.), в нем есть и отдельные недостатки. В частности, он, кажется, не был знаком с отмеченной выше статьей П. Голдена. Кроме того, по вопросу о генезисе клана ильбари/олперли, С.М. Ахинжанов, по нашему мнению, оказался в плену взглядов более ранних западных исследователей, без должного основания отнесших целый ряд тюркских групп (включая и клан олберли) к числу монголоязычных сообществ. Поэтому, при анализе взглядов данного исследователя на клан ильбари/олперли, надо принять сказанное во внимание. Скажем, когда С.М. Ахинжанов высказывает мнение о появлении в начале XI в. среди кыпчаков взамен правящей «местной кыпчакской», как он пишет, династии из племени ильбари, новой, монгольской по происхождению, династии из племени байаут, с постулированием тезиса о разделении около 1130-х гг. ранее единой Кыпчакской конфедерации на две части – на тех, кто был сосредоточен к северу от Аральского моря (в низовьях Сырдарьи), летом кочуя до Уральских гор, и на тех, кто пребывал в области «Андар аз-Кифчак» (Сыгнакское владение с центром в г. Сыгнаке, летние кочевки – до Иртыша)³, он вошел в противоречие как с прежними трактовками источников относительно клана олперли (П. Пелльо, П. Голдена), так и характеристиками, содержащимися в источниках о племени байаут как «ветви йемеков»⁴. При этом осталось не вполне понятным, куда подевалась после прихода байауатов «прежняя» династия из клана олперли/ильбари. Судя по С.М. Ахинжанову, она сохранилась, продолжая править «в Туркестане, к северу от Аральского моря»⁵. В этом случае возникает еще один, не менее сложный вопрос о том, как взаимоотношать названные две династии, правившие кыпчаками. Тем более, что вопреки утверждению рассматриваемого автора о «монгольском» происхождении байаутов (тут, как уже говорилось, явное влияние западных ис-

1 Golden P.B. *Cumanica II*... – PP. 18–22.

2 Ibid. – P. 23.

3 Ахинжанов С.М. Кыпчаки... – С. 199–210.

4 Там же. – С. 200 (такая характеристика есть у Насави – см.: Ан – Насави Шихаб-ад-Дин Мухаммад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Изд. крит. текста. пер. с араб. предис., комм. и указ. З.М. Бунятова). / Серия «Памятники письменности Востока». Т. С. VII. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1996. – С. 65).

5 Ахинжанов С.М. Кыпчаки... – С. 204.

следователей), которые к тому же среди кыпчаков якобы «быстро отюречились», в том числе из-за того, что их было «немного»¹, мы имеем дело все с теми же йемеками и другими группами тюрок (ибо байауты имелись и в составе огузов), о чем ещё будет сказано.

До того, как начать разбираться с обширной, и как было показано, дискуссионной проблемой об этнической принадлежности клана олберли, и определения его места в этнополитическом раскладе домонгольского времени в северной степной Евразии – а без этого будет трудно понять и судьбу объединения, возглавлявшегося Бачманом до монгольских завоеваний – нам необходимо более детально рассмотреть ход монгольских завоеваний до начала Западного похода 1235–1242 гг. имперских войск Еке Монгол Улуса.

§2. Начало формирования Улуса Джучи и вхождение объединения во главе с Бачманом в состав Монгольской империи

Начало выделения Чингис ханом отдельного удела своему старшему сыну Джучи относится к 1206–1207 гг. Согласно монгольским источникам, ему были выделены 9000 юрт (семей) или 4 тысячных подразделений (видимо, набираемых из числа населения названных юртов/семей), состоявших из воинов кланов *сиджиут*, *кин-гит* (другое написание – кинегес), *уйшыи* (хушин) – последних было два подразделения. В данном случае это владение состояло из собственно «монголов» (хотя на счет происхождения клана уйшын/хушин можно высказать и иное мнение) и имело отдельную территорию кочевания, но его локализация точно не известна. Затем удел Джучи начал расширяться и территориальный его прирост в начале XIII в. был связан на начальной стадии с походом этого Чингисиды на «Лесные народы».

Согласно сведениям источников «в год Зайца» (1207 г.) по повелению Чингис-хана Джучи во главе войска «Правой руки» был послан для подчинения «Лесных народов», живших севернее монголов – на Саяно-Алтайском нагорье и прилегающих территориях Южной Сибири². Некоторые исследователи полагают, что в ходе похода предполагалось продвинуться значительно дальше и дойти до бассейна Иртыша – в район старой родины кимаков (йемеков)³. Заметим, что ко времени начала этого похода отрядами Субэдея бахадура уже были рассеяны меркиты, а отрядами Джэбе – разбиты найманы во главе с Кучлуком. В последнем случае надо принять во внимание, что найманы занимали «Большой [Еке] Алтай» и район «Кок Иртыша», где похоже обитала и группа канглы, а также район «Иртыш-мурэна», включая «горы», которые лежали между Иртышом и «областью киргизов». А киргизы, как известно, населяли «две области» – собственно «Киргиз» (Хакасо-Минусинская котловина) и «Кэм-Кэмджиут» (Тува), причем одна «сторона» владения, где находились киргизы, соприкасалась с р. Анкара-мурэн, доходя при этом «до пределов области Ибир-Сибирь»⁴, что предполагает выход и на юг Западной Сибири. Между тем, бассейн р. Иртыш был знаком монголам и раньше – в 1205 г., когда раз-

1 Там же... – С. 199.

2 Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит-ра, 2011. – С. 163.

3 Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993. – С. 49-51.

4 Рашид ад-Дин Сборник летописей. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. Т. I. Кн. 1. – С. 150

битые монголами меркиты бежали в направлении «реки Эрдыш», уйдя «в сторону канглинцев и кипчаудов»¹, они через нее переправились (кстати, отсюда видно, что канглы и кипчаки находились уже к западу от р. Иртыш), а монголы их ещё преследовали. Джувеини сообщает о том же, отмечая бегство меркитов «в Каракум, место обитания канглы»². Следовательно, не исключено появление монгольских отрядов в бассейне Иртыша и до похода Джучи, а продвижение последнего, включавшее и выход в Западную Сибирь, надо рассматривать в общем русле действия монголов против меркитов и найманов³.

Древний Хорезм. Дахма Чильпык (IV–I вв. до н. э. – IX–XI вв. н. э.).
<http://dostoyanieplaneti.ru/2863-dorogami-ariiev-uzbekistan-v-poiskakh-utrachennykh-znaniy>

Ранее В. В. Трепавловым высказывалось мнение о том, что Джучи в Западной Сибири подчинил и кимаков, продолжавших частично проживать в бассейне Иртыша⁴. Это мнение опирается на работу Б. Е. Кумекова, утверждавшего, что после массовой миграции кипчаков в XI в. на запад «одна часть кимаков удержалась на своей древней земле – Иртыше»⁵. Однако, из монгольских источников мы этого не видим – наиболее западной группой, подчиненной войсками Джучи в ходе похода на «лесные народы» в 1207 г., выступает «народ шибир», живший скорее всего именно в бассейне Иртыша⁶. Тем не менее, в ходе новых походов Субэдея и Джэбее в 1215–1216 гг., направленных против окончательно не покоренных меркитов и найманов, когда в действиях по разгрому меркитов, бежавших к кипчакам, мог участвовать и Джучи,

1 Сокровенное сказание монголов. Перевод С. А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990. – С. 39.

2 Джувеини Ата-Мелик. Чингисхан... – С. 200.

3 История и культура татар западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – С. 124.

4 Трепавлов В. В. Государственный строй... – С. 50.

5 Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. – С. 128–129.

6 История и культура татар Западной Сибири... – С. 127.

монгольские отряды не только взяли под полный контроль зону Алтая, но и подчинили население бассейна Иртыша. Во всяком случае, Чингисхан, отправившийся в поход на государство хорезмшахов весной 1220 г., согласно Рашид ад-Дину, «лето провел в долине Иртыша, чтобы лошади [до осени там] откормились»¹.

Затем, в ходе завоевания среднеазиатских владений хорезмшахов, когда монгольские войска в 1220 г. осаждали г. Отрар (там с Чингисханом были его сыновья Чагадай и Угэдей), Джучи с другой группой был отправлен на захват городов Янгинкента и Дженда, а также Барчанлыгкента с окрестностями. После завоевания Янгинкента одна группа войск Джучи ушла на захват ставки тюрок-канглы. Потом, по распоряжению Чингисхана, Джучи, Чагадай и Угэдей были посланы на захват Хорезма (зима 1220/1221 г.)², откуда после завершения операции двое последних весной 1222 г. вернулись к своему отцу, а Джучи «ушел в свое становище и улус», про которые Рашид ад-Дин уточняет: «Джочи хан... направился в сторону Иртыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам»³. Он же сообщает: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Иртыша и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей, Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи хан] завоевал и включил в свои владения области, Дашт-и Кыпчак и находящиеся в тех краях государства»⁴.

Грандиозный древний археолого-архитектурный комплекс Миздахкан
(IV в. до н. э. – XIV в. н. э., XVII–XX вв.).

<http://dostoyaniplaneti.ru/2863-dorogami-ariiev-uzbekistan-v-poiskakh-utrachennykh-znaniy>

1 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 – С. 197, 256.

2 Детальнее см.: История и культура татар Западной Сибири... – С. 129.

3 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. Т. I. Кн. 2 – С. 257; Рашид ад-Дин. Т. II. – С. 77.

4 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II – С. 78.

Вот этот «беспрекословный указ», данный Джучи Чингис-ханом около 1222 г. или годом ранее, представляет особый интерес, ибо он касается завоевательных планов по покорению «Дашт-и Кыпчака» и прилегающих «государств», затрагивавших и интересующую нас группу албарлы/илбари.

В ходе завоевания в 1221 г. Средней Азии отряд во главе с Субэдей бахадуром был, как гласят монгольские источники, вроде бы отправлен «на север», для завоевания 11 стран и народов: канглы (канлин), кипчак (кибчаут), бачжигит (башкир), оросут, мачжарат, асут, сасут (сангут), черкесут, болар (буляр), кэрэл (рарал/лалат)¹, что предполагало начальный выход на «Идил/Иджил» и «Джайхан/Аах» (Яик), дойдя затем до города «Кивамен-кермена/Хий-э», то есть Киева. Но эта общая задача была оставлена на более поздний период, ибо Джэбе нойону и Субэдей нойону пришлось срочно заняться погоней за хорезмшахом Мухаммадом², когда они через территорию Хорасана, Ирана и Азербайджана в конце концов вышли на просторы Дешт-и Кыпчака, сразившись в 1223 г. с кыпчаками и русскими на р. Калке.

Показательно, что в данном случае задача завоевания кыпчаков и канглы – а последние как мы видели, жили в бассейне Кок-Иртыша и в области Каракума – ещё только ставилась. Следует обратить внимания и на то, что в приведенном перечне народов, подлежащих завоеванию к 1221 г., нет йемеков. Возможно, они скрываются под общим наименованием «кыпчак» (кибчак/кибчаут). Надо также принять к сведению, что информация о возложении Чингисханом на Джучи задачи завоевания Дешт-и Кыпчака и соседних территорий частично перекликается с распоряжением, отданным им Субэдей бахадуру. Тем более, что мы у Рашид ад-Дина находим следующее высказывание: «...[Еще] раньше Чингис-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны: Келар, Башгурд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев»³. По-видимому, речь идет об одном и том же распоряжении 1221 г. То, что оно действительно существовало, подтверждается высказыванием Рашид ад-Дина, отмечающем: «...воссевший на трон» (это произошло в 1229 г. – Д. И.) Угэдей хан задачу «покорения северных областей» поручил «членам рода Джучи-хана» на *основании ранее изданного* (выделено нами – Д. И.) Чингиз-ханом *неукоснительного указа* Джучи хану»⁴.

Похожие сообщения есть и у Джувейни, а также у Казвини⁵, что повышает вероятность существования такого указа.

Однако, пока дело дошло до этого похода, прошло некоторое время и случились определенные события, которые требуется учесть для прояснения интересующего нас вопроса о группе илбари/албарлы. Во-первых, Субэдей бахадур, после возвращения из затянувшегося похода 1221–1223 гг., в 1224 г. (или 1223 г.) на имя Чингис-хана подал докладную, в которой предлагал создать отдельную «армию», состоящую из «тысяч» меркитов, найманов, кирей (киреитов), канглов и кыпчаков⁶.

1 Сокровенное сказание... – С. 135.

2 Подробнее см.: Буниятов З. М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит.-ры, 1986. – Глава 9.

3 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. – С. 78.

4 Там же. – С. 78.

5 Золотая Орда в источниках. Том I. – С. 257, 274.

6 Юань ши (официальная хроника династии Юань)... – С. 500–501.

Эта докладная показывает, что часть восточных кыпчаков-канглы и некоторые другие тюркские группы (меркиты, найманы, киреиты), уже были подчинены к тому времени монголам. Но ещё не все. Во-вторых, при возвращении отрядов Субэдея и Джэбе в 1223 г., когда они прошли на восток после поражения русских и половцев на Калке через владения аланов и далее мимо булгар, с которыми произошли столкновения, армейские подразделения под командованием Джучи «располагались в Кипчакской степи и рядом с ней»¹. Похоже, что в данном случае подразумеваются земли северо-восточных степных ареалов, прилегавших к завоеванным владениям хорезмшахов, где действительно обитали канглы и восточные кыпчаки-йемеки/кимаки.

Кызыл-Кала (Красный город, крепость), I–II вв., XII–начало XIII вв.

<http://www.photosight.ru/photos/3127688/>

Речь, таким образом, в названных выше распоряжениях могла идти о завоевании более западных территорий, прилегавших к уже имевшимся владениям Джучи. Поэтому, когда в 1225 г. вернувшийся из победоносного похода против государства хорезмшахов Чингисхан занялся обустройством своего государства, он решил «отделить Джочи, назначив его главным правителем кипчаков» (на самом деле данном случае речь шла о выделении Чингисханом уделов всем своим сыновьям). Как рассказывает Лубсан Данзан, Чингисхан в итоге «отправил Джочи главным даругачи над кипчаками»². Более образно это же решение передается ан-Нувеири, по которому Чингисхан «назначил» Джучи «летовья и зимовья от границ Кыялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах»³. А до «окраин Саксинских и Булгарских» отряды монголов в 1223 г. действительно доходили.

1 Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан... – С. 99.

2 Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотой сказание). Пер. с монг, введ., комм. и прилож. Н. П. Шастиной / Памятники письменности Востока. М., 1973. – С. 229–230.

3 Золотая Орда в источниках. Том первый. – С. 80.

Однако к тому времени отношения между Чингисханом и его старшим сыном Джучи испортились, не в последнюю очередь потому, что накануне похода на государство хорезмшахов произошла известная ссора между Джучи и Чагатаем, при разрешении которого члены «Алтын Урука» во главе с Чингисханом пришли к выводу, что наследником престола станет Угэдей, а не старший сын Джучи. При этом правитель Монгольской империи сказал Джучи и Чагатаю, что тем следует править «отдельно друг от друга», причем «широко раздвинув отдельные кочевья»¹. Старшинство Угэдея перед Джучи и Чагатаем в монгольских хрониках фиксируется уже в 1221 г., ибо направивший трех своих сыновей на завоевание г. Ургенча Чингисхан предупредил, что Чагатай и Джучи «должны повиноваться словам Угэдея». В конечном счете, как отмечает Рашид ад-Дин, Джучи «уклонился» от выполнения распоряжения отца по завоеванию «северных стран» и даже якобы стал высказываться против Чингисхана, что привело к тому, что по одной версии, верховный правитель Монгольской империи отдал приказ войскам выступить в поход против своего старшего сына, по другой версии (ее высказывает Джуджани), отец даже послал против сына «доверенных лиц своих отправить и убить» его². Как бы то ни было, в феврале 1227 г. Джучи скончался. Последовавшая в том же году вскоре смерть Чингисхана задержала начало операции против «кыпчаков» и других «северных народов», но не надолго.

После того, как 19 сентября 1229 г. на имперский трон был посажен Угэдей, было принято решение об отправке крупного воинского контингента в 30 тыс. воинов во главе с Кокетеем и Субэдей бахадуром «в сторону Кипчака, Саксина и Булгара»³. Этот поход, не имеющий более точной датировки, остался малоизвестным⁴, так как он был вскоре «перекрыт» последующим гораздо более крупным общеимперским наступлением «на западные страны», развернувшимся весной 1235 г.⁵.

Тем не менее, некоторые замечания о походе 1229–1232 гг. в монгольских источниках есть. Например, в «Тайной истории монголов» сказано, что «Субэтай-багатур встречал сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено ещё при Чингисхане»⁶. Несомненно, тут подразумеваются интересующие события, о чем свидетельствуют два совершенно независимых друг от друга источника. В частности, арабский хронист конца XIII в. Ибн Васил под 627 г.х. (1229/1230 г.) приводит известие о том, что «вспыхнуло пламя войны между татарами (монголами – Д.И.) и кипчаками»⁷. Второе сообщение, датированное 1229/1230 г. и содержащееся в Лаврентьевской летописи, дает конкретные детали происходившего тогда: «Саксины и по-

1 Сокровенное сказание... – С. 128–132.

2 История и культура татар западной Сибири... – С. 130–131.

3 Юань ши (официальная хроника династии Юань)... – С. 486

4 Существует лишь одно хорошее исследование известного американского историка Т.Олсена об этом походе и его историческом контексте (Перевод на русский язык см.: Олсен Т.Т. Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217–1237 гг. // Научный Татарстан. 2003 . №2. – С. 86–87; 2003 №3/4. – С. 129–139).

5 История и культура татар Западной Сибири – С. 131–133.

6 Сокровенное сказание... – С. 138.

7 Золотая Орда в источниках. Том первый. – С. 49.

ловцы взбегоша от Татар, близ реки, ей имя Яик»¹. Ясно, что этот рейд был направлен прежде всего против булгар и кыпчаков, но весь вопрос в том, против каких кыпчаков.

По нашему мнению, под этими кыпчаками прежде всего имеются в виду йемеки, то есть часть восточных кыпчаков, одной из групп которых и было объединение, возглавлявшееся Бачманом из клана албарлы/илбари. Тому имеется несколько подтверждений. Во-первых, как мы уже видели, в «Юань ши» при описании распоряжения каана Угэдея начать Западный поход, было упомянуто, что он направлен против Бачмана и его объединения². Во-вторых, «половцы», которые упоминаются в Лаврентьевской летописи, скорее всего, совместно с булгарскими сторожевыми отрядами находились в районе р. Яик, а как мы помним, именно там находился г. Актуба – легендарный политический центр объединения албарлы во главе с султаном (ханом) Бачманом. Если принять во внимание фразу из «Тайной истории монголов» о том, что Субэдей встретил «сильное сопротивление», даже несмотря на некоторые успехи монголов – зимой 1231/1232 гг. они кажется смогли подойти к «Великому городу», то есть к столице Волжской Булгарии г. Биляр³ – рассматриваемый рейд крупного воинского контингента монголов не смог одолеть волжских булгар и хорошо знакомых с ними йемеков (см. далее об этом) из объединения албарлы. В конце концов, Субэдей со своими войсками отошел, тем более, что весной 1234 г. на р. Онон состоялся всемонгольский курултай, где было принято решение об общеимперском Западном походе, одной из ключевых задач которого было покончить с Бачман султаном и его группировкой, ибо это объединение создало для монголов большие проблемы. Как сообщал сунский эмиссар Ц'енг Та-я, посетивший двор Угэдея весной-летом 1234 г., тогда среди монгольской верхушки чувствовался «страх от того, что бесконтрольный огонь мог перекинуться в степь, если остающиеся угольки кыпчакского сопротивления не будут погашены»⁴.

Что происходило дальше, нам уже известно, поэтому нет необходимости возвращаться заново к событиям 1236 г. Понятно, что группировка во главе с Бачманом была разгромлена и сам он был то ли убит, то ли остался жив, но попал в плен, не совсем ясно. Семья его скорее всего полностью попала в руки монголов. Клан илбари/албарлы был покорен и вошел в состав Улуса Джучи.

По всей видимости, затем этот клан был «вписан» в ряды ведущих монгольских и других, в данном случае тюркских, кланов, образовавших основную структуру формирующегося «народа» Золотой Орды. Если бы этого не произошло, мы бы не обнаружили в списке беков, якобы одаренных лично Чингисханом, как это гласит «Дефтери Чингис-наме», владениями, народом и племенными атрибутами, тот не названный конкретно клан во главе с Калдар беком б. Балын беком, то есть потомком Бачман султана. Но этот клан составители данного источника не путали с иным кланом, обозначенным под наименованием «Кыпчак» и фигуриру-

1 ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962. – С. 453

2 Юань ши (официальная хроника династии Юань)... – С. 490, 503; Китайская династийная история «Юань ши»... – С. 174, 808, 230; Олсен Т. Т. Прелюдия... – С. 135

3 История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 140

4 Цитируется по: Олсен Т. Т. Прелюдия... – С. 134. Это сообщение сохранилось у Джувейни.

ющим в «Дефтер-и Чингис-наме» отдельно. И это не случайно, ибо йемеки, к кругу которых относилось объединение албарлы, в этническом плане явно обладали определенной спецификой, хотя их в целом и считают обычно восточными кыпчаками. Показательно также, что такой современный описанным событиям автор, как Джуджани, при перечислении покоренных войсками Бату «племен», отдельно называет не только «кыпчаков», «канглы», но и «йемеков», а также, что весьма важно – «ильбари»¹. Однако, следует иметь в виду, что он перечисляет их в одном месте, к тому же применив при характеристике покоренных народов в начале фразы оборот «все племена», который может относиться в целом и к названным выше четырем группам, имевшим определенную этническую общность и взаимосвязь, что мы ещё увидим. К данному аспекту проблемы мы затем вернемся, но до того необходимо более подробно остановиться на этнической истории кимаков (йемеков), так как именно их частью и предстает на основе источников клан албарлы/илбари/олбер (точное написание этого этнонима выяснится в ходе нашего дальнейшего исследования).

¹ Золотая Орда в источниках. Том первый. – С. 251. Возможно последние два этнонима надо читать вместе как «йемек илбари», хотя в источнике это не так хорошо видно (см. перевод труда Джуджани на английский язык – *Tabakat-i Nasiri: A General History of the muhammadian dynasties of Asia* – Vol. II. – P. 1169).

Глава 3. Кимакская проблема. Место клана албарлы /олбер в кимакско-кыпчакском мире

Карта государства Хорезмшахов. XI–начало XIII вв.

Источник: Буниятов З. М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1986.

§1. Кимаки: проблема становления

После публикаций Б. Е. Кумекова и С. М. Ахинжанова¹ уже нельзя говорить о том, что кимакская проблема не изучена – она исследовалась как в рамках разработ-

¹ Кумеков Б. Е. Государство кимаксов IX–XI вв... Его же. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам)//Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. док. XXIX сессии ИАС, Ташкент, сентябрь 1986. История, литература, искусство. М., 1986. Т. I. – С. 39–40; Ахинжанов С. М. Кыпчаки...

ки истории половцев/кыпчаков, по которым публикаций сейчас достаточно много, так и самостоятельно. Но такой существенный разрез вопроса о кимакско-кыпчакской общности, как ранний период ее этногенеза и этнической истории, не относится к числу изученных в достаточной степени, о чем свидетельствуют, например, издания последних лет, в частности, уже отмеченная работа Р. П. Храпачевского. Все ещё остается до конца не выясненным такой важный вопрос, как отношение кимаков к другим этническим группам, в особенности к монголоязычным. При этом ряд исследователей продолжают причислять к последним (по нашему мнению, без должного обоснования) и раннесредневековых татар, имевших прямое отношение к кимакам. Подобные источниковедчески недостаточно подкрепленные толкования, имеющие длительную историографическую традицию, по большей части связаны со спецификой китайских источников, в силу их особенностей весьма трудных для однозначной трактовки информации, заключенной в них. К тому же в некоторых случаях отдельные толкования, например, вопроса об этнической принадлежности в XI–XII вв. татар, групп кай или уран, а также байаут и др., уже обросли историографическими мифами, от которых очень трудно отказаться.

Поэтому, когда мы обращаемся к кимакской проблеме – а в данном случае её анализ во всех многосложных аспектах не предполагается, наша задача скромнее и заключается в выяснении основной этногенетической линии кимаков (следовательно, и кыпчаков) – следует иметь в виду эти дискуссионные моменты трактовки этнической истории кимакско-кыпчакской общности, но лишь в той мере, в которой они касаются исторического пути интересующего нас клана алпарлы/олберлы (олбер). Подчеркнем, что без выработки общих подходов к выяснению этногенеза кимакско-кыпчакской общности затруднительно получить достаточно ясное понимание этнической истории клана олберлы/алпарлы, как и выяснение их роли в политических процессах, происходивших в степях Дешт-и Кыпчака в предмонгольское время. В свою очередь, без решения этих вопросов невозможно проследить судьбу этого клана вплоть до превращения его знатной части в рамках Казанского ханства в Арских князей.

В качестве вводного замечания к данному разделу нашего исследования хотелось бы остановиться на нескольких высказываниях одного из крупных отечественных лингвистов-тюркологов татарского происхождения – Э. Н. Наджипа, известном, но правда, до сих пор недооцененном специалисте по тюркской филологии средневекового периода, написавшем ряд весьма качественных работ, характеризующих этноязыковую ситуацию X–XV вв. в тюркском мире. Так, при изучении темы о связях Золотой Орды и Мамлюкского Египта, в специальной статье, названной им «Очерк историко-культурной обстановки в XIV и XV вв.» (освещает этноязыковую обстановку в Золотой Орде и Мамлюкском Египте), он сделал следующее заслуживающее внимания замечание: «Прибывшие в Египет во время правления Бейбарса татарские эмиры (речь видимо идет о тех, кто пришел после 1262 г. – Д. И.) являлись коренными жителями кыпчакских степей... Племена, называвшиеся татарскими, жили в Дешт-и Кыпчак – (внимание! – Д. И.) и до прихода монголов на эту территорию»¹. Далее, в другой своей публикации, посвященной труду Махмуда Кашгари «Диван-у Лугат ат-турк» (1072 г.), обзореая этноязыковую ситуацию в тюркском

1 Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1989. – С. 86.

мире Туркестана, Средней Азии и прилегающих территорий во время жизни этого выдающегося лингвиста, он относительно кыпчаков XI в. заметил: «В древности основная масса восточных кыпчаков, которые являлись *западной ветвью кимаков* (выделено нами – Д.И.), расселялась севернее территорий, занятых кочевыми огузскими племенами и печенегами». Продолжая свою мысль, он заключает: «...По мере движения огузских племен на запад кыпчаки заняли территорию в низовьях р. Сырдарьи, а на востоке они были расселены до р. Иртыш»¹. При этом он указывал – слова Махмуда Кашгари о том, что такие кланы как *кай*, *ябаку*, *татар*, *басмыл* «между собой разговаривали на своих племенных языках, но довольно хорошо понимали общетюркский язык»², надо понимать так: эти группы (он конкретно перечисляет еще раз кланы *ягма*, *ябаку*, *йемек*, *тохсы*, *кай*), которые «были в значительной степени смешаны с основным населением», то есть, по его мнению, с преобладавшими тогда огузскими племенами, говорили на языке этого и соседнего тюркского большинства (кроме огузов он сюда относил *кыпчаков*, *чигилей*, *аргу*, *карлуков*), ибо их племенные говоры в его время уже почти «слились» с диалектами этого большинства.

Эпоха Уйгурского каганата.

В дальнейшем нам выводы этого маститого лингвиста придется постоянно иметь в виду потому, что данная характеристика этнолингвистической ситуации в тюркском мире X–XII вв. большинством историков зачастую не замечается, хотя они для настоящего исследования, особенно в плане понимания этногенеза и этни-

2 Там же. – С.35.

ческой истории кимаков (с кыпчаками), имеют первостепенное значение. И вопрос о раннесредневековых (домонгольских) татарах в этом проблемном поле является ключевым, что мы постараемся далее показать на основе анализа источникового материала.

Ещё В.В. Бартольд в своей статье «Татары» обратил внимание на сообщение Джуджани, связанное с походом хорезмшаха Мухаммада б. Текеша в 1218/1219 г. на кыпчаков, возглавлявшихся Кадырханом б. Юсуфом Татарским¹. В полном виде это место из сочинения Джуджани «Табакат-и Насыри» выглядит так: «В 615 г.х. он (Мухаммад б. Текеш – Д. И.) отправился за Кадыр-ханом, являвшимся сыном Юсуфа Татарского, в Туркестан и проник в Туркестан настолько далеко, что [достиг] Уйгура [I-ghur] [он продвинулся] так далеко к северу, что достиг Северного Полюса»². Эта местность хотя и была северная (Джуджани говорит о слиянии там дня и ночи), но не настолько отдаленная, ибо нам известно, что именно в ходе этого похода там произошло первое столкновение монголов во главе с Джучи, преследовавших меркитов и найманов, с войсками хорезмшаха³. Об этом событии мы знаем из разных источников. Так, в «Тайной истории монголов», как уже было сказано, говорится о преследовании войсками Чингизхана меркитов и найманов, первые из которых, после общего их поражения, переправившись через р. Иртыш, «взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов»⁴. В «Юань ши», также рассказывающем о преследовании Субэдеем бахадуром меркитов, об этом сказано: «Глава их (меркитов – Д. И.) обока Хуту (Худу – Д. И.) бежал к кипчакам, Субэтай преследовал его и у кипчаков при горной долине Юйюй (Уйгур – Д. И.) сразился и разбил его»⁵. Это же событие у Джувейни передано двумя известиями. В первом рассказывается о том, как глава меркитов Ток-Тоган оказался у предводителя найманов Кучлука, а затем оттуда ушел в «область Кам-Кемчик» (точнее – Кум-Кибчак – Д. И.)⁶. Во втором, возвратившись к тем же событиям, он отмечает, что Мухаммад б. Текеш «получил известие о бегстве Ток-Тогана» от монголов в «Каракум, место обитания канглы»⁷. Приведенные данные весьма важны, так как они позволяют раскрыть этническую принадлежность сообщества, глава которого Кадырхан, по отцу был маркирован Джуджани «татарским» предводителем, о чем мы уже писали.

Чтобы лучше понять, о какой этнической группе тут идет речь, вначале разберемся с «областью», куда бежали меркиты. Как было установлено С.М. Ахинжановым, она находилась где-то в междуречье Кайлы и Кимача, в бассейне р. Иргиз (на границе современной Актюбинской области Казахстана и Оренбургской области РФ). Именно там, как полагает этот исследователь, существовало независимое владение кыпчаков и канглы, не случайно маркированное как «Уйгур» («Югур»). Дело в том, что в этом владении кроме канглы имелись не только йемеки, но и уйгуры, а у самих восточных кыпчаков, т.е. йемеков и канглы, известны даже на-

1 Бартольд В.В. Татары // Бартольд В.В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов. Под-ка к изд. С.Г. Кляшторный; отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Вост. лит-ра, 2002. - С. 559.

2 Juzjani. Tabakat-i Nasiri. Vol. I. – P. 267.

3 Золотая Орда в источниках. Т. I. – С. 250 (Сообщение Джуджани).

4 Сокровенное сказание монголов. – С. 93.

5 Юань ши (Официальная хроника династии Юань). – С. 499.

6 Джувейни Ата-Мелик. История – С. 417.

7 Там же. – С. 260

звания крупных племенных групп, именовавшихся уран/оран, алпарлы (илбари), байаут¹. Пожалуй, когда Джуджани, рассказывая о переходе власти в Улусе Джучи от Джучи к его сыну Бату, отмечает, что сына на «место отца» посадил Чингизхан, в результате чего под его властью оказались «все земли Туркестана» начиная «от Хорезма», он не зря уточняет, что Бату затем «покорил в этих краях все племена кипчак, канглы, йемек, ильбари»², ибо речь в данном случае, идет об ареале проживания восточных или «диких» кыпчаков³. Но чтобы убедиться в этом нам придется разобраться с личностью Кадыр-хана б. Юсуфа «Татарского», что позволит лучше понять особенности этнической ситуации не только на северных границах государства хорезмшахов, но и внутри него.

Вопросом об этнической принадлежности Кадыр-хана занимался С.М. Ахинжанов, поэтому далее мы будем опираться на его наблюдения с определенным их дополнением. Согласно этому исследователю, Кыран (Икран/Акран), имевший мусульманский титул «Кадыр» (Гайр/Гайыр), являлся кыпчакским ханом, известным также как «Кадыр/Кайр-Букухан». Его отцом был Алп-Кара Уран (уран – название клана), чье имя упоминается в послании предпоследнего хорезмшаха Текеша за 1182 г., в котором речь идет о том, что зимой того года в г. Дженд, где тогда правил его старший сын (ему также подчинялись Сыгнак, Барчынлигент и Рибат), на переговоры явилось посольство от названного выше кыпчакского предводителя во главе с его сыном Алп-Кара, которого сопровождали «сыновья югуров». В результате последовавших переговоров с хорезмшахом Текешом, тот женился на дочери Алп-Кара Урана (ее звали Теркен-хатун), войдя с ним в союз и это был не первый такого рода союз с кыпчаками, жившими севернее Хорезма – отец хорезмшаха Текеша также был в союзнических отношениях с неназванным в источниках кыпчакским ханом. Далее, в 1195 г. последовал поход хорезмшаха Текеша для подавления восстания кыпчаков окрестностей Сыгнака и Дженда во главе со знакомым нам уже Кадыр-Букуханом. В ходе этих событий племянник последнего Алп-Дерек ушел к хорезмшаху, в итоге Кадыр-Букухан был разбит, попал в плен и в 1198 г. был приведен в Хорезм. Как полагает С.М. Ахинжанов, названный Алп-Дерек приходился внуком упомянутому выше Алп-Кара Урану, являясь, таким образом, двоюродным братом супруги хорезмшаха Текеша Теркен-хатун. Он же был в 1218 г. тем наместником хорезмшаха Мухаммада б. Текеша в г. Отраре с титулом «Гайир/Кадырхан» и с именем «Инальчук» (это, возможно, титул, ибо «инал» – это наследник, а «инальчук» означает младшего наследника), по чьей вине начался конфликт с Чингизханом, закончившийся известной «отрарской» катастрофой⁴. Столь детализированная информация нам тут нужна для понимания этнополитической ситуации предмонгольского времени в районе Хорезма.

Если сказать в целом, то следует принять во внимание вообще возможность кыпчакского происхождения последней династии хорезмшахов Ануштегинидов (она началась с Ануш (Нуш) – Тегина или его сына Кутб ад-Дина Айбека Тюрка, прибывшего к Дженду и Хорезму в конце XI в. «из Сахры», «из среды кыпчаков и

1 Ахинжанов С.М. Кыпчаки.... – С. 225–234.

2 Золотая Орда в источниках... Т. 3. – С. 251.

3 О них, как уже говорилось, детальнее надо смотреть труды П. Голдена.

4 Ахинжанов С.М. Кыпчаки.... – С. 225–234.

канглы»)¹, что привело в дальнейшем к обширным связям этой династии с «кыпчакским миром», когда семейно-родственные отношения хорезмшахов с кыпчакскими ханами подкреплялись призывом кыпчаков на службу в армию государства хорезмшахов (фактически из них тут со второй половины XII в. во многом и состояло военное сословие)². Но надо отметить, что в данном случае мы имеем дело с восточными кыпчаками-йемеками и другими связанными с ними группами, среди которых имелся этнический уйгурский элемент – не случайно Ануш-Тегина, как отмечает Джуджани, некоторые считали происходящим из уйгурского племени бекдели (бекдали)³, хотя в целом отчетливо видна его связь с «племенами кангли и кыпчак»⁴. Теперь на этом фоне мы должны разобраться с этнической принадлежностью последних хорезмшахов.

Теркен-хатун, бывшая матерью последнего хорезмшаха Мухаммада (ум. в 1199/1200 г.), известная под титулом «Худаванда Джихан» («Принцесса Мира») и являвшаяся дочерью кыпчакского хана Икрана, по одним данным принадлежала к канглы⁵. В реальности, ближе к действительности будет принадлежность Теркен-хатун и ее сородичей к клану уран – части йемеков, что кроме обозначенного выше родства её с Алп-Кара Ураном видно и из других данных, содержащихся у Джувейни. Например, в ходе похода хорезмшаха Текеша в 1194/1195 г. на Кайр-Буку хана те ураны (оран), которые находились в его армии (их там было много), в решающий момент покинули его войска, явно не желая воевать со своими сородичами⁶. Или, когда Мухаммад-хорезмшах под натиском монголов уходил в Ирак, «большую часть его войска», как отмечает Джувейни, «составляли тюрки из племени – родственников матери, называемому оран»⁷. Рашид ад-Дин эту информацию подтверждает, указав, что Мухаммад-хорезмшах ушел в «сопровождении» группы тюрков «из родственников его матери, называемых ураницы»⁸. Практически эти данные свидетельствуют о принадлежности мощной группы родственников Теркен-хатун (её внук Джелаль ад-дин имел жену из этого же клана, а один из сыновей Джелаль ад-дина был женат на дочери предводителя канглов⁹) прежде всего к йемекам, а через них уже к их конкретным ответвлениям (уран или байаут). На самом деле представители этой элитной группы занимали в государстве хорезмшахов предмонгольского времени ключевые позиции. Скажем, Ибн ал-Асир указывает, что родственники по матери хорезмшаха Мухаммада «сидели» в Нишапуре, Герате, Хамадане, будучи правителями, приставленными к сыновьям хорезмшаха, владевшим

1 Jouziani. Tabakat – i Nasiri... – Vol. I. – PP. 232–233. Об этой династии специально см.: Буниятов З. М. Государство хорезмшахов – Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры, 1986. Данный исследователь считал, что основатель династии Ануш-Тегин, являвшийся первоначально тюркским гулямом (рабом), происходил из огузского рода бекдели (Буниятов З. М. Государство... – С. 6.). Действительно, в источниках есть разногласия по поводу этнической принадлежности этой личности.

2 Буниятов З. М. Государство... – С. 62, 88; Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 207.

3 Jouziani. Tabakat-i Nasiri... vol. I. – P. 233.

4 Ibid. – P. 235.

5 Джувейни Ата-Мелик. История.... – С. 142; Ахинжанов С. М. Кыпчаки.... – С. 218.

6 Джувейни Ата-Мелик. История... – С. 215–216.

7 Там же... – С. 366.

8 Рашид-ад-Дин. Собрание сочинений. Т. I, кн. 2. – С. 209.

9 Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 209–210.

отдельными уделами¹. По материалам, извлеченным из «Табакат-и Насыри» Джуджани, видно, что со стороны Арзали-шаха, сына Мухаммада-хорезмшаха, женатого на дочери уже знакомого нам Улуг хана Азама, в родственную линию хорезмшахов включились и представители клана *ильбари* (альпари/альбарлы)².

Государство хорезмшахов-Ануштегинидов.
https://taryhturkmen.blogspot.com/2017/08/blog-post_90.html?view=magazine

После того, как была установлена важная роль восточных кыпчаков-йемеков в государстве хорезмшахов при последней их династии Ануштегинидов, мы можем вернуться к маркировке отца Кадыр хана Юсуфа как «татарского» предводителя. Однако, прежде следует уточнить, что это «татарство» данной линии знатных кыпчаков-йемеков в разных источниках имеет не совсем одинаковую характеристику. Так, по Джуджани Гайр (Кадр)-Бука хан, то есть Кадыр хан – сын Алп-Кара из племени уран, являлся «правителем уйгуров»³. В то же самое время этот автор называет его и «ханом Кипчака»⁴. В других местах сочинения Джуджани об этом же событии говорится, что Мухаммад-хорезмшах «вторгся в Туркестан преследуя Кадр хана сына Юсуфа Татарского», когда он «проник до Уйгура Туркестанского»⁵ или сообщается, что он «пошел разорять племена Кадыр-хана Туркестанского, сына Сафактан-и Йемека»⁶. Получается, что «Юсуф Татарский» и «Сафактан-и Йемек», это один и тот же человек. То есть, «татарский» означает в данном случае «йемекский». Описывая те же события, Рашид ад-дин Кадыр-Буку (у него – «Кайр-Таку») хана называет владельцем «уйгурским»⁷. Как видим, тут идет разнообразная маркировка одних и тех же групп.

О чем же все эти несколько разноречивые, но весьма существенные данные свидетельствуют?

1 Ибн ал-Асир. Ал-каmil фи-т-та'рих (Полный свод истории). Ташкент: Узбекистан, 2006. – С. 326, 331–332, 342.

2 Jouziani. Tabakat-i Nasiri..., vol. II. – PP. 791–820.

3 Jouziani. Tabakat-i Nasiri... vol. I. – P. 242.

4 Ibid.

5 Ibid. – P. 267.

6 Jouziani. Tabakat-i Nasiri... vol. II. – PP. 1096–1097.

7 Рашид ад-Дин. Сборник сочинений... Т. I., кн. 2. – С. 137.

Кимакский латник X–XI вв.

<http://steppes.proboards.com/thread/1224/pictures-steppe-warriors?scrollTo=9414&page=75>

Чтобы разобраться в этом, следует обратиться к труду Гардизи «Зайн ал-ахбар» (середины XI в.), в котором приводится этногенетическая легенда, объясняющая происхождение кимаков⁸. Согласно ей, некий «начальник татар» по имени «Шад», бежавший от своих сородичей к «большой реке» (Иртышу), положил начало кимакам. К нему затем прибыли еще 7 «родственников татар»: Ими, Имак, Татар, Байандур, Кыпчак, Лнкияз, Аджляд. Привиденные имена являются эпонимами, отражающими племенной состав Кимакского каганата XI в., в том числе и указывая на присутствие там по меньшей мере одного клана уйгурского происхождения – *ими*⁹, подтверждая тем самым наблюдения С. Г. Кляшторного о связях татар с уйгурами в X–XI вв.¹⁰. Нахождение клана татар в Кимакской конфедерации, причем как знатного племени, тоже показательно. Следует иметь в виду, что фиксация у кимаков «начальника» из татар с титулом «шад» – а он присваивался ближайшим родственникам – младшему брату или сыну кагана, фактически его

8 Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Записки Императорской АН по историко-филологическому отделению. Т. I. № 4. СПб. 1897. – С. 105–106.

9 Кумеков Е. Б. Государство кимаков... – С. 4, 37–38.

10 Кляшторный С. Г. Государство татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. – С. 137–147; Кляшторный С. Г. Древние государства татар в Центральной Азии // Золотоордынское обозрение/ Golden Horde Review. 2013. № 1. – С. 25–27.

заместителю¹, позволяет говорить о том, что клан татар в Кимакском каганате был одним из правящих, то есть татары тут, безусловно, являлись элитной группой², что также скорее всего говорит кроме прочего об их тюркском происхождении.

Кимакский воин в кольчуге X–XI вв.
http://tatarhistory.ru/download_file/view_inline/308

Таким образом, несмотря на то, что если даже сведения Гардизи отражают не этническую ситуацию XI в., а относятся, как это предполагается, к более раннему времени – к VIII–IX вв., очевидна правомерность фиксации татарского происхождения «правлящего дома» кимаков. Как отмечает П. Голден, она показывает «ключевую роль в формировании кимакского союза» именно этой этнической группы³. А так как кыпчаки выделились из среды кимаков, названное «татарское» этническое наследие было характерно и для них, хотя, следует принять во внимание неоднородность этнического состава кыпчаков XII–XIII вв.⁴. Но татарскую идентичность следует искать прежде всего у восточных кыпчаков, в особенности, у потомков йемеков и у связанных с ними этнически канглы. Последние же, как мы уже видели, являлись основным воинским контингентом у хорезмшахов в период монгольского завоевания Средней Азии.

1 Golden P.B. Ethnicity and state formation in pre-Cinggisid Turkic Eurasia. Indiana university, 2001. – P. 40.

2 Кумеков Е. Б. Этнокультурные контакты.... – С. 39–40.

3 Golden P.B. Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. By Catalin Hriban. Bucureşti-Braila, 2011. – P. 320.

4 Ibid. – PP. 309–332; Golden P.B. The Polovci Dikii... – PP. 296–309; Golden P.B. Cumanica II... – PP. 5–30.

Кимакский воин X-XI вв.

http://tatarhistory.ru/download_file/view_inline/310

К уже сказанному выше добавим, что Джувейни отмечает – покинувший Хорезм в 1220 г. султан Мухаммад-хорезмшах оставил там во главе со своим сыном и военачальниками 90 тыс. «тюрьков-канглы»¹. Далее, он же сообщает, что Теркен-хатун и её род принадлежали к «тюрькским племенам, называемым канглы», указав при описании сражения Джелаль ад-Дина б. Мухаммада в районе Парвана на то, что одно крыло его войска в 40 тыс. чел. состояло из канглы².

Таких примеров можно привести достаточно много, но даже из уже приведенных данных вытекает вывод о значимости у кимаков, привычно именуемых в литературе кыпчаками или восточными кыпчаками, татарского этнического компонента, состоявшего из ряда клановых групп. А так как эти племенные общности, маркируемые по источникам как «татарские» кланы, по сложившейся исторической традиции, правда, как уже было отмечено, принимаемой не всеми исследователями, относятся к монголоязычным образованиям, есть необходимость повторного обращения к вопросу об этнической принадлежности средневековых татар предмонгольского времени, прежде всего, X–XII вв. В ходе этого анализа, как думается, мы лучше поймем значение приведенных выше высказываний Э.Н. Наджиба, сформулировавшего целое исследовательское направление по выяснению татарско-кимацких этнических связей предмонгольского и раннемонгольского эпох.

¹ Джувейни Ата-Мелик. История... – С. 284.

² Джувейни Ата-Мелик. История... – С. 286–288.

Тюркские государства домонгольского времени.

<https://infourok.ru/prezentaciya-po-istorii-kazahstana-na-temu-gosudarstva-srednevekovogo-kazahstana-1348830.html>

Из-за существующих в литературе разногласий¹ относительно этнической (этнолингвистической) принадлежности совокупности известных с периода Тюркско-го каганата татарских кланов (*отуз татар*, *токуз татар*), анализ этого вопроса следует начать с обзора труда Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (1072). Приступая к этой работе надо принять во внимание два момента: во-первых, Махмут Кашгари жил во владениях Караханидов, то есть, достаточно близко к уйгурам и тесно с ними связанным западным группам татар²; во-вторых, трудно сомневаться в лингвистических характеристиках этого выдающегося средневекового филолога, в том числе опиравшегося в своих этнолингвистических выводах на личные наблюдения. Так вот, этот автор прямо называет татар «одним из тюркских племен», поместив их среди 20 основных тюркских кланов³. Далее, он в своем словаре приводит слово «кат» и указывает на бытование его у татар, а также у йемеров, кыпчаков и у группы кай⁴, в первых в двух случаях точно бывших тюрками. Насчет группы кай, которая, по нашему мнению, также была тюркским клановым образованием, еще будет сказано. Но безусловному принятию этнолингвистического опре-

1 Детальнее об этих разногласиях см.: Исаков Д. М. К вопросу об этнической принадлежности татар домонгольского времени // Кыргыз жана Карикандар каганаттары: Куттуу билим жана мамлекет: Карахандар доорунун залкар ойчылу жана акыны Жусуп Баласагындын 1000 жылдыгына арналган IV эл аралык илимий тажрыйбалык жыйындыгы баяндамалардын жыйнагы: 2015 жылдан аяк одна (сентябрь) айының 18–19 у, Бишкек ш./ Редколлегия: Т.К. Чоратегин (тарага), ж. б. – Бишкек: Maxprint басмасы, 2015. – С. 238–240.

2 Кляшторный С. Г. Государство татар...

3 Ал-Кашгари Махмуд. Диван лугат ат-Турк. Алмата: Дайк-Пресс, 2005. – С. 4, 387.

4 Там же. – С. 849.

деления татар, данному Махмудом Кашгари, есть одно препятствие. Проблема в том, что в ходе перечисления им таких групп, как йабагу, татар и басмыл [йасмыл], отмечается, что они «имеют собственный язык, но вместе с тем хорошо владеют тюркским»¹. Может создаться впечатление, что у татар тюркский язык был вторым, причем не «собственным». Такое же определение у этого автора есть и по поводу языка уйгуров – по Махмуду Кашгари язык их «чистый тюркский, но у них имеется также другой язык, на котором они говорят между собой»². В итоге получается, что Махмуд Кашгари не зря вписал татар, как и большое число других кланов (в их числе, на что следует обратить внимание, и группу кай), в разряд тюркских племен.

Насчет тюркоязычности татар можно привести и некоторые другие аргументы. Один из них принадлежит Ю. А. Зуеву. Прежде чем обратиться к его публикации, следует напомнить, что к началу XIII в. в Восточной Монголии фиксируются по меньшей мере четыре татарских клана: *баркуй/алакуй*, *дутаут*, *алчи* и *чаган*³. Но у Рашид ад-Дина, из труда которого по-видимому и приведены эти наименования (одно из них у него передано в форме *тутукулуйут*, где название собственно клана должно бы иметь форму тутукул, оно скорее всего, соответствует приведенному выше этнониму *дутаут*), есть еще два татарских клана – *куин* и *терат*, то есть речь идет о шести кланах (причем указано, что племя *тутукул/тутукулуйут* являлось «самым уважаемым из [всех] татарских племен»)⁴. Публикация Ю. А. Зуева интересна тем, что она позволяет расшифровать этническую принадлежность известной по китайским источникам еще с древнетюркской эпохи группы бомо («пегие лошади»), по тюркски именовавшейся «хэла» [ала ат], и в документах танского времени известной как элочжи/гэлочжи⁵. Рассмотрев этот вопрос, данный исследователь пришел к заключению, что в источниках под кланом бомо имеется в виду племя *алачи* (*алач/алчи*), известное также в составе кыпчаков (*улаш/алаш*). Можно полагать, что названный клан следует отождествлять с хорошо известным среди восточных татар племенем *алчи/алчын*, входившем в союз татар, боровшийся с Чингизханом⁶. А вот клан «терат» неожиданно появляется в форме «*Дурут*» как «кыпчакское» племя в одном из вариантов труда Ибн Халдуна (ум. в 1405 г.) в следующей связи: «...племя Дурут из Кипчаков, а племя Токсоба из Татар»⁷. Хотя казахстанские исследователи прокомментировали это известие Ибн Халдуна так: относительно татарского происхождения клана *Токсоба* оно является всего лишь логической «догадкой» данного автора⁸, не обратив внимания на первую часть известия. На деле это вряд ли соответствует истине – тут речь скорее

1 Там же. – С. 70.

2 Там же. По этому поводу см. также замечания Л. Р. Кызласова (Л. Р. Кызласов. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная Азия и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. – С. 172).

3 Ratchnevsky P. Jengiz Han. His Life and Legasy / Translated and ed. by T. Nevison, Haining. Oxford UK, Cambridge, UK Blackwell Ltd, 2000. – P. 4.

4 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. – С. 103.

5 Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бомо, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и восточного Туркестана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. – С. 103.

6 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. – С. 103.

7 История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Подготовка к изд., введ., доп. и комм., Б. Е. Кумекова, А. Б. Мукменова. Переработанное и дополненное издание. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 66.

8 Там же.

всего идет о существовании даже внутри западных кыпчаков (с племенем токсоба был связан правящий клан подонской группы кыпчаков) татарской этногенетической линии¹. Не вполне понятно лишь то, почему клан дурут в этом случае не указан в качестве «татарского» племени. Не исключено, что это произошло из-за враждования его с кланом токсоба², вследствие чего Ибн Халдун и «развел» их, определив дурут «кыпчакским», подразумевая под этим, не исключено, восточных кыпчаков, то есть тех, кто в реальности как раз имел значимый татарский компонент.

На размышления наталкивает и название другого татарского клана, присутствующего в списке Рашид ад-Дина – *куин*. Скорее всего основа этого этнонима – это *куу* или *куи* (*куй*), а -ин является суффиксом. Не исключено, что данное наименование надо рассматривать в ряду таких этнонимов, как *уйшын*, *табын*, *алчын*, *аргын* (начальная форма, видимо, *аргу*), *тамйан*(*тэмэн*), *куман* и т.д., скорее всего имевших индоевропейское происхождение. Кстати, по этой же модели образованы и такие известные топонимы, как Саксин, Тухчин, возможно, Керман, Баласагун, Хотан и др. Присутствие же среди древних тюрок значительного индоевропейского элемента, ассимилированного затем в их этнической среде, общеизвестно³. Но применительно к этнониму *куин* надо отметить, что наименование *куйан/хуйан* было известно еще у гуннов⁴, что повышает вероятность тюркской этнической принадлежности (возможно, не изначально⁵) этого татарского клана. Наконец, в этнониме *баркуй/алакуй*, в первую очередь в варианте *баркуй*, по всей видимости можно видеть отражение этнонима *баргу*(т), то есть название тюркского клана *буркыт*. В этой связи не лишним будет указать на сообщение Рашид ад-Дина, в ходе рассказа о западных походах монголов под 1237–1238 гг. отмечающего, что Берке, наступавший тогда «на кыпчаков», видимо, в районе Кавказа, захватил трех предводителей клана «Беркути»⁶, в названии которого надо видеть всю ту же группу *баргут/буркыт* (не исключен и вариант его наименования *меркит*, ибо в тюркских языках возможна замена б/м). Второй вариант написания этнонима этого клана – *алакуй*, пока не поддается расшифровке, если конечно, это не искажение наименования рассматриваемого клана.

В целом, таким образом, даже восточные группы татарских кланов, вопреки мнению ряда авторитетов, являлись тюркскими этническими образованиями. В подтверждение нашего вывода можно привести и данные «Худуд ал-'алам» (982–983), согласно которому татары являлись частью –племенем тогуз-огузов, то есть ранних уйгур⁷, однозначно тюрок. На этот факт, в свое время, обращали внимание Б.Е. Кумеков⁸ и Л.Р. Кызласов⁹. В таком контексте вряд ли можно оспорить тюркскую этническую принадлежность татар и ряда других групп, интересующих нас.

1 Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. – С. 40–41.

2 История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 65.

3 Детальнее см.: Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2002.

4 Сухэбатор Г. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь. Центральная и Восточная Азия в Средние века / История и культура Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. – С. 109.

5 История и культура татар Западной Сибири... – С. 109.

6 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. – С. 39.

7 Худуд ал-'алам // Материалы по истории Киргизии. Вып. I. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1979 – С. 40.

8 Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. ... – С. 42.

9 Кызласов Л. Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры). // Сибирь, Центральная и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т. III... – С. 170–177.

В русле нашего исследования считаем сейчас необходимым вернуться к группе *кай*, как уже отмечалось, находившийся среди восточных кыпчаков и имевшей отношение к их элитной группе. Мимоходом заметим, что представители этого клана присутствовали и среди западных кыпчаков, ибо русские источники знают *Капечей*¹ (где *кай* – название группы, а *печи/биче* – указатель родства, принадлежности к группе)².

Вопрос об этнической принадлежности группы *кай* интересует нас потому, что в свое время казахский историк С.М. Ахинжанов сформулировал гипотезу о том, что названию этой группы на монгольском языке (*кай* – змея) на тюркском соответствовало наименование *уран*; далее он практически в целом выводил кимаков от «народа змей»³. Но при принятии его гипотезы – а мы склонны ее принять – весьма проблемной является его утверждение, что речь в данном случае идет о монголоязычной общности⁴. Хотя П. Голден с ним не согласился⁵ относительно тождества понятий *кай* и *уран*, гипотеза С.М. Ахинжанова о соответствии этнонимов *кай* и *уран* выглядит более обоснованной, но за одним исключением – данная общность, как мы считаем, не была монголо (кидане)-язычной. И вот тут необходимо сказать, что и П. Голден допускал, что группа *кай* была двуязычной⁶, то есть монголо-тюркоязычной. Похожую мысль высказывал также и сам С.М. Ахинжанов⁷. Эти допуски на самом деле означают, что даже если интересующая нас группа когда-то вышла из этнической среды монголо(кидане)-язычной общности, она была тюркизирована, причем весьма рано. К XI в. мы однозначно видим группу *кай* (=уран) среди тюркских племен (М. Кашгари). Попутно укажем, что газневидские поэты XI в., описывая гулямов из этого племени, почти всегда рядом с ними называют и гулямов из татар⁸, что вряд ли было случайно, имея в виду кимакско-татарские этнические связи и их тюркскую этноязыковую принадлежность.

В плане обсуждения круга вопросов об этнической принадлежности клана *уран/кай* можно привести и некоторые материалы, имеющие отношение к Волго-Уральскому ареалу. Обращает на себя внимание присутствие среди так называемых северо-западных башкир (они татароязычны и в настоящее время в ряде случаев имеют татарскую идентичность) таких сосредоточенных в одном ареале кланов, как *байлар*, *елан*, *уран*, *канглы*⁹, несомненно, являющихся кимакским этническим

1 Исаков Д.М. Вопрос о ранней кыпчакской этнонимии у татар Волго-Уральского региона // Вестник Елабужского педагогического ун-та. 2010. №3 (октябрь). – С. 60. Отсюда может происходить топоним Кайбыч (Апастовский район РТ).

2 Термин известен в этом смысле у нукратских татар, происходящих от Арских князей (См.: Исаков Д.М. Арские князья и нукратские татары... – С. 50).

3 Ахинжанов С.М. Кыпчаки... – С. 116–117.

4 Там же. – С. 112–113. 180 и др.

5 О его позиции подробнее см.: Исаков Д.М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2 – С. 435.

6 Golden P.B. Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. – P. 311.

7 Ахинжанов С.М. Кыпчаки... – С. 114.

8 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1969. – С. 156.

9 Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. – С. 317, 331.

наследием¹. В связи с отмеченной группой заслуживает внимание один сюжет из «Дефтер- и Чингиз-наме» (конец XVII в.), содержащийся в дастане об Аксак Тимуре. В этом дастане, включившем какие-то местные, весьма старые легенды и предания, в ходе рассказа о походе Тимура на Булгарский вилайет Улуса Джучи, сообщается, что после того, как он достиг его восточных территорий (речь в дастане идет о г. Биляр, бассейне р. Зая), внезапно, видимо под влиянием похода войск Тимура, возникает воспоминание о старине, о некоем «народе Бардж» (*Бараж халкы*), в стародавние времена – во «времена алпов», жившим в районе устья р. Зая (*Зэй*) и имевшим какое-то отношение также к Биляру. На их родные земли, согласно преданию, тогда (в древности) приходит «змей-дракон [по имени] Барадж» [*Бараж дигән аждаһа йылан*], который причинил урон городу Биляру, население последнего тогда с ним сразилось, но не смогло его одолеть². Весьма любопытно, что змей-дракон с похожим именем упоминается у Махмуда Кашгари. Он сообщает, что «...одного из главных воинов (=вождей) Йабаку (известный в XI в. тюркский клан – Д. И.) звали Бука Будрадж». Далее, этот автор поясняет, что «бука» – это большой змей, имеющий семь голов³, то есть в данном случае явно подразумевается дракон. Анализирувавший этот отрывок из Махмуда Кашгари С. М. Ахинжанов пришел к выводу, что тут речь идет о народе *кай*, то есть, о «змеином народе», стоявшем во главе огромной по численности группы тюрков (по некоторым данным, до 700 тыс. чел), начавших движение из Центральной Азии на запад и столкнувшихся с Караханидами где-то около 1041/1042 г.⁴ Сходство имени «Бараж» и «Будрадж», наличие в легенде образа змеи-дракона, соответствующего имени вождя клана йабаку Бука Будраджа, позволяет заключить, что в «Дефтер-и Чингиз-наме» в легендарной форме нашел отражение приход кимакско-кыпчакских групп во главе с каями – «народом змей», в Волго-Уральский регион. То, что это именно так, подтверждается еще одним похожим сообщением, сохранившимся в исторической памяти казахов, рассказавших о нашествии некогда несметного количества змей, в результате которого погиб Санджар, правившей в Джанкенте или Янгикенте. Хотя правитель Восточно-сельджукского государства – а подразумевается именно он – султан Санджар (1118-1153) не мог жить в то время, как полагает С. М. Ахинжанов, данная легенда также отражает «нашествие кыпчаков, среди которых находилось и племя змей, или кимаков – кай»⁵.

Таким образом, легендарные сведения, сохранившиеся в исторической памяти народов Волго-Уральского региона и Средней Азии, надо рассматривать как преломление в памяти тюрков былых событий, имевших отношение к усилению в XI в. кыпчакско-кимакской общности к северу от Средней Азии, на прилегающих к ней территориях. В рядах вот этого тюркского потока и находился клан *албыр/олберлы*, о чем и пойдет далее речь.

1 Р. Г. Кузеев отмечал это применительно к клану байлар, относя остальных в целом к кыпчакам (Там же. – С. 328, 353-354, 358, 362).

2 Дэфтәре Чыңгыз намә//Мирастан биш сәхифә: – 85–86 бб.

3 Сообщение Махмуда Кашгари см.: Ал-Кашгари Махмуд. Дивән лугāt ат-Турк. – С. 423, 913.

4 Там же. – С. 913. См. также анализ сообщений С. М. Ахинжановым (Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 183–185).

5 Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 188.

§ 2. Клан албыр/олберлы и его место в кимакско-кыпчакском этнополитическом пространстве.

Для того, чтобы выяснить основную канву тех исторических событий, которые привели к появлению группы во главе с предками Бачман султана в бассейне р. Яик, нам придется более детально рассмотреть сообщения источников, освещающих экспансию кимакско-кыпчакских групп на запад в XI в. Существование специальных исследований, затрагивающих с той или иной полнотой эту проблему, поможет нам разобраться в тех аспектах событий, которые необходимы для нашего исследования. Но вначале остановимся на весьма интересном сообщении Ибн ал-Асира, рассказывающем о принятии в 1043/1044 г. ислама одной группой тюрок.

Источник. <http://dostoyanieplaneti.ru/4428-uraninskoe-gorodishche>

В труде Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-т-та'рих» (XIII в.) под 435 г.х. (1043/1044) отмечено, что «в этом году в месяце сафаре приняли ислам десять тысяч кибиток из неверных тюрок, которые, бывало, делали ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, грабили их и учиняли беспорядки». Далее источник уточняет: «...они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна. Но когда приняли ислам, то рассеялись по стране; в каждом крае по тысяче кибиток или меньше, или больше; ведь они объединялись [раньше] только для того, чтобы защищать друг друга от мусульман»¹. Почему мы должны обратить внимание на эту информацию? Не только потому, что оно относится к эпохе усиления кыпчакско-кимакских групп, но и потому, что в данном известии фиксируется проведение этой группой (10 тыс. кибиток это не менее 50 тыс. чел., скорее всего и больше) лета в «краях Булгара». Кроме того, имеется одна «зацепка», позволяющая узнать, что за группа тюрок в источнике подразумевается в лице этих, первоначально являвшихся «неверными», людей. Дополнительная информация о них кажется есть у Махмуда Кашгари. Дело в том, что у Махмуда Кашгари есть указание на то, что «двоих сыновей царя Кыпчаков Инала Уза... называют *табар*»² (выделено нами – Д.И.). Возможно, в последнем случае, как и в случае с понятием «инал», подразумеваются титулы, в частности «табар» может быть «иль-табаром»/эльтебером – известным тюркским

1 Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-та'рих.... – С. 211–212.

2 Ал-Кашгари Махмуд. Диван лугат ат-Турк.... – С. 344.

титолом. Но не исключено, что в некоторых источниках этот титул передавался и как имя собственное. В этой связи укажем на то, что согласно Джуджани, одного из родоначальников племени ильбари, являвшегося как раз «ханом 10000 семейств», звали Абаром¹. Джуджани отмечает, что этот Абар хан приходился дедом (возможно, прадедом) уже знакомому нам Улуг хану Азаму, жившему в эпоху монгольских завоеваний в Средней Азии. Судя по хронологии, этот Абар хан мог жить в середине – второй половине XI в. и соответствовать Табару М. Кашгари². В таком случае возникает вопрос: не подразумеваются ли под 10000 «кибиток» или «семей», принявших в 1043/1044 г. ислам, представители клана илбари? Принимая в расчет их нахождение летом «в краях Булгара», это весьма возможно. Тем более, что в верхних звеньях генеалогии Бачман султана, начиная от его отца – Габдерахман султана и заканчивая его прапрадедом, которого, судя по генеалогии, звали Габделгазизом (титул у него такой же – «султан»), фигурируют мусульманские имена³, свидетельствующие, что представители этого клана приняли ислам задолго до времени жизни Бачмана. А данные Ибн ал-Асира о том, что после принятия ислама названное объединение тюрок «рассеялось», можно считать не вполне достоверными. Дополнительным аргументом в пользу нашей гипотезы может служить известный рассказ Лаврентьевской летописи, под 1184 г. сообщающей об участии «половцев Емяковых» во внутривосточной борьбе в Волжской Булгарии⁴. Понятно, что для этого они должны были находиться не так далеко от территории этого государства. Как нами было установлено, этому критерию больше всего соответствуют именно представители клана илбари (олбер), бывшего частью кимаков и, судя по всему, локализованного в предмонгольское время в бассейне р. Яика.

Так обнаруживается ранняя история этого клана, которую нам сейчас необходимо уточнить и «вписать» в общую историю и начальный этап движения кимакско-кыпчакского объединения в XI–XII вв. на запад. При его рассмотрении мы будем опираться на уже отмечавшиеся труды С. Г. Агаджанова, С. М. Ахинжанова, О. Прицака, П. В. Голдена, Р. П. Храпачевского, А. Ш. Кадырбаева, Е. И. Кычанова и др. В необходимых случаях к ним будут сделаны дополнения и комментарии, главным образом, в русле интересующей нас тематики.

Исследователи едины в том, что весьма многочисленные восточные группы тюрок из Центральной Азии и прилегающих территорий Южной Сибири в предмонгольское время стали выдвигаться на запад вследствие подъема монголоязычных кочевников – киданей и основания ими в начале X в. государства Ляо, вскоре включившего в свои территориальные рамки и Северный Китай⁵. После упрочения власти, это государство начало активные военные действия в западном направлении, что привело в начале XI в. к крупным передвижениям тюркских групп, расселенных в Центральной Азии. Есть предположение, что в ходе киданьских походов начала XI в. на уйгур Ганьчжоу (1010), затем в северо-западную часть Джетесу

1 Jouziani. *Tabakat-i Nasiri*... vol. II. – PP. 791, 800–801.

2 Это допущение см.: С. М. Ахинжанов. Кыпчаки... – С. 202.

3 Исаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... – С. 95–96.

4 ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 389.

5 История Востока. Восток в средние века. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1995. Т. II. – С. 300. Войска киданей в 946 г. взяли г. Кайфен, а основатель династии Поздняя Цзинь Ши Цзинтан признал старшинство киданьских правителей и выплачивал им дань. В дальнейшем 16 округов Северного Китая, захваченных киданями, оставались в их руках.

Монгольские лучники на конях.

<https://www.liveinternet.ru/users/3560620/post184878517/>

(1014), после чего – в окрестности Баласагуна (1017г.), в составе киданьских отрядов имелись и многочисленные восточно-тюркские племена¹. В частности, описывая наступательные действия киданей на Баласагун, Ибн ал-Асир сообщает об участии в этом «трехсот тысяч кибиток из тюркских родов. Среди них и хитаи»² (то есть, кидане). В других источниках речь идет об участии в этом походе войск, насчитывавших 100 тыс. кибиток³, что не противоречит первой цифре. Ясно одно – в киданьских походах, совершавшихся в первых десятилетиях XI в. вместе с восточно-тюркскими кланами, участвовало огромное число людей, что не могло не привести к крупным передвижениям населения из Центральной Азии, Южной Сибири и прилегающих зон в западном направлении.

1 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен. – С. 154–155.

2 Ибн ал-Асир. Ал-каmil фи-т-та'рих... – С. 183.

3 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен. – С. 155.

С.Г. Агаджановым, О. Прицаком, П.В. Голденом и С.М. Ахинжановым уже достаточно подробно разбирались известия восточных и некоторых западных источников, сообщающих об этой миграции тюркских групп, в первую очередь, состоявших из представителей кимакско-кыпчакской общности и близких к ним этнически других тюркоязычных кланов. В общем виде их анализ существующих источников сводится к следующему.

Прежде всего, речь должна идти о переселениях из Центральной Азии нескольких весьма многочисленных, но в этническом отношении не вполне однородных групп. Наиболее развернутые данные об этом содержатся у ал-Марвази (род. в 1046 г.) и у Матфея Эдесского (ум. в 1146 г.). Приведем их сообщения для выяснения главной канвы событий, происходивших, как можно полагать, в первой половине XI в. в Северной Евразии, в конце концов завершившихся формированием нового состава населения этой огромной территории в ее степных зонах. Оно и получило, в конечном счете, общее наименование кыпчаки/половцы, хотя имело достаточно различающиеся этнические сегменты.

В сочинении арабского историка Шарафа ал-Марвази (род. 1046 г.) «Таба' и ал-хайван», относящегося к XII в. и являющегося трактатом зоологического характера, есть описания и историко-географического, а также этнологического характера, в том числе глава «О тюрках», содержащая, кроме прочего, интересную информацию об указанном выше массовом переселении тюрок Востока: «Среди них (тюрок – Д.И.) есть группа [людей], которые называются «*кун*», они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их [числа] Ахинджи ибн Качугар Хорезм-шах. Их преследовал народ, который назывался *кай*. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. [Тогда куны] переселились на землю *шаров*, а шары ушли в землю *туркмен*ов. Туркмены переселились на восточные [земли] *гузов*, а гузы переселились в землю печенегов, поблизости от Армянского [Черного или Каспийского – Д.И.] моря»¹ (этнонимы и территориальные определения выделены нами – Д.И.).

Читая это сообщение надо иметь в виду, что упоминающийся в нем хорезмшах Акинджи (Икинчи) ибн Кочкар (Кочугар) был убит в 1097 г.², поэтому содержание данного известия явно описывает более ранние события XI в. Хотя сведения ал-Марвази о тюрках были заимствованы из разных источников, в том числе и из ранних³, само содержание приведенного уникального сообщения, как уже установлено, относится к начальным десятилетиям XI в. и связано с формированием государства Ляо – государства *киданей/каракитаев* (см. выше понятия «Китай», «китайский хан» – речь тут идет о *киданах*), вызвавшего массовые миграции населения на запад из глубин Центральной Азии. Но для понимания того, какие группы имелись ввиду в этом довольно сложном по структуре сообщении, необходимо остановиться ещё на одном источнике XII в. – на труде армянского историка Матфея Эдесского, также писавшего в своей летописи об этих переселениях. В частности, под 1050/1051 г. он поместил известие о столкновении Византии с печенежской

1 Храковский А. Шараф ал-заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. Введение и перевод // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. – С. 212.

2 Об этой личности: Ибн ал-Асир. Ал-каmil фи-т та'рих... – С. 230–231; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М.: Изд-во Вост. лит.-ры, 1963. – С. 387

3 Детальнее см. у А. Храковского (Храковский А. Указ. раб. – С. 208–211).

опасностью, вызванной серией перемещений кочевых групп, когда «народ *отц* приблизился и разбил [народ] *хардеш*, а [последний] двинулся вперед и победил *узов* и *печенегов*»¹ (этнонимы выделены нами – Д. И.). Разбравший это сообщение О. Прицак счел возможным видеть в «народе *отц*» (*отц* по армянски «змей») «народ змей», то есть группу *кай*, а в общности «хардеш»/«половых/светловолосых» – кыпчаков/половцев, приравняя «узов» к огузам². На самом деле по поводу группы *кай* у него есть еще один комментарий, который будет рассмотрен несколько позже.

Следует отметить, что ранее О. Прицака С. Г. Агаджанов при комментировании разбираемого источника в «рыжеволосых» (*хардеш*) увидел группу «*сары*», полагая что под ней подразумеваются кыпчаки Алтая, а «народ змей» (*отц*) он также предлагал идентифицировать (под вопросом, правда) с группой *кай*³. При этом он ссылаясь на работу Ю. А. Зуева, указавшего в свое время на наличие у клана *кай* тамги в виде змеи⁴. Позже и С. М. Ахинжанов согласился с мнением О. Прицака и С. Г. Агаджанова относительно тождества «народа» змей» (*отц*) с каями и «народа *хардеш*» – с *шарамы/сары*⁵. Но он заметил, что у Матфея Эдесского нет одной группы, которая присутствует у ал-Марвази – речь идет о кунах. Причину их отсутствия у армянского летописца XII в. он объяснил тем, что куны выпали из орбиты его внимания из-за отдаленности их местонахождения⁶. Это, как думается, вряд ли так, поэтому данный вопрос требует отдельного разбора.

Таким образом, в приведенных выше двух источниках сообщается об одном и том же событии, случившемся не позже начальных десятилетий XI в. Согласно указанию этих источников, сдвиг кочевого населения «из земли Китая» происходил так: *каи*→*куны*→*шары*→*туркмены* (это принявшие ислам *гузы/огузы*)→*гузы*→*печенеги*. Если принять во внимание, что торки русских летописей (а это и есть огузы), преследуемые половцами/кыпчаками, дошли до южнорусских степей к 1054 г., а в 1064 г. их разбитые группы уже переправились через Дунай, оказавшись на территории Византии⁷, то начало массового движения кочевников надо отнести к более раннему периоду – скорее всего оно должно датироваться 1030–1040 гг.⁸

Теперь нам в этом довольно сложном конгломерате из нескольких групп (прежде всего, таких как *каи*, *шары/сары*, *куны*) необходимо найти ту конкретную этническую общность, куда восходил интересующий нас клан *алтарлы/олбер*. Задача эта непростая из-за уже отмеченных выше разногласий между исследователями относительно этнических истоков данного знатного клана. Поэтому нам придется ещё раз вернуться к этому вопросу для выяснения системы аргументации точек зрения разных авторов (С. Г. Агаджанова, О. Прицака, П. Голдена, С. Г. Ахинжанова, Р. П. Храпачевского).

1 Источник цитируется по: Pritsak O. The Polovicians and Rus... – PP. 337–338.

2 См. там же.

3 Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов... – С. 158.

4 См.: Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды ИИАЭ. Т. 8. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. – С. 132–133.

5 Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 180.

6 Там же.

7 Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов... – С. 158–159.

8 Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов... – С. 157; Pritsak O. The Polovicians and Rus... – P. 336; Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 182–187.

Несмотря на то, что у исследователей, занимавшихся проблемой этнических корней тех групп, из среды которых выводится клан *алпарлы/олбер*, нет единства по этому вопросу, одно их объединяет – они склонны полагать, что к XI в. этнические формирования, о которых идет речь, даже если они первоначально не являлись тюркоязычными, уже были ассимилированы в численно преобладавшей тюркской среде¹. В принципе для целей нашей работы такого вывода было бы уже достаточно. Но с целью более глубокого обоснования нашего тезиса об изначальной тюркской этнической принадлежности предков клана *алпарлы/олбер*, считаем необходимым подробнее остановиться на взглядах наших оппонентов, в первую очередь, следуя за линией доказательств Б. Б. Кумекова, занимавшегося проблемой происхождения кимаков специально. К кимакам, из среды которых обычно выводятся и кыпчаки, приходится обращаться потому, что именно в составе населения Кимакского каганата имелись группы (например, татары), являвшиеся знатной частью кимакского сообщества, про которые в литературе бытует давнее мнение об их монголо/кидане-язычности². Так как с ними связываются предки клана *алпарлы/олбер*, есть необходимость нового анализа данного вопроса.

Как нами было уже отмечено, такие трактовки восходят к считающимся в сино-тюркологии классическими исследованиям И. Маркварта и П. Пелльо, которые недавно воспроизвел в названной выше работе С. П. Атвуд. Последний прямо указал на то, что в китайских источниках наиболее ранние ссылки на группу кай идут в форме *kūto-xī*, *kūnmō/kuñmī*, то есть «кимек»³. При этом С. П. Атвуд заявил, что насчет групп кай и киданей имеется «общий консенсус» относительно их

Кимакский воин.

<http://steppes.proboards.com/thread/1224/pictures-steppe-warriors?scrollTo=9414&page=75>

1 Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов... – С. 157; Pritsak O. The Polovicians and Rus... – PP. 335–336; Golden P. B. Cumanica II... – PP. 18–22; Голден П. Кыпчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского центра СО РАН, 2004. – С. 105; Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 98, 101, 105, 113. Храпачевский Р. П. Половцы-куны... – С. 22–23, 39.

2 Новейшую публикацию с такой трактовкой см.: Atwood C. P. The Qai, the Khongai, and the names of the Xiōngnū // International Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. II. – PP. 035–063. Особенно см.: PP. 047–051.

3 Ibid. – PP. 049–050.

«монголоязычности»¹. Думается, что это не совсем так, особенно если учесть исследование Б.Е. Кумекова, не согласившегося не только в целом с вышеназванной концепцией о монголоязычности кимаков², но и отнесшего группу кай к тюркским этническим образованиям³. В частности, он в своем заключении исходил из того, что ал-Бируни (XI в.) относил группу кай, как и кунов, кимаков и ряд других групп (кыргызов, токуз-гузов, хазар) к тюркам. Такое определение группы кай имеется и у Махмуда Кашгари, назвавшего его «одним из тюркских племен»⁴. И вот тут нам следует обратиться к примечанию О. Прицака, утверждающего относительно «народа змей», что кай «правили» конфедерацией найманов (см. о нем далее).

В зарубежной историографии О. Прицак сформулировал те основные подходы к изучению ранней этнической истории клана олберлик, которым затем во многом следовал и П. Голден. О. Прицак выводил названный клан из состава кимаков/кунов, как он думал, являвшихся протомонголами, населявшими в ранний период Маньчжурию, откуда его представители откочевали в конце XI в. (ок. 1090-х гг.). Этот исследователь, однако, связывал племя олберли с каями, которых он тоже считал протомонголами. По мнению О. Прицака, *кай* («народ змей») стали правящим слоем у кимаков после 1031 г., приняв к тому же ислам в 1043 г. Как он полагал, кланы олберли и кай в итоге к 1100 г. «разделили между собой власть» в Дешт-и Кипчаке, когда из первых были верховные каганы, а из вторых – соправители. В целом О. Прицак этнические истоки кимаков и объединения кай выводит из этнической среды протомонгольских групп *ku-mo-xsi* (табы тюркских источников), правда, подчеркнув, что к XI в. они уже были тюркизированы (последнее заключение обязано своим появлением публикации труда Махмуда Кашгари, неизвестной более ранним исследователям). Наконец, мы не должны упускать из поля нашего зрения рассуждения О. Прицака, касающихся этнических связей между каями и найманами, ибо через последних появляется связующая нить и с татарами⁵.

По мнению П. Голдена, клан олберлик вышел из состава объединения *xi* (*xsi*), то есть каев, в раннее время своей истории локализованных на юго-востоке Внутренней Монголии и на северо-востоке Маньчжурии. Группу кай, в полном согласии с построениями И. Маркварта и П. Пелльо⁶, он считает прото(ранне)-монголами, датируя время ухода связанного с ней клана олберлик на запад серединой XII в., указав, что к 1150-м гг. вышедшие из его среды ханы уже установили полный контроль над восточными (дикими) половцами (к последним он относил *кунов/команов, канглы, кыпчаков*, считая их за «один народ»). П. Голден полагал, что клан олберлик положил начало одной из правящих над половцами групп – Бонякидам⁷. Свои выводы относительно ранней этнической истории клана олберлик он базировал на данных «Юань ши», источника не вполне ясного для выводов по этой группе. Да и отнесение им времени появления клана олберлик в Волго-Уральском реги-

1 Ibid. – P. 049.

2 Он писал: «Все это... подтверждает связь кимакских племен скорее с тюркским, чем с монгольским кругом племен...» (Кумеков Б.Е. Государство кимаков... – С. 45)

3 Там же. – С. 124.

4 Ал-Кашгари Махмуд. *Дүвān лугāt ат-Турк* – С. 858.

5 Pritsak O. The Polovicians and Rus... – PP. 331, 334–340 и др.; Golden P.B. *Cumanica II...*

6 Golden P.B. *Cumanica II...* – PP. 14–19 и др.; Голден П. Кипчаки средневековой Евразии... – С. 105–107.

7 Голден П. Кипчаки средневековой Евразии... – С. 107

оне к середине XII в. не вполне согласуется с источниками – кроме указанных выше данных о возможном принятии этим кланом ислама ещё в 1043 г., когда клан летом поднимался до границ Волжской Булгарии, скорее всего, до рубежей по р. Яику, надо еще учесть одно примечание П. Голдена, в котором содержится информация из арабских источников, согласно которой группа олберлик фиксируется до 1050 г.¹, что более соответствует накопленным сейчас данным.

Отечественная историография, хотя и подверглась влиянию западной историографии, имела в отношении трактовки проблемы этнической и политической истории клана олберлик свои отличительные особенности. Начнем с того, что уже в 1970 г. был осуществлен перевод части текста «Юань ши», имеющего отношение к кыпчакам². Но он не получил должного объяснения, вследствие чего из него потом извлекались несовпадающие между собой этнические построения. Так, казахский историк С. М. Ахинжанов в том же году опубликовал статью, в которой, опираясь в том числе и на «Юань ши», высказал мнение о существовании на Южном Урале уже в XI в. «независимого кипчакского владения»³, которое он затем связал с «конфедерацией кипчакских племен» во главе с ханами из клана *илбари/ольбурлик*⁴. Этот вывод данного исследователя опирался на анализ «Юань ши» П. Пелльо, полагавшего, что указание на место проживания в этом источнике восточных кыпчаков как «Юйлиболи», отражает наименование клана илбари. По мнению С. М. Ахинжанова, ханы из племени *илбари/ольбурлик* в конце XI – начале XII вв. возглавили конфедерацию кипчакских племен Западного Казахстана⁵, но затем их в начале XII в. сменили *баяуты*, бывшие ветвью *кимаков*. Они являлись, как и в целом кимаки (каи), выходцами из состава монголоязычных татаро-монголов, затем правда, отюреченные. Как полагает С. М. Ахинжанов, хотя клан илбари был замещен как ханское племя баяутами, последние все-же приняли «имя» илбари⁶. Но ещё в 1133 г., когда войска хорезмшаха Атсыза воевали с кыпчаками на Мангышлаке, те возглавлялись кланом илбари. Этот историк общее движение из Центральной Азии (северо-восточной Монголии и Манчжурии) в XI в. видит таким образом: вначале каи (=кимаки) в самом начале XI в. покорили ябагу, обитавших (внимание! – Д. И.) в бассейне р. Оби (р. Ямар по Махмуд Кашгари), затем в союзе с группами басмыл и джумул это сообщество двинулось в Семиречье (при этом шары, то есть кыпчаки, возглавлялись басмылами), а куны, участвовавшие в этом же движении, являлись киданями⁷. Наконец, последний штрих – ханы половецкого объединения, существовавшего на Дону – Шаруканиды, были связаны, как полагал С. М. Ахинжанов, с «народом змей»/каями, в данном случае – с кланом токсоба⁸.

1 Golden P. B. Cumanica II: ... – P. 13 (сноска 29).

2 Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. (публикация источников) // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. 1960. Т. V. Вып. 1. – С. 59–65.

3 Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия // Вестник АН Казахской ССР. 1970. Вып. I. – С. 48–49.

4 Ахинжанов С. М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1976. – С. 88.

5 Ахинжанов С. М. Об этническом составе... – С. 88.

6 Ахинжанов С. М. Кыпчаки... – С. 101, 105, 113, 201.

7 Там же. – С. 184, 186–187.

8 Там же. – С. 137–138, 141.

Р.П. Храпачевский, писавший о клане илбари совсем недавно, приложил массу усилий для того, чтобы доказать – та часть «Юань ши», в которой речь идет об одной династии кыпчаков (о ней писал и С.М. Ахинжанов), которую обычно связывали с объединением во главе с илбари, на самом деле относится к кунам, из среды которых и вышли кыпчакские ханы, объединившие кимаков, канглы и «других кыпчаков». Но – обращаем на это особое внимание – эти куны в свое время являлись, как он думает, частью татар, откочевав на запад не позднее первой трети XI в. Этот автор не исключает, что из среды кунов были и каи, с которыми он связывает токсобичей¹. А вот клан илбари во главе с Бачманом он не склонен относить к кунам², но при этом не расшифровывает их более конкретную этническую принадлежность.

Теперь надо несколько слов сказать о трудах других исследователей, в которых хотя и не обсуждается проблема клана илбари/ольбурлик, она косвенно все-же затрагивается.

В частности, в своей работе, посвященной огузам, С.Г. Агаджанов высказывает мнение, что куны, первоначально жившие в Северном Китае и Западной Сибири (так он их локализует) и являвшиеся несторианами, могли быть частью конфедерации киреитов, как известно, принявших несторианство ещё в 1009 г.³ Далее, весьма интересны наблюдения А.Ш. Кадырбаева, использовавшего при изучении канглы китайские источники. Он не только отмечает проживание канглы в Семиречье и на Иртыше, будучи частью кыпчакско-кимацкого объединения, но и указывает на существование у знатных представителей этого клана родственных связей со знатной частью найманов⁴. Показательно также, что в приведенном им отрывке из «Синь Юань ши», в котором речь идет о знатном вожде из канглы Есударе, отец последнего зафиксирован как «Айбо-баяут», что, скорее всего, указывает на баяутов как часть канглы⁵. Более того, из такого китайского источника, как «Мэнзю эрши цзи», он находит известие о том, что «киреиты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, восточные киреитами»⁶. Комментируя эти достаточно уникальные данные, он опять приводит материалы о родственных связях между знатью канглы и найманов⁷. Такого рода сведения приводил и Б.Е. Кумеков, указывавший на существование брачных связей между кыпчакским кланом токсоба и татарами, причем в домонгольский период⁸. Отдельно необходимо отметить монографическое исследование Б.Е. Кумекова, посвященное кимакам, в которой он развивает совершенно иную, чем у многих исследователей, концепцию этнической

1 Храпачевский Р.П. Половцы-куны... – С. 20–23, 37–39 и др.

2 Там же. – С. 38–39.

3 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов... – С. 156–157.

4 Кадырбаев А.Ш. Тюрки-канглы в империи Чингис-хана (по китайским источникам) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. П. М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. вост. лит-ры, 1979. – С. 50.

5 Кадырбаев А.Ш. Тюрки-канглы... – С. 54.

6 Кадырбаев А.Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы, с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII–начала XIII в.) // Тринадцатая научная конференция «общество и государство в Китае». Тез. и докл. Часть 2. М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. вост. лит-ры, 1982. – С. 133.

7 Там же.

8 Кумеков Б.Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности». Тез. докл. XIX сессии ИАС. Ташкент, сентябрь 1986 г. Вып. 1. История, литература, искусство. М., 1986. – С. 40.

принадлежности кимаков, важную для целей нашей работы. На основе анализа племенного состава кимаков, он пришел к выводу, что кимаки изначально являлись тюрками¹. К тому же он время продвижения кимаков на запад датировал гораздо более ранним периодом – не позже конца IX в., когда совместно с огузами они вышли не только в Приаралье и Прикаспийскую зону, но и в Приуралье; миграцию кимаков в бассейны Урала и Эмбы он датировал X в.² По его заключению, кимаки в XI в. потеряли свою гегемонию в северо-евразийских степях, уступив это место кыпчакам. При этом он допускал, что кимаки могли «удержаться» на основной территории на левом берегу Иртыша³.

Итак, какой же общий вывод можно извлечь из анализа литературы, посвященного клану олберли? Главное заключение сводится к тому, что этнические истоки этого весьма известного и знатного клана остаются не вполне ясными. Главный дискуссионный вопрос – были ли они выходцами из состава протомонголов или тюркских групп? Как думается, несмотря на присутствие в историографии весьма укорененной позиции, доказывающей их первоначальную принадлежность к ранним (прото) монголам – а эта линия доказательств идет через весьма спорное определение кимаков (каев) как протомонголов – на самом деле не менее фундированной выглядит другая концепция – об их тюркской этнической принадлежности. Мы придерживаемся именно этой концепции, считая, что клан ильбари/олбер был правящей группой, частью кимаков/йемеков, оказавшись в бассейне Яика, то есть в Южном Приуралье, в первой половине XI в. – между 1030–1040-ми гг.

В конце настоящего раздела нам необходимо установить точное наименование интересующего нас клана. По этому поводу можно обратиться к уже названным трудам О. Прицака, П. Голдена и С. М. Ахинжанова и другим. Особенно подробные обзоры содержатся в работах двух первых исследователей.

Вначале на основе достаточно обширного обзора арабо-персидских источников относительно названия клана, находящегося в центре нашего внимания, свое заключение дал О. Прицак. Он предложил как основные следующие два написания этого этнонима: *Ölperli/Ölberlü*⁴. Затем П. Голден, дополнив работу своего предшественника новым обзором источников, пришел к аналогичному выводу – его конечная форма названия этого клана: *Ölperli/Ülperli*⁵. В целом, как видно из названия его статьи, он предпочел вариант *Ölberli/Ölperli*. Но оба исследователя указали на то, что в отдельных русских летописях и в «Слове о полку Игореве» встречаются ещё формы отперглуве/отперлюве и Олбер/Ольберы⁶. На это последнее написание данного этнонима обратил внимание ещё В. А. Гордлевский, после рассмотрения ряда публикаций (Л. Рашоньи, Ф. Е. Корша, С. Е. Малова) остановившийся на варианте «*ольбер*» и принявший насчет этого этнонима трактовку С. Е. Малова – *алп-эр/ур* (герой-мужчина)⁷. Дополнительный материал по названию этого клана на основе китайских источников дал недавно Р. П. Храпачевский, указавший, что оно

1 Кумекон Б. Е. Государство кимаков... – С. 128–129.

2 Там же. – С. 64.

3 Там же. – С. 86–87.

4 Pritsak O. The Polovicians and Rus... – P. 339.

5 Golden P. B. Cumanica II... – P. 14 (полный обзор – PP. 12–14).

6 Pritsak O. The Polovicians and Rus... – P. 339; Golden P. B. Cumanica II... – P. 13.

7 Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // АН СССР. Отд. литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 4 (Июль-август). – С. 326.

именовалось «ул-бер-лик», то есть, *ölberlik*¹. По его мнению, в таком написании для данного этнонима тюркская этимология «вообще становится проблематичной»². Поэтому он предложил (видимо, исходя из своей общей гипотезы о роли в формировании ряда групп половцев раннемонгольского компонента) трактовку этого наименования на основе монгольского языка как «улбар»/«красноватый», объясняемого распространённостью у тюрко-монгольских народов цветовых аллоэтнонимов³. На самом деле, как было показано выше, тюркская этимология этнонима вполне возможна, особенно для формы *олбер/ольбер* (алп-эр). Именно эту последнюю форму мы и считаем основной этнонимической формой, тем более, что она, как уже говорилось, в варианте «албыр» встречается в связи с Бачманом в дастане «Туляк и Сусылу»⁴. Все другие формы (см. выше) являются производными от этого основного этнонима (они объяснимы с точки зрения языковых форм соответствующих языков – персидского, арабского и тюркского, в основном передавая принадлежность к данному клану).

Кимакский воин. Реконструкция Ю.С. Худякова.

<http://backgroundimageswon.pw/Kangju-heavy-armored-horseman-2nd-century-BC-2nd-AD-by.html>

1 Храпачевский Р.П. Половцы-куны... – С. 27.

2 Там же. – С. 38

3 Там же. – С. 39

4 Кроме прочего надо принять во внимание и то, что у половцев имелся этноним «шилбир», образованный по сходной модели (См.: Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве // Известия Императорской АН. 1903. Т. VIII. Кн. 4. – С. 39, 41).

Глава 4. Клан албыр в Улусе Джучи и вопрос о тюрко-татарском составном золотоордынской этнии

Изучение доступных к настоящему времени источников позволило уточнить этническую принадлежность клана албыр (олбер~алпыр) и его место в кыпчакских политиях домонгольского времени – племя албыр являлось правящим (ханским) кланом одного из восточно-кыпчакских объединений, а именно, кимакского (йемекского). Самая точная формулировка, описывающая положение этого племени к началу XIII в. в Дешт-и Кыпчаке, принадлежит, как думается, Джуджани, указавшему на то, что выходцы из него являлись «ханами Ильбари» и «шахами Йемека». Эта констатация, однако, требует объяснения. Тем более, что в материалах, характеризующих столкновение группировки во главе с Бачманом с монгольскими войсками в 1230-х годах, этот предводитель именуется «эмиром», что скорее соответствует титулу князя, но высокого статуса (на уровне монгольского «нойона»). А так как в родословных, связанных с предками Яушевых, применительно к самому Бачману и некоторым его сородичам еще используется и титул «султан», возникает необходимость уточнения статуса этой личности, безусловно, имевшей высокое социальное положение, недаром, как уже отмечалось, он по «Юань ши» являлся правителем «страны». На самом деле разбор данного вопроса выводит нас на сложную проблему социально-политического устройства домонгольского кыпчакского мира, а затем Улуса Джучи, в рамках которого нам предстоит определить положение клана албыр в новых условиях, наступивших после завершения оформления Золотой Орды как самостоятельного государства.

К сожалению, по этому периоду относительно клана албыр имеется не так много исторических источников, поэтому нам, в рамках решения поставленной задачи, придется опираться не только на традиционные для историков письменные источники, но и привлечь к анализу обычно остающиеся вне поля их зрения фольклорные (дастаны, предания) и генеалогические материалы. Естественно, эти сведения требуют адекватной методики их вовлечения в историческое исследование. Ниже мы сможем убедиться в том, что использование не вполне традиционных для исторических исследований источников позволяет получить дополнительные, достаточно интересные результаты, способные оказать существенную помощь в решении конкретных исторических задач, стоящих перед нами.

§ 1. Титулы Бачмана, его предков и потомков: последствия вхождения клана албыр в Улус Джучи

Генеалогические материалы, связанные с Кара беком – предком Яушевых, дают следующие титулы у Бачмана и его ближайших предков и потомков: *Пачман (Бачман) хан – Балым солтан – Калдар бик – Канбар бик – Кара бик <кенэз>*¹ (версия С. Вахиди); *Гыйффэт солтан – Габдулгаиз солтан – Элвэр солтан – Бирде солтан – Габдеррахман солтан – Бажтан (Бачман) солтан – Балым бик – Калдар бик – Күкчэ тархан, Ханбар (Канбар) бик – Нар бик, Ишем солтан, Кара бик*² (версия Р. Фахретдина); *Пачман солтан – Балым бик – Калдур бик – Канбар бик – Кара би*³ (версия М. И. Ахметзянова из д. Ниж. Оры). Хотя имеются и некоторые другие данные, где указаны титулы Бачмана (например, уже отмечавшаяся «татарская история» К. Мулакаева XVIII в., фиксирующая «ногайского хана именем Басман»⁴), на самом деле из сохранившихся генеалогий и исторических преданий мы можем извлечь только два главных вывода – сам Бачман имел титул «хана» или «султана», а вот его сын – Балым, именуется как султаном, так и беком (*бик/бэк*). Все последующие генеалогические звенья после Балыма идут как беки (исключение составляет Ишем, названный «султаном», но это, скорее, неверное прочтение его двойного имени). А вот предки Бачмана в существующих генеалогиях обозначены как султаны, но в крайне запутанной верхней части генеалогии этой исторической фигуры, содержащейся в версии С. Вахиди, не исключено, являющейся просто отражением татарской «учености» традиционного характера, возможно просматривается и титул «хан»⁵.

В целом, по генеалогическим данным, материалам исторических преданий, применительно к Бачману и его предкам мы имеем традицию использования титулов «хан» или «султан», а в нисходящих генеалогических звеньях присутствует (за одним-двумя исключениями) титул «бека (бия)». Но в собственно письменных исторических источниках мы обнаруживаем несколько иную картину – Бачман в них именуется «эмиром» (Рашид ад-Дин), «вождем» (Джувейни), «главарем», «владельцем страны» («Юань ши»). Как можно полагать, в реальности между всеми этими понятиями противоречий нет, но для того, чтобы в этом убедиться, нам следует обратиться к историческому контексту домонгольского времени, связанному с Государством хорезмшахов, с которым восточные кыпчаки, в том числе и кимаки, имели тесные связи. Дело в том, что в этом государстве особо отличившимся «маликам» – командующим десятитысячным воинским контингентом, то есть туменом по терминологии монгольского времени, присваивался титул «хана»⁶. А так в армии Государства хорезмшахов войсковые подразделения, в особенности, состоявшие из тюрок конные войска, создавались по племенному признаку⁷, воен-

1 Өхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). – 22 б.

2 Там же. – 12 б.

3 Там же. – С. 16.

4 Там же. – С. 18. Сюда можно добавить и сведения из «Дефтер-и Чингиз-наме», где в дастане «О местах и городах» в выражении «Ак Түбә-Бачман ханның йорты» [Ак-Тюбя-юрт Бачман хана] (Мирастан биш сәхифә... – 67 б.), виден «ханский» титул этой личности. Ханом объявляется Бачман, как уже было показано, и в эпосе «Түләк и Сусылу».

5 Өхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). – 21–22 бб.

6 Бунятов З. М. Государство хорезмшахов... – С. 91.

7 Там же. – С. 88

ный предводитель – малик, стоявший во главе крупного десятитысячного кланового подразделения, оказывался «ханом» будучи одновременно вождем конкретного племени. Но на самом деле, конечно, у кыпчаков, в том числе восточных, ханы имелись вне зависимости от их взаимоотношений с хорезмшахами. В частности, жена хорезмшаха Текиша – Теркен-хатун, была дочерью кыпчакского хана Дженкиши, возможно, являвшегося вождем племени баяут, стоявшем во главе гораздо более значительной группы (включавшей в свой состав кланы уранийцев, карлуков, уграков, халаджей)¹. Когда говорится, что хорезмшах Ала-уд-дин Мухаммад был женат на дочери Амин-малика из канглы², имея в виду возможность наличия у данного «малика» и статуса «хана», мы опять фиксируем среди вождей восточных кыпчаков присутствие титула «хан». Скорее всего, когда под 1096 г. Ибн ал-Асир рассказывает о нападении на Хорезм «одного из тюркских государей» (в трактовке С.Г. Агаджанова – «могущественного царя»³), чьи владения находились в районе Мангышлака⁴, то опять видимо подразумевается хан, возможно даже из клана албыр⁵. На самом деле уже приведенные из Джуджани сведения о том, что предок (дед) Улуг хана Аджам по имени Абар являлся «ханом над 10 тыс. семейств», будучи сам из клана ильбари/албыр, подтверждают наличие титула «хан» у предводителя данного клана. Даже уже разобранный нами пассаж Джуджани о том, что Аджам являлся «ханом (или «улуг ханом») ильбари» и «шахом йемеков», подтверждает сказанное. Поэтому, возможность наличия у Бачмана ханского статуса отрицать трудно. Правда, смущает присутствие в генеалогиях у него же другого титула – «султан», что не вполне укладывается в позднезолотоордынские реалии, когда султанами являлись сыновья ханов. Да и в домонгольской Средней Азии титулом «султан» именовался в государстве Сельджукидов его верховный эмир (бек) – с 1038 г. титул «султана» (затем – «великого султана») там принял Сельджукид Мухаммад Тогрул-бек⁶. В период могущества Сельджукидов, которым подчинялся до начала XIII в. и хорезмшах, вряд ли связанные с правителем Хорезма восточные кыпчаки могли именоваться султанами. Поэтому, не исключено, что титул «султан» в генеалогиях Бачмана появился лишь после XIII в. как отражение новых – золотоордынских политических реалий – он показывает знатность рода предков Кара бека, но в то же время подчеркивает, что его представители не претендовали на «ханское» достоинство, которым в Улусе Джучи могли обладать только Чингисиды.

Чтобы завершить данный сюжет, посвященный проблеме статуса Бачмана и его сородичей как восходящей, так и нисходящей линий, нам необходимо разобрать ещё один сюжет из генеалогий, в которых подчеркивается восхождение предков этого вождя к «роду Сократа хакима», известного тем, что он «пребывал вместе с Искандером шахом/Искандером Зулькарнаином», то есть с Александром Македонским (см. таблицу 4). Явно для подкрепления этого мнения, в генеалогиях указывается на приход Бачмана в район рек Яика и Сакмары из «Румского вилайета» – от

1 Бунятов З. М. Государство хорезмшахов... – С. 62. См. также: Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов... – С. 252. Эту группировку С.Г. Агаджанов предпочитал именовать «канглы-кыпчакской» (Агаджанов С.Г. Указ. раб. – С. 252).

2 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов.... – С. 252

3 Там же... – С. 246.

4 Ибн ал-Асир. Ал-каmil фи-т-та'рих... – С. 232. См.: Агаджанов С.Г. Указ. раб. – С. 246–247.

5 По этому поводу косвенные данные см.: Ахинжанов С.М. Кыпчаки... – С. 197–198.

6 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов... – С. 246.

«Турок», или из «города Эрзурума», в версии К. Мулакаева – из «малой Татарии, близ Крыма»¹.

М.И. Ахметзянов, издавший все версии родословных с указанным сюжетом, склонен был объяснять его присутствие в текстах шежере Кара бека распространенностью в Золотой Орде особой «исторической концепции», которая начало этого государства возводила к античной цивилизации, связывая как Чингисхана, так и мусульманских святых и пророков, с Александром Македонским (Искандером Зулкарнаином)². Нами ранее уже отмечалось³, что появление в генеалогиях Арских князей фигур Сократа «хакима» и Искандера «шаха» надо оценивать как мифологические проявления, ибо тот же сюжет повторяется и в «историях» (*таварих*), характерных для тюрко-татарского населения Волго-Уральского региона. Например, в «Таварих наме-и Булгар» Т. Ялчыгола (1805) Сократ хаким рождается в Самарканде, затем идет «вилайет Юнан», а оттуда – к Искандеру Руми, сопровождая его после в качестве советника; в дальнейшем они оба оказываются в «городе Болгар», где у Сократа рождается сын, который становится «шахом»⁴. Еще в одной генеалогии, на этот раз башкирского клана кыпчак, в начале родословной стоит имя «тысячелетнего» философа Локман хакима, сподвижника Яфеса⁵. Хотя эта последняя фигура и отличается от Сократ (Сенкорот) хакима⁶, речь в целом идет, как мы предполагали раньше, о проникновении в рассматриваемые нами генеалогии книжных знаний, имеющих отношение к исламу. Сейчас однако мы можем предложить иную трактовку этого вопроса.

Но до ее обнародования считаем нужным отметить работу Р.Р. Салихова, не будучи специалистом по средневековой истории тюрков (в том числе и татар), взявшегося за трактовку названного выше сюжета. В итоге он, не разобравшись в этом далеко не простом вопросе, констатировал уход Бачмана в бассейн Яика из среды «татаро-огузской знати», якобы «кочевавшей» до ближневосточного похода Хулагу, в восточной Анатолии, в районе г. Эрзурума⁷.

Теперь наша новая версия трактовки разбираемого сюжета, имеющая прямое отношение к событиям сентября 1210 г., когда резко усилившийся к тому времени хорезмшах Кут ад-Дин Мухаммад, после крупной победы над кара-китаями (киданиями), став главой огромной империи, простиравшейся от Ирана на западе до Индии на востоке, от Аральского моря и Мангышлака на севере, до Индийского моря на юге, принял лакаб Искандер-и Сани («Второго Искандера») и *наубу* Зу-л-Карнайн («Двурогого»)⁸. Так

1 Эхмэтжанов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап)... – 12, 16, 22 бб.

2 Эхмэтжанов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап)... – 15 бб.

3 Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары... – С. 102.

4 Галяутдинов И.Г. «Тарих нама-и Булгар» Таджутдина Ялчыгулова. – Уфа, 1998. – С. 180–181.

5 Башкирские шежере. Уфа, 1960. – С. 94–95, 116–117, 203, 207.

6 О нем см.: Тимергалин А.К. Миллият сүзлеге: аңлатмалы сүзлек. 3 тога. Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. Т.2 «Й-Р». – 289–290 бб.

7 Салихов Р.Р. Служилая Ура... – С. 8–10. Главный аргумент данного автора – сходство показателей некоторых результатов ДНК – тестирования представителей таких огузских кланов, как баят, кайя и потомков Арских князей. Как нами уже было показано, именно эти кланы (баят/байаут, кай/кайя) на самом деле были выходцами из состава кимакско-кыпчакских групп. То есть, причина сходства ДНК в данном случае совершенно иная, чем у Р.Р. Салихова.

8 Бунитов З.М. Государство хорезмшахов... – С. 76. Кроме того, он стал именоваться «султаном Санджаром Вторым» (в честь Сельджукида Санджара), заставив признать себя со стороны халифа Насера «светским владыкой всего мусульманского мира». Отсюда у него и тугра с надписью: «зилл Аллах фи-л-ард» / «тень Аллаха на Земле» (Там же. – С. 63, 82).

как восточные кыпчаки в лице ряда знатных кланов, в том числе и клана албыр, находились в родстве с семьей хорезмшахов, вовсе не исключено, что указание на родство с Александром Македонским/Искандером/Зу-л-Карнайном или «Двурогим» у рода Бачмана отражает на самом деле его генеалогическую связь с линией правителей Государства хорезмшахов. А уже затем, опираясь на книжные знания, в контексты генеалогий Арских князей были введены упоминания «Румского вилайета/Турок/Эрзурума».

В итоге можно заключить, что основным титулом Бачмана домонгольского времени был титул хана. Не исключено, что он являлся в кимако-кыпчакском объединении не самым главным ханом¹, ибо титул именуемого «шахом Йемека» Аджамы «улул хан», кажется, более высокий, чем у Бачмана. В этом случае Бачман оказывается «локальным» ханом, правившим определенной группой кимаков как вождь знатного племени албыр. Вот именно этот его статус «местного» хана скорее всего и был передан Рашид ад-Дином хорошо знакомым ему понятием «эмир». Тем более, что ко времени написания его труда статус вождей албыр в рамках Золотой Орды уже явно изменился, о чем и сигнализируют нам понятия «султан» или «бек», примененные к Балын б. Бачману и практически только термина «бек» – по отношению к последующим его потомкам. Но эти драматические изменения были связаны с окончательным становлением Улуса Джучи, поэтому нам следует вернуться к этому времени с тем, чтобы попытаться хотя бы в общих чертах – ограниченность источников не позволяет сделать более детального анализа – проследить судьбу клана албыр и того объединения, во главе которого Бачман стоял, после их жестокого поражения в 1230-х годах. Чтобы понять, как эта группа была «вписана» в состав «народа» Улуса Джучи, придется опять обратиться к легендарным данным, в том числе и к сведениям эпического характера, которые в некоторых моментах уже были привлечены к анализу.

В дастане «Туляк и Сусылу» в сообщении о хане Бачмане указывается, что кроме него ещё был другой хан, по имени «Чачдар», живший также в бассейне Яика (*Жайык сулаган*). Туляк, являвшийся нукером Бачмана, вынужден был от него уйти (бежать) из-за угрозы своей жизни со стороны других нукеров; бежал он, как выясняется из дастана, к «большой реке» (*олуг дарья*), видимо, к Яику, оказавшись в конце концов во владениях «падишаха периев» Чачдар хана, от которого, женившись на его дочери Сусылу, и получил в подарок «золотой трон» (*алтын тәхет*), а затем был перенесен со множеством богатств и скота в «юрт своего отца» – в «Великий город» (*Олуг шәһәр*)², который на поверку оказывается на самом деле городом Булгаром – политическим центром Булгарского вилайета Улуса Джучи³.

Пожалуй, в этом дастане моделируется та новая политическая реальность, в которой оказался «народ» Бачмана после монгольского завоевания – уже есть другой хан – «Чачдар падишах», заправляющий могущественными «периями» и одаривающий своего зятя «золотым трон» и богатствами. Сам Туляк, чье происхождение двойственное (как и клановая принадлежность), в некоторых версиях объявляется сыном «Албыр бая» (то есть, выводится из клана албыр), именуемого ещё и «ни-

1 Это мы видим и из дастана «Туляк и Сусылу», где «хан Бачман» определен как «сын хана» (Усманов М. А. Каурый каләм эзеннән... – 237 б.)

2 Усманов М. А. Каурый каләм эзеннән... – 237–262 бб.

3 Детальнее см.: Исхаков Д. М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий...

щим Албыром» (*Албыр йолкыш*)¹. В последнем случае видно, что клан албыр оказался на время в бедственном положении, но затем, породнившись с «падишахом» периев Чачдар-ханом, Туляк, который был то ли из этого клана, то ли во главе его, но будучи из собственно монгольского клана кыйат, выправляет свое социальное положение, что особенно четко видно на примере получения им «золотого трона» — у Чингисидов символа правителя самостоятельного владения².

В связи с этими легендарными данными надо обратить внимание на приведенный П.И. Рычковым рассказ К. Мулакаева, извлеченный им, что важно, из некоей «татарской истории», то есть, письменного источника. Там говорится о то, что «Басман хан», находившийся в «малой Татарии», то есть «близ Крыма, [при] великом мировом поветрии, оставя прежнее свое жительство, в семнадцати тысячах кибиток перешел к реке Яику, и близ Сакмарского устья на горе, в расстоянии от Оренбурга шесть верст, ... построил город, и именовал Актюба. ... Тут оной хан имел ... свое пребывание, а кибитки его кочевкою располагались в верх и вниз по Яику и по другим степным рекам. ...: по Берде, по Сакмаре, по Саимышке, по Юшатыре, по Оре, по Таналыку, по Кизилу и по протчим рекам. А зимой оныя кибитки переходя Уральские горы кочевали по рекам Белой, Сонели, Ашкадару, Куганаку, по Шкадру и по Деме, где места лесистые и теплые». Далее в предании сообщается о вражде с этим ханом двоих «ногайских мурз», один из которых его убивает. А вот брат хана по имени Тюря хан имел другое владение и «жил на том самом месте, где ныне город Уфа, а подвластные ему люди кочевали от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Кармасану, по Черемшану, по Куюше, по Базе, по Сюну, и вверх по Аю рекам». Этот хан также был убит одним из ногайских мурз³. Понятно, что в данном случае мы имеем дело с многослойным источником, вобравшим в себя и ногайский период истории. Но те предания, которые сохранились в генеалогиях потомков Арских князей, на самом деле в своем ядре совпадают с приведенным выше сообщением. В них также речь идет (см. таблицу 4) о приходе Бачмана к «Яику, на устье р. Сакмара, где он построил крепость (*кальга*) и жил будучи ханом». Но в генеалогических преданиях есть и другие детали, которых нет в сообщении К. Мулакаева — в них указывается на то, что «Балым султан (*бек*) проживал в бассейне р. Ика, владея двумя сторонами Ика и двумя сторонами Зая». Далее отмечается, что трое сыновей Ханбар бека б. Калдар бека (Нар бек, Ишем «султан» и Кара бек) «держали юрт [в местности] Учпула [*Өчпүлә*]», как указывалось, находящейся также в бассейне р. Белой.

Эти весьма интересные сообщения обладают одним существенным недостатком — их трудно точно датировать. Они могут относиться как к периоду жизни хана Бачмана — а он, как было отмечено, мог остаться после 1236 г. в живых — так и к более поздним временам, когда Бачмана уже давно не было в живых, хотя он и фи-

1 Там же. — С. 125.

2 Об этом специально см.: Исаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «золотой трон» («алтын тэхет») // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2014. № 3 (5). — С. 175–205.

3 Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. — С. 69. Этот автор подчеркивает, что в г. Оренбурге (на «верхней Губернской улице») имелась могила Басмана, а «над могилою того хана построено было каменное кладбище (видимо мавзолей — Д.И.), кое ещё донныне при Нагорном бастионе знатно ..., немалая часть того кладбища в целости была, и разные камни с арабскими надписями найдены».

гурирует в изложенных выше преданиях как знатный предводитель – предок клана албыр. В такой ситуации для более надежного установления фактической судьбы кимаков во главе с кланом албыр в золотоордынское время нам следует обратиться к письменным источникам, которых на самом деле совсем немного. Но до этого необходимо разобрать ещё одну династийную хронику, связанную на этот раз с кланом кунграт и введенную в научный оборот американским историком Ю. Брегелем¹. Сведения, изложенные там, позволяют нам «нащупать» некоторые подходы для объяснения приведенных легендарных данных.

Речь идет о сохранившейся в тексте позднего исторического сочинения «Фирдаус ал-икбал» Шир Мухаммеда «Муниса» и Мухаммеда Ризы «Агахи», написанного в Хиве между 1805–1824 гг., династийной хронике племени кунграт². В частности, после длинного введения к истории этого «хатунского» клана Чингисидов, там приводится важное для нашего исследования, сообщение. Вот оно.

Согласно Мунису, после того, как хан Менгу – Тимур при поддержке «нойона» Ногая (в этом труде он считается кунгратом и признается сыном Мусы гургена, начавшего править кланом кунграт в 1233–34 или 1235/36 гг. и женатого на дочери Хулагу по имени Таргатай хатун) завоевал «землю Булгара» (подразумевается Болгария на Балканах), которая затем была пожалована Ногаю. А тот, в свою очередь, на этой территории сделал правителем своего «старшего сына» по имени Акхадай бахадур. Последний при этом был наделен «30 тыс. палаток (*өйлек*) кунгратов и 100 тыс. палаток других тюрок»³. Несмотря на то, что в данном случае имеется в виду владение, находившееся на западе Золотой Орды, некоторые детали рассматриваемого источника не позволяют трактовать приведенное сообщение столь однозначно. Так, автор этого сочинения, рассказывая о начавшейся конфронтации между Токтой и Ногаем⁴, указывает на призыв последним к себе на помощь «старшего сына» – Акхадай бахадур, который уже выступает как правитель над «Булгаром, Черкесами и Казанью»⁵. Присутствие в данном случае «Казани» как части владения Акхадай бахадур можно было бы считать простым анахронизмом, но сделать такой вывод не позволяют следующие места источника: а) в нем упоминается клан мангыт, «находившийся на Атили», но «близко к улусу кунграт; б) Акхадай бахадур, «правивший Булгаром [в течении] 22 лет», не только воевал с «Урусом» и «Черкесами», но и «восстановил стены Хаджи-Тархана»⁶, что требует все же нахождения этой личности в Поволжье или вблизи от него. Поэтому возникает вопрос: не говорят ли приведенные данные о том, что кунграты, о которых тут идет речь, как-то оказались в конце концов в Поволжье? При поиске ответа на

1 Bregel Yuri. Tribal Tradition and dynastic history: the early rulers of the Qongrats according to Munis // Asian and African Studies. 16. 1982. – PP. 357–398. Материалы данной хроники были использованы нами ранее, в том числе введены в определенные хронологические рамки (См.: Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 42–44.)

2 Ibid. – P. 357.

3 Ibid. – P. 366. Кстати, такое же количество кунгратов – «три тумени» или «тридцать тысяч народа кунгратов», отмечают у Абдулгаффара Кырыми (Умдет ал – ахбар. Кн. 1. – С. 112).

4 Об этом событии сейчас имеется специальная работа. – См.: Порсин А. А. История Золотой Орды конца XIII–начало XIV вв. в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра» / Серия «История и культура Золотой Орды и татарских ханств». Вып. 22. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.

5 Bregel Y. Tribal tradition... – P. 367–68.

6 Ibid. – P. 369.

поставленный вопрос надо иметь в виду, что применительно к сыну этого лидера кунгратов Нангудая (Нагдай/Нагадай/Тангадай), являвшемся¹ исторической личностью, в труде Муниса указывается на его «правление Черкесами», откуда он «бежал услышав ужасные новости об отце и деде (имеются ввиду Акхадай и Муса. – Д. И.) вместе с Кипчаком и Эссен-Бугой Чеченом, другом отца, прибыв к хану Узбеку, [находившемуся] в низовьях Атиля»². Затем автор данного сочинения рассказывает о том, что после службы названного хана на высокой должности, Нангудай бий, оставив на своем месте около Узбека своего старшего сына, сам ушел вместе с Сейидом-Ата в Хорезм, затем – в Старый Кат, где он и был похоронен после смерти³. Зная о времени смерти Нангудая и о других событиях, предшествовавших приходу к власти хана Узбека, мы можем датировать описанные выше события концом XIII–первой половиной XIV вв. Но при чем тут интересующая нас группа албыр? Ответ на этот вопрос заключается в присутствии в легендарных данных, имеющих отношение к кунгратам, весьма многочисленных «других тюрок», которые, судя по нахождению рядом с бием Нангудаем Эсен-Буги из клана кыпчак, могли быть как раз кыпчаками, но какими?

Прежде чем найти решение этой загадки, следует обратить внимание на удивительное совпадение не датированных передвижений объединения из 17 тысяч кибиток во главе с «ханом Басманом» из «малой Татарии, близ Крыма» на восток, к реке Яику, с миграцией кунгратов откуда то с западных пределов Золотой Орды в бассейн Итили. Между тем, нам известно, что старинный юрт кунгратов находился «вблизи Хорезма»⁴ или даже в самом Хорезме, ибо, в частности, сын Нангудая Ак-Хусейн являлся, как отмечал Утемиш-хаджи, «хакимом вилайета Хорезм»⁵. Эти сведения подтверждаются существующими на сегодня источниками⁶. Но к ранее выявленным на этот счет источникам сейчас можно добавить и сообщение полной версии сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (конец XVI–начало XVII вв.), в рассказе о сражении войск хана Улуг-Мухаммада с войсками хана Борака, сообщающем о «кыпчаке Айас беке» (он находился в войсках Улуг-Мухаммада – Д. И.), который в ходе сражения обнаружил Борака, «отрезал его голову и принес ее Мухаммеду хану и Кара беку», за что, как гласит источник, этому беку из кыпчаков «дали... даругу Сарайчука». Далее сказано: «До сих пор даруга Сарайчука принадлежит им»⁷, то есть клану кыпчак. Если принять к сведению, что основная часть сочинения Утемиш-хаджи была завершена в

1 Нангудай, находившийся среди сарайских беков, был убит в 1361/62 гг. (см.: Исхаков Д. М. Исторические очерки... – С. 42–43).

2 Bregel Y. Tribal tradition... – P. 369.

3 Ibid. – PP. 369–370.

4 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. II. – С. 84, 104–202.

5 Утемиш-хаджи. Кара таварих. / Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 4. Транскр. И. М. Миргалеева, И. Г. Сайфетдиновой, С. Х. Хафизова; пер. на рус. яз. И. М. Миргалеева, И. Г. Сайфетдиновой; общ. ред. И. М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 78.

6 Подробнее см.: Исхаков Д. М. Исторические очерки... – С. 41–44.

7 Утемиш-хаджи. Кара таварих... – С. 78. Это сообщение есть и у Абдулгафара Кырыми, очевидно, заимствованное у Утемиша-хаджи (см.: Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. I. Транскрипция. Факсимиле / Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1. Транскр. Дерья Дерин Пашаоглу; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 110).

1551/1552 г.¹, то возможно сделать заключение о нахождении во время правления Улуг-Мухаммада и позже, до середины XVI в., клана кыпчак в бассейне р. Яика, ибо г. Сарайчук, как известно, находился именно там. По-видимому, эти кыпчаки, бывшие в войсках хана Улуг-Мухаммада и находившиеся затем в должности «даруг Сарайчука», могли быть потомками интересующих нас кимакско-кыпчакских групп, в числе которых и надо искать клан албыр. Исходя из уже приведенных выше данных, клан албыр, являвшийся ханским кланом у восточных кыпчаков (кимаков), уместно будет искать во владениях отдельных Чингисидов, в частности – у предков хана Улуг-Мухаммада, не только потому, что в его войсках в начале XV в. находился один из беков из кыпчаков, но и по другой причине.

Как сообщает Утемиш-хаджи, «ширин, барын, аргун [и] кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохатмыш оглана»². По другой версии, «от отца Тохатмыша оглана остались эли барын, аргун, кыпчак, ширин»³. Согласно этому автору, Тохтамыш, владения отца которого Той-ходжи находились на Мангышлаке⁴, вначале служил Урус хану, правившему «вилайетами всего Туркестана»⁵. В этой связи обращает на себя внимание наличие в составе личных элей предков Тохатмыша клана ширин, происходившего от «племени *Ас* с тамгой ковш (*чүмеч*)»⁶. Можно полагать, что это племя восходило к тем асам, с которыми монголы воевали тогда же, когда они захватили и Бачмана. А эта группа не имела прямого отношения к кавказским аланам – предкам осетин, являясь потомками тех асов, которые с X в. жили в окрестностях Хорезма, исповедовали ислам и назывались «al Arsian» (*aorsi>aš*). Их язык во времена Бируни (XI в.) уже состоял из смеси хорезмийского (средне-иранского) и печенежского, то есть это была тюркизируемая группа. Именно из-за этого ряд арабских источников XIV в. (Абу'л Фида, ибн Баттута, ал-Омари) различают аланов и асов, указывая про последних, что они были тюрками (*qaum min al-Turk*), исповедовали ислам и жили в степных районах, а также в Сарае-Берке⁷. Отсюда можно полагать, что этот клан попал в владения предков Тохтамыша после монгольских завоеваний XIII в. совместно с другими, близкими к Мангышлаку, низовьям р. Волги, группами, в составе которых находился и клан албыр. Позже, последний клан в общей форме мог именоваться как «кыпчак», но далеко не всегда⁸. В целом же можно сказать, что дальнейшая судьба кимакско-кыпчакских и имевших иное происхождение кланов, живших в этом ареале, в том числе, более чем вероятно, и у групп албыр, была связана уже с предками хана Тохтамыша, как сейчас установлено, восходящими генеалогиче-

1 Там же. – С. 13.

2 Утемиш хаджа. Чингиз-наме... – С. 115.

3 Утемиш-хаджа. Кара таварих... – С. 55.

4 Утемиш-хаджа. Чингиз-наме... – С. 76–77.

5 Там же... – С. 113.

6 Kafail. M. Altin orda hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri. İstanbul, 1976. – S. 42.

7 Алемань Августин. Аланы в древнейших и средневековых письменных источниках. М., 2009. – С. 328, 341, 359. См. также: Исхаков Д. М. Исторические очерки... – С. 45.

8 Специально укажем на информацию из работы П. Голдена, отметившего, что данный клан фигурирует, как полагает этот исследователь, в послании Хулагу к французскому королю Людовику IX (1262) в форме «Regi uilperitorum» – где отражен этноним *Ūlperut/Ūlperit* (в конце – монг. формант *mn. ч. – t*). В разных видах этот этноним встречается и в арабских источниках вплоть до XIV в. (Golden P. Cumanica II... – P. 13), хотя не исключено, что для XIV в. это может быть уже анахронизмом.

ски к сыну Джучи Тука (Тукай) – Тимуру¹. По поводу владения этого знатного лица интересные сведения имеются в «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахвар» Махмуда ибн Вали (1640/1641 гг.), где сказано, что в качестве юрта ему его старшим братом Бату был выделен «вилает асов и Мангышлак», а также указывается, что его потомки осуществляли власть также над Хаджи-Тарханом². Тогда же Тукай-Тимур получил кочевые группы, ставшие его «кучинами», то есть, личными элями, которых называется четыре: *минг*, *тархан*, *ушун* и *ойрат*³. Как видим, речь в источнике идет как раз о тех ареалах, где вел борьбу с монголами хан Бачман. Хотя в перечне кланов, указанных в рассматриваемом источнике, группа албыр не фигурирует, название одного из кланов – «тархан», носит явно социальный характер, возможно, являясь в такой своеобразной форме отражением наименования знатной группы албыров. Кроме того, существование в отдельных источниках указаний на то, что клан уйшын действительно имел в XIV в. отношение к Хаджи-Тархану⁴, усиливает историчность приведенного выше известия.

Так как Утемиш-хаджи отмечает, что бежавший от хана Уруса Тохтамыш свои личные эли увел в «направлении к реке Идиль»⁵, в дальнейшем совершенно не случайно названные четыре клана оказались у его наследников, в том числе и у являвшегося одним из его близких родственников (племянник) Улуг-Мухаммада. Именно эти кланы затем стали «карачинскими» в Крымском ханстве, после ухода Улуг-Мухаммада в Среднее Поволжье – в Касимовском и Казанском ханствах. Есть основания полагать, что приход частей карачинских кланов, в том числе и кыпчаков, в Булгарское (Казанское) княжество вместе с Улуг-Мухаммадом, произошел во время жизни Кара бека. Однако, не надо думать, что это были какие-то блуждания этих групп во главе с фактически изгнанным из Крыма ханом с их уходом в неизведанные земли. Реальность была совсем иной – кланы ширин, барын, аргын, кыпчак и до переселения в Среднее Поволжье, причем, частичное, были знакомы с территорией Волго-Уральского региона, скорее всего, как это мы видели на примере группы кыпчак во главе с Айас беком, занимавшей бассейн р. Яика, населяли в том числе и левый берег Итиля, хотя временами могли перекочевывать и на ее правый берег. Именно в этом плане интересно присутствие в XVIII в. среди «башкирских» волостей Ногайской даруги Уфимского уезда «Бушман-Кипчакской» волости⁶, население которой к началу XX в. себя считало татарами. Да и присутствующие в генеалогиях Арских князей указания на нахождение их предков на берегах Ак Идели, Ика, Зая, в более раннее время – Яика и Сакмары, свидетельствует о том же. Поэтому, проникновение знатных представителей клана кыпчак в центральные районы Казанского ханства с превращением их в даруга-беков – правителей Арской земли (даруги), еще не означает полного переселения кыпчаков и их оседания в этом государстве-значительные их группы могли остаться в прежних местах кочевания в закамских, особенно, в восточно-закамских зонах. В плане

1 Исаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследники / Редкол. Т.: С. Г. Кляшторный (пред.) и др. М.: Вост. лит.-ра, 2002. – С. 63–69.

2 Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение (Orientalia), 2000. – С. 196, 208.

3 Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства... – С. 196, 208.

4 Исаков Д. М. Исторические очерки... – С. 37

5 Подробно см.: Исаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... – С. 106–107.

6 Кузеев Р. Р. Происхождение башкирского народа... – С. 59, 116.

понимания новых реалий, возникших после прихода группы во главе с Улуг-Мухаммадом в Казанское княжество, где она захватила власть, интересны некоторые поздние документы. Например, грамота служилого тархана Килея Монашева из д. Кугарчино Ногайской даруги Казанского уезда. Он и его брат, Булат Монашев, имели поместья в названной деревне, но их вотчина находилась на р. Кинель «со всеми впадающими малыми реками» и она входила в состав «Кыпчакской волости» (относилась к Казанской даруге Уфимского уезда)¹. Эта волость ранее могла быть частью и Ногайской Орды, но на самом деле это и есть продолжавшая вести кочевой образ жизни в более южных районах группа кыпчаков – наследников клана албыр², то есть объединения кимакско-кыпчакских кланов, некогда управлявшихся ханом Бачманом.

В итоге можно сделать достаточно обоснованное заключение о том, что оказавшиеся к середине XV в. в Казанском ханстве карача-беками представители знатного рода потомков хана Бачмана из клана албыр, части восточно-кыпчакского объединения, в дальнейшем стали структурным элементом тех самых «татар», которые образовали правящее сословие в данном позднезолотоордынском тюрко-татарском юрте. Как уже отмечалось, их общая численность к началу XVI в. была не слишком велика – так называемых «отецких детей», то есть потомков пришедших с ханом Улуг-Мухаммадом четырех кланов, насчитывалось всего 20 тысяч человек. В их составе имелись и уже именующиеся родом «кыпчак» наследники хана Бачмана. Дальнейшая их история, уже как Арских князей, нам известна.

После того, как ранняя история рода хана Бачмана, восходящая к кимакскому клану албыр, была восстановлена и звенья генеалогической цепочки Арских князей, включая и князя Явуша, соединены, у нас появляется возможность обращения к обобщающему выводу о роли тюрко-татарского составного в становлении правящего «народа» Улуса Джучи. И начать нам этот анализ придется с возвращения к приведенным в этой работе высказываниям Э.Н.Наджиба, относительно татар домонгольского времени сделавшего весьма точные наблюдения.

§2. Роль тюрко-татар в формировании государствообразующего народа Улуса Джучи.

Вопреки объективным фактам, в историографии все еще весьма укорененной является точка зрения о том, что Улус Джучи (Золотая Орда) является одним из монгольских государств³. Конечно если исходить из того, что данное государство выделилось из состава Еке Монгол Улуса/Великого Монгольского государства, основанного Чингисханом, но имеющего предшествующую стадию развития, и из того, что в нем правили Чингисиды, то с этим утверждением следует согласиться. Однако при учете того, что консолидация разрозненных монгольских племен от первоначальных клановых сообществ «мэн-ва»/«мэн-у» до политики «мэн-гу

1 Исхаков Д.М. От средневековых татар... – С. 75.

2 Точно такой же вывод можно сделать и в отношении клана аргын, часть которого осталась в кочевом состоянии, войдя затем в состав казахов (см.: Исхаков Д.М. Исторические очерки... – С. 157–163).

3 Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э.–1757 г. н.э. / пер. с англ. Д.В.Рухлядева, В.Б.Кузнецова; научн. ред. и предисл. Д.В.Рухлядева. С-Пб.: Ф-т филол. и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. – С. 288–347.

го», параллельно однако именовавшейся «мэн-да»/«монголо-татары» или просто «да-да»/«татары», произошла лишь в ходе становления Монгольской империи¹ при тесном взаимодействии с многочисленными тюркскими объединениями, имевшими в Центральной Азии давнюю традицию государственного существования, вопрос об этнической маркировке Еке Монгол Улуса, но, в особенности, выделившегося из его состава Улуса Джучи², где демографический вес тюрков был явно очень высок³, приобретает более сложный характер.

В силу задач данного исследования нас, естественно, больше интересует государствообразующий «народ» Улуса Джучи/Золотой Орды, хотя для понимания того, как он сложился, необходимо учесть и особенности этнополитических процессов ранней стадии становления Монгольской империи, а в ее рамках – отдельных уделов сыновей Чингисхана, в первую очередь – его старшего сына Джучи. В некоторых степени эти вопросы уже были затронуты в предыдущих разделах настоящего исследования, но теперь нам предстоит сформулировать общую концепцию относительно правившего в Золотой Орде «народа».

Ранее нами уже было констатируемо, что такая важная для понимания исторической динамики золотоордынского общества XIII–XV вв. проблема, как выяснение предпосылок, механизмов и конечных итогов формирования из этнополитического объединения «мэн-да» (оно же – «да-да») времени становления Еке Монгол улуса нового этносоциального организма средневековых/золотоордынских «татар» эпохи Улуса Джучи, отчетливо фиксируемого в большом числе исторических источников именно под этим наименованием, до сих пор остается до конца не выясненной⁴. Основная причина такого положения коренится в недостаточности внимания со стороны историков к этническим процессам, происходившим в Монгольской империи и в ее политических наследниках. Кроме того, как в зарубежной, так и отечественной историографии бытует в корне неверный подход, объясняющий сложение золотоордынских «татар» в результате «ассимиляции» пришлых «монголов» численно преобладавшим местным, в основном, кыпчакским населением. При этом, во-первых, совершенно упускается из виду, что политически доминировавшая в Золотой Орде группа кланов состояла вовсе не из одних «монголов», а была «татаро-монгольской» общностью; во-вторых, у восточных кыпчаков-кимаков, вошедших в состав золотоордынского «народа», присутствовал собственный «татарский» этнический компонент, причем являвшийся значимым в этой среде, что позволяет по новому объяснить проблему становления в Улусе Джучи средневековых татар, имевших собственную идентичность, существовавшую вне зависимости от уже весьма далеких от территории Золотой Орды, китайских чиновников. А это требует взглянуть на комплекс вопросов, связанных с формированием госу-

1 Рыкин П.И. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана / Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). – С. 48-85; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит-ра, 2006. – 557 с.; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. – 384 с.

2 Обычно окончательное завершение обособления Улуса Джучи в самостоятельную державу датируют 1269 гг. – См.: Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история... – С. 89.

3 Бартольд В.В. Работы по истории и филологии... – С. 138, 211–212 и др.

4 Исхаков Д.М. Роль тюрко-татарского составляющего в становлении государствообразующего «народа» Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2017. Т. 5. № 2. – С. 290–324.

дарствообразующего «народа» Улуса Джучи, несколько иначе, чем было принято до сих пор.

Вообще-то в серьезных трудах, посвященных истории становления Монгольской империи, всегда признавалось значение тюрков, находившихся в Центральной Азии в давних взаимоотношениях с монголами и их политическими предшественниками – киданями и др. При этом в литературе, особенно, зарубежной, подчеркивалось, что многие этнические группы (татары, кереиты, меркиты, найманы, онгуты), жившие накануне подъема монголов в Центральной Азии по соседству с ними, имели тюркское или смешанное, тюрко-монгольское происхождение, разговаривая на тюркских или отличных от собственно монгольского иных монгольских языках¹. В еще большей мере эта характеристика относится к Улусу Джучи, где, по мнению такого знатока тюрко-монгольского мира, как П. В. Голден, относительно немногочисленные монголы, чей язык довольно долго сохранялся как дворцовый и государственный, были поглощены численно преобладавшими кыпчаками, язык которых в Золотой Орде стал *Lingua franca*² (более сложная ситуация была на территории Булгарского вилайета, но и там к середине XIV вв. кыпчакизация булгарского языка была завершена³). Но этих кыпчаков, сыгравших огромную роль в этнических процессах, протекавших в рамках Золотой Орды, нельзя рассматривать как совершенно однородное сообщество, наоборот, несмотря на их внешнюю маркировку как единой общности (=кыпчаки/половцы), внутри у них имелись разные этногенетические линии, одной из которых, причем значимой, была татарская этния, присутствие которой в домонгольский период в Дешт-и Кыпчаке так явно видно из источников, о чем и предупреждал Э. Н. Наджип. Сейчас, после проведенного исследования, мы можем значительно дополнить и конкретизировать его заключение, сделанное уже довольно давно.

Прежде всего нам следует вернуться к начальному этапу становления Монгольской империи, когда монголы во главе с Чингисханом (вначале – Темучином) вели войны со своими ближайшими соседями – татарами, кереитами, меркитами, найманами. Как было установлено, все эти группы были не просто тюрками, но и, частично, имели татарскую этническую аффилиацию (например, найманы)⁴. У некоторых из них такая связь была косвенной – в частности, кереиты имели отношение к канглы, возможно и к гузам⁵. Сюда еще следует добавить относительно немногочисленных онгутов, живших вблизи Великой китайской стены и известных как «белые татары»⁶. Другой явно тюркской группой были джалаиры, по поводу этнической принадлежности которых Рашид ад-Дин колебался, но тем не менее включил их в число тех, кто ранее не относился к монголам⁷. Если иметь в виду, что

1 The Cambridge history of medieval Inner Asia: the Chinggisid Age / ed. By Nicolo Di Cosmo, Allen Frank, and Peter B. Golden. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – P. 19.

2 Ibid. – P. 144.

3 См.: Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Festschrift fur professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1991. – PP. 157–163.

4 История и культура татар Западной Сибири... – С. 11. Также см.: Ratchevsky P. Jengiz Han... – PP. 4–5.

5 Ratchevsky P. Jengiz Han... – PP. 4–5.

6 Кычанов С. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН; Школа-Пресс, 1995. – С. 34, 126.

7 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. – С. 77; Т. 1, кн. 2. – С. 18

Провозглашение Тэмуджина Чингисханом на курултае 1206 г.

<https://www.liveinternet.ru/users/3560620/post184878517/>

знаменитый «монгол» Мухули, бывший из подразделения чат клана джалаир (у сибирских татар томской группы до сих пор существует группа чат, чатские татары) и дослужившийся до должности наместника Северного Китая, согласно Чжао Хуну, называл себя «мы, татары»¹, загадка разрешается. Тем более, что Рашид ад-Дин сообщает о былых связях джалаириков с гур-ханом – «государем уйгуров»². Многие из этих групп, особенно, керейты, татары, уйгуры, найманы уже в домонгольское

1 Мэн-да Бэй-лу (полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. И. Мункуева / Памятники Востока. Т. XXVI. М., 1975. – С. 53. Наш комментарий к этому высказыванию см.: Исхаков Д. М. Термин «татаро-монголы / монголо-татары»: Понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2016. Т. 4. № 2. – С. 428.

2 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. – С. 93.

время, как отмечалось, были связаны между собой и с канглы культурными и родственными отношениями, создавая некое общетюркское пространство в западных и центральных частях территории будущей Монголии. В орбиту этого взаимодействия были, безусловно, втянуты и кимаки через свой татарско-уйгурский этнический компонент. Перед монгольским возвышением татары на этих территориях играли выдающуюся роль, которая весьма своеобразно была передана для потомков Рашид ад-Дином, указавшим: «... если бы при ...их многочисленности... они (татары – Д. И.) имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы... не были бы в состоянии противостоять им... Они [уже] в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части [монгольских] племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом»¹. Как думается, персидский историк в данном случае подразумевает причастность татар к «царственным» тюркским кланам, в первую очередь памятуя об их политических и этнических связях с уйгурским и кимакско-кыпчакским миром. Именно такое положение татар в Центральной Азии, хорошо известное и в Китае, позволяло им выступать в глазах китайских чиновников не только в роли конкретной политики, но и в роли некоей «обобщающей» категории, синонимичной понятию «тюрки». Об этом может свидетельствовать следующее высказывание Рашид ад-Дина: «Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при [всем] различии и их разрядов и названий, стали известны под их именем, *все называясь* (выделено нами – Д. И.) татарами»².

Такая ситуация существовала уже в предмонгольское время, в том числе и благодаря татарским политиям, одним из которых, кстати и был Кимакский каганат, где татары являлись правящим кланом. Но не только – с таким же успехом к татарским государствам мы можем отнести и Найманское ханство. Например, Ибн аль-Асир, описывая события, предшествовавшие нападению Кучлук хана на кара-китаев, пишет: «...большое племя татар (речь идет о найманах – Д. И.) в древности вышло из своей страны у границ ас-Сина и поселилось позади страны Туркестана. Между ними и китаями (т.е. кара-китаями, киданями – Д. И.) была вражда и шла война [и они воевали во главе] со своим царем Кушлу-ханом [с ними]»³. Далее он добавляет: «...хорезмшах [Мухаммад] послал [предложение] к Кушул-хану, царю татар»⁴.

Завоевательные походы Джучи на Алтайско-Саянском нагорье и прилегающих территориях Южной Сибири 1207 г., положившие начало образованию собственного удела этого Чингисиды, может быть генетически бывшего частично меркитом, усилили тюркское присутствие в его владениях. Из тех сведений, которые в настоящее время доступны, мы можем обнаружить, что тогда во владение Джучи вошли не только ранее еще не покоренные монголоязычные кланы (ойрат, бурят и др.), но и целый ряд тюркских, иногда, смешанных монголо-тюркских групп (кори, баргу/буркыт, тумат, байд/байут, тулас, урасут/урсут, теленгут, хуштеми, хапхын, тубас, тухас, тэлэнг/тенлек, тоелес, тас, бачжи/байджигит, кыргыз, шибир/шибер)⁵. Хотя многие из этих кланов, особенно, из числа «лесных народов»,

1 Там же. – С. 102.

2 Там же.

3 Ибн ал-Асир. Ал-каmil фи-т-та'рих... – С. 336.

4 Там же. – С. 336, 339.

5 История и культура татар Западной Сибири... – С. 124–128.

были этническими наследниками древних тюрок, некоторые из них могли быть связаны и с кимакско-кыпчакским миром. В частности, нахождение среди названных кланов племени байд/байаут, как мы помним, имевшего отношение к личному клану Теркен-хатун и к объединению канглы, а также к группе уран или кай, позволяет утверждать, что вместе с древними алтайским тюрками в состав первоначального удела Джучи вошли и новые кланы, имевшие татарскую этническую аффилиацию.

Монгольский всадник. Персидская миниатюра.

<https://infourok.ru/prezentaciya-uroka-nachalo-mongolotatarskogo-vtorzheniya-klass-1220019.html>

Но ко времени монгольских походов против Государства хорезмшахов большинство кимакских (включая и знатный клан албыр) и связанных с ними кыпчакских объединений, в составе которых реально присутствовали этнические татары, уже находились к северу от территорий отмеченной державы, проникнув даже в состав элиты этого государства. В связи с монгольскими завоеваниями 1220-х гг. следует обратить внимание на один весьма любопытный, до сих пор неоцененный, факт: после того, как Субэдей бахадур в 1223 г. вернулся из совместного с Джебэ нойном похода, когда произошла битва на р. Калке, он написал докладную Чингисхану, где предложил создать «единую армию», состоящую из «тысяч», включающих «обоки» кланов меркит, найман, керей (киреит), канглы и кыпчак¹. Как видим, речь идет о создании крупной войсковой единицы из тюрок, причем не только имевших между собой старинные этнические связи, но и аффилированных с татарами. Этот военный корпус явно был создан и, не исключено, потом оказался в подчинении у старшего сына Джучи хана Берке, вместе с которым, после того, как он встал во главе государства, перебравшись в Поволжье². А это могло приве-

1 Юань ши (официальная хроника династии Юань)... – С. 500–501, 513.

2 Исхаков Д. М. Роль тюрко-татарского составного... – С. 312–313.

сти к усилению в Золотой Орде роли этнических групп, у которых существовала татарская идентичность.

В реальности такие группы имелись и среди западных групп кыпчаков – половцев/куманов. Скажем, известный пассаж Ибн Халдуна, который уже приводился и который утверждает, что «племя Токсоба [было] из Татар»¹, говорит именно об этом. При этом видно, что этот клан не считался кыпчакским. Тут еще можно вспомнить один эпизод из похода Субэдея и Джэбе, когда они, согласно Ибн Ал-асиру, накануне битвы на Калке в 1223 г. в адрес воевавших с ними кыпчаков, находившихся совместно с аланами, заявили: «Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших»². Обычно это сообщение трактуется исходя из монгольско-татарских брачных связей (то есть, отношений «анда-куда»)³. На самом деле тут военные вожди монгольских войск скорее исходили из существования татарских этнических групп, к началу XIII в. уже вошедших в состав народа Чингисхана, из-за чего татары, частично находившиеся в составе кыпчаков (половцев), могли считаться «своими».

Итак, какой же общий вывод следует сказанного?

В последние годы в отечественной историографии сложились два основных подхода к трактовке понятии «мэн-да»/«монголо-татары»⁴. Согласно первому подходу, разработанному Н.Н. Крадиным и Т.Д. Скрынниковой, эта двойная номинация закрепились из-за того, что переселившиеся из древней родины – Эргена-Куна, ранние монголы (*мэн/менва*) на территории, где до того жили кланы татар, с которыми монголы частично смешались и благодаря брачным связям (отношения «анда-куда»), чтобы отделить себя от оставшихся на старых территориях сородичей, стали использовать указанный двойной этноним. Как они считают, на формирование этой этнической маркировки повлияла и давняя китайская традиция именования степняков термином «да-да»/«татары». В итоге, как полагают эти исследователи, двойная идентичность – «мэн-да»/монголо-татары» стала использоваться монголами не только как внешний маркер (экзоэтноним), но и как термин самоидентификации (эндоэтноним). По мнению сторонников этой концепции, в конечном счете понятия «мэн/мэнва» (монголы) и «да-да» (татары) китайских источниках стали обозначать одну и ту же этническую реальность, как впрочем, и парное понятие «мэн-да». Другой подход, в некоторых моментах сходный с предложенным выше, был сформулирован П.О. Рыкиным. Последний, также исходя из того, что наименование «татары» на все кочевое население было распространено китайцами, точнее китайскими чиновниками, предложил считать, что это было не механическое перенесение этнонима одной этнической группы на другую, как иногда полагают, и даже не следствие межгрупповых браков, а результат попадания монголов в орбиту внимания официальной для китайской империи классификации народов, но весьма своеобразным способом. Он полагает, что никаких «изначальных» монголов попросту не существовало, а из-за неясности источников (в абсолютном большинстве – китайских), нет возможности протянуть непрерывную цепочку идентичностей от

1 История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 66. Согласно татарской исторической традиции, нашедшей отражение в «Дефтер-и Чингиз-наме», в дальнейшем наименование «Токсоба» являлось ураном клана кыпчак (См.: Мирастан биш сәхифә... – 62 б.).

2 Золотая Орда в источниках. Том первый. – С. 26.

3 Кумекоев Е. Б. Этнокультурные контакты... – С. 39–40.

4 Более подробный разбор этих взглядов см.: Исхаков Д. М. Термин «татаро-монголы / монголо-татары»...

древних монголов (*мэнху/мэнва*) к «народу монголов» эпохи Чингисхана. По мнению П. О. Рыкина, монгольская идентичность была «сконструирована» лишь в ходе становления Великой Монгольской империи при участии переметнувшихся к победителю китайских (цзиньских) чиновников, учитывавших запросы новой монгольской элиты. Согласно концепции этого исследователя, в ходе внедрения монгольской идентичности в умы представителей формирующегося «народа монголов», потребовалось «покончить» с официальной классификацией китайцев, привыкших объединять всех степняков под общим названием «татары». И это было сделано через переименование государствообразующего ядра Еке Монгол Улуса в «монголов». При этом понятие «татары» подлежало ликвидации, в том числе и потому, что оно ассоциировалось с зависимостью от Китая, неприемлемого в новых условиях становления Монгольской империи. Согласно данной трактовке, двойная (сложная/смешанная) форма идентичности «монголо-татары» являлась «переходной» к собственно «монгольской» номинации, поэтому ее следует считать лишь этапом «интернализации» последней. При этом, будучи тесно связанной с китайской официальной классификацией народов, категория «татары» не сразу была заменена на новую, собственно «монгольскую», так сказать, «туземную», идентичность.

Монгольская империя.

<http://www.bestofhistory.ru/besthist-263.html>

На самом деле этноним «монголы» в 1220-х годах не был еще усвоен даже всеми монголызычными группами¹, не говоря уже о рано вошедших в состав Еке Монгол Улуса тюркских группах. В то же время понятие «татары» обладало не только престижностью и аурой былого величия реальных татар, но и являлось «обобщающим» термином, выступая, прежде всего по отношению к тюркским объединениям, в роли синонима — маркера понятия «тюрки», в то же время, однако,

1 Рыкин П. О. Создание монгольской идентичности... — С. 64.

имея, как мы уже видели, и подлинное этническое содержание из-за существования достаточно многочисленных тюркских групп татарского происхождения, в числе которых можно назвать не только кланы татар, онгутов, но и найманов, кимаков, частично и кыпчаков. Важно и то, что эти группы, в свою очередь, были тесно связаны с уйгурами, керейтами и канглы.

Воины VIII–X вв.

<https://swordmaster.org/2010/02/09/dospexi-i-oruzhie-voinov-kirgizskogo-kaganata.html>

В результате устанавливается, что понятие «монголо-татары» является вовсе не результатом чиновничьей классификации народов, внедренной по отношению к политически доминировавшему населению Еке Монгол Улуса извне, а было содержательным термином, отражавшим двусоставной – тюрко-монгольский характер «народа монголов», на самом деле монголо-татар. А закрепление применительно к государствообразующему «народу» Улуса Джучи наименования «татары», не-

смотря на попытки монгольской элиты распространить тут термин «монголы», объясняется многочисленностью и значимостью в этом государстве тюркского населения, преимущественно состоявшего из кимакско-кыпчакских общностей, содержавших значительный этнический элемент собственно татарского происхождения.

Если в Центральной Азии указанные два этнических ядра «народа «мэн-да» длительное время сосуществовали, из-за чего по отношению к государствообразующему «народу» Монгольской империи можно было использовать как термин мэн-ва/монголы, так и «да-да»/татары, которые в этом случае фактически из этнонима превращались в политонимы (правда, более широкое понятие «татары» было способно «перекрывать» термин «монголы»), то в Улусе Джучи, отделившимся от Великого Монгольского государства уже к 1269 г., верх взяло понятие «татары», имевшее в том числе и значение политонима, что очень хорошо видно из русских источников, которые весьма часто писали вместо «пойти в Орду», «идти в Татары». Это и приводит к тому, что история Улуса Джучи/Золотой Орды лишь частично является монгольской, в другой части она является историей татарского народа.

В этом нас убеждает в том числе и изучение истории татарского рода Яушевых – потомков Арских князей, восходящих к кимакам, в том числе к их правящему клану албыр.

Заключение

Пройдя длинный путь исследования, мы приблизились к его заключительной части, в которой необходимо обозначить основные выводы, вытекающие из изучения средневекового этапа истории рода Яушевых, чьим непосредственным зачинателем являлся Явуш бек – Арский князь, принадлежавший к роду карача-беков из клана кыпчак, являвшихся владетельными князьями, контролировавшими многоэтническое население Арской даруги Казанского ханства (административно-политический центр – крепость Арск/Арча).

Изучение истории предков князя Явуша за столь длительный период – с XI по XVI вв., для национальной, да и в целом отечественной историографии, достаточно уникально. Похожая работа – но далеко не столь детальная по средневековью – имеется только по князьям Юсуповым, являвшимся обрусевшим ногайско-татарским родом.

По ходу проведения настоящего исследования пришлось решать множество задач, в том числе и не находившихся ранее в поле зрения историков. Среди них в первую очередь надо отметить определение роли кимакского фактора в истории татарского народа, практически не изученного сколько-нибудь подробно. Проведенная нами работа не только позволила выяснить принадлежность предков Явуш бека к кимакам – самым знаменитым из которых был хан Бачман из клана албыр, возглавлявший кимакское объединение, локализованное в первых десятилетиях XIII в. в бассейне реки Яика – но и в целом обозначить роль восточных кыпчаков в этническом становлении татарского народа. А это позволяет существенно пересмотреть не только общую концепцию этногенеза и этнической истории татар, но и совершенно иначе, чем было принято до сих пор, оценить роль татар (тюрко-татар) в истории Улуса Джучи/Золотой Орды. Теперь ясно, что правы те исследователи, которые подчеркивали татарско(тюрокско)-монгольский характер этого государства, что влияет и на оценку в целом этно-политической принадлежности Еке Монгол Улуса/Великого Монгольского государства. Как думается, и эту державу мирового уровня необходимо маркировать как монголо-тюрокскую политику.

Род предков князей и мурз Яушевых, восходивший к хану Бачману, является подлинным татарским родом, ибо кимаки, из среды которых вышел клан албыр – личное племя Бачмана – являлись наследниками Кимакского каганата, где татары были «царственным» племенем. На самом деле политические и этнические продолжатели татар периода древнетюркских каганатов (*отуз татар, токуз татар*) жили не только в Кимакском каганате, ибо известны еще шесть татарских государств, с которыми воевал Чингизхан, а также Найманское ханство, которое, не исключено, тоже следует относить к татарским политиям. При такой постановке

вопроса, если еще учесть особую роль восточных кыпчаков (кимаков, канглы и ряд др.) в Государстве хорезмшахов XII–начала XIII вв., татарский фактор оказывается значимым не только для Улуса Джучи, но и для Монгольской империи в целом. Отсюда и двойная маркировка государствообразующего «народа» этого государства как «монголо-татар», а для Улуса Джучи – просто как «татар».

Исследование показало, что клан албыр, стоявший во главе кимаков, после жестокого поражения 1230-х годов и вхождения в состав Улуса Джучи, через некоторое время был «вписан» в состав государствообразующего «народа» Золотой Орды, где потомки хана Бачмана смогли сохранить свой высокий социальный статус, в основном обозначаемой как «бек», то есть, князь. Находясь на разных территориях Золотой Орды, клан албыр, с течением времени начавший именоваться как племя/или «кыпчак», в конце концов частично закрепился в Волго-Уральском регионе, где после образования поздnezолотоордынских тюрко-татарских юртов его знатная часть к середине XV в. оказалась в Казанском юрте, став там Арскими князьями. Эта группа татарской знати играла крупную политическую роль в Казанском ханстве весь период его существования.

Хотя Арские князья, начавшие входить в состав формирующегося Русского государства еще в конце XV в., в результате завоевания Казанского ханства Русским государством полностью оказались в его составе, став там служилыми татарами, они никогда не забывали о своем былом знатном происхождении. Об этом свидетельствуют некоторые указания генеalogий Арских князей, где основная их часть обозначена как беки/бии, то есть как князья, но один из их предков – Кара бек, отмечен даже как «хан»¹, что было реминисценцией былого высокого социального статуса славных предков кимакских вождей, действительно являвшихся ханами клана албыр. В других случаях в генеalogиях Арских князей довольно ясно проявляется реальный политический статус отдельных их представителей как главного «бека» (*баиш бэк*), соответствующего титулу «*улу бий*»², применявшегося в татарских юртах для обозначения «даруга-князя», одновременно являвшегося главой конкретного клана, возглавлявшего то или иное княжество, входившее в состав татарских ханств. Когда в одном из документов за 1622 г. появляется справка, выданная из приказа Казанского дворца, гласящая, что отец Ишмамета и Досмамета Багишевых – князь Багиш Яушев, сын Явуш бека, являлся «в Казани первым человеком»³, скорее всего опять подразумевается высокий «карачинский» статус рода князя Явуша. Да и генеalogии Арских князей, в том числе и записанные в конце XVIII в., отчетливо показывают сохранение у представителей потомков знатных кимаков из клана албыр исторической памяти о былом социальном статусе своих предков.

На примере рода Яушевых, как было выяснено, можно понять значение татарских кланов в становлении средневековых татар – государствообразующего «народа» Улуса Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских юртов.

1 Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары... – С. 206.

2 Исхаков Д. М. От средневековых татар... – С. 37.

3 Шакиров А. П. Спорные... – С. 21.

Автор книги с представительницей рода (сеока) тадар-кыпчак
(Республика Алтай, г. Г.-Алтайск).

Литература и источники

1. Источники

А. Архивные источники

Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН.
Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 17. «Родословная князя Яушева».

Вариант родословной, хранящийся у К. К. Яушева (г. Уфа).

ГА Кировской обл. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 289. Т. 1.

ГА Кировской обл. Ф. 59. Оп. 4. Ед. хр. 344.

ГА Кировской обл. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 32.

НБЛ. ОРРК. К(П)ФУ. Ед. хр. 1295/3.

РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 21/3592.

Б. Опубликованные источники

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV–начала XVI в. М.: Наука, 1964.

Андреев И. Т. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998.

Ан – Насави Шихаб-Дин Мухаммад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Изд. крит. текста / Пер. с араб., предис., комм. и указ. З. М. Буниятова). / Серия «Памятники письменности Востока». Т. CVII. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1996.

Ибн ал-Асир. Ал – камил фи-т- та'рих. Полный свод историй / Пер. с араб. яз., прим. и комм. П. Г. Булгакова, доп. к перев., прим. и комм., введ. и указ. Ш. С. Камолiddина. Ташкент: Узбекистан, 2006.

Ал Кашгари Махмуд. Дүвән лугāt ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан: история завоевателя мира. М.: Изд. дом «Магистр-пресс», 2004.

Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980.

Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Ч. I Извлечения из сочинений арабских. Ч. II. Извлечения из сочинений персидских. Сост., введ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевский. М.: Типография «Наука», 2003.

История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Подготовка к изд., введ., доп. и комм. Б. Е. Кумекова,

А.Б.Мукменова. Переработанное и дополненное издание. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937.

История Чингизхана и Тамерлана // Труды Оренбургской УАК. Оренбург, 1907. Вып. 19. – С. 117–157.

Казанская история. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. 1. Транскрипция. Факсимиле/ Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1. Транскр. Дерья Дерин Пашаоглу; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотой сказание). Пер. с монг, введ., комм. и прилож. Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. М., 1973.

Мельников А. Акты исторические и юридические и древняя царская гармоты Казанской и других соседних губерний. Казань, 1859. Т. 1.

Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л., 1932.

Мэн-да Бэй-лу (полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н.И. Мункуева / Памятники Востока. Т. XXVI. М., 1975.

Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.

Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Москва: Ин-т Российской истории РАН, Казанский гос. ун-т, 2001.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.

ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.

ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.

ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000.

Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. М.: Наука, 1978.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга вторая. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990.

Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрип. И.М. Миргалеева, Э.Т. Сайфутдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на русс. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфутдиновой; общая и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.

Худуд ал-'алам//Материалы по истории Киргизии. Вып. I. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1979.

Храковский А. Шараф ал-заман Тахира Марвази. Глава о тюрках. Введение и перевод // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 208–218.

Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: Изд-во «ВЗОИ», 2004. С. 432–540.

Китайская династийная история «Юань ши (официальная история [династии] Юань» // Золотая Орда в источниках. Том третий. Китайские и монгольские источники. М.: «Типография Наука», 2009. С. 121–291.

Дәфтәре Чыңгыз намә // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре / [транскр. эшләүче, хәзерге татар әд.теленә күчерүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С. Гыйләжәтдинов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 38–96 бб.

Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär – i Čingiz-namä). (Vorwort, Einführung,, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, 2002.

[Juzjani]. Tabakat-i Nasiri: A General History of the muhammadian dynasties of Asia, Including Hindustan; from.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidele Mugals into Islam by Maulana Minhaj – ad-din, Abu – Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Juzjani]. Transl. by Major H.G.Raverty.New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970. Vol. I - II.

2. Литература

А. На русском языке

Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах). Казань: Татар.кн.изд-во, 1991.

Александров С.А. Башкиры (этнографический очерк) // Оренбургский листок. 1885. № 51.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989.

Ахинжанов С.М. Кипчаки и Хорезм в конце монгольского нашествия // Вестник АН Казахской ССР. 1970. Вып. I. – С. 45–49.

Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1976. – С. 81–93.

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1969.

Алемань Августин. Аланы в древнейших и средневековых письменных источниках. М., 2009.

Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э.–1757 г. н.э. / пер. с англ. Д.В. Рухляева, В.Б. Кузнецова; научн. ред. и предисл. Д.В. Рухляева. Спб.: Ф-т филол. и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения Т. I. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963.

Бартольд В.В. Татары // Бартольд В.В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов. Под-ка к изд. С.Г. Кляшторный; отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Вост. лит-ра, 2002.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Записки Императорской АН по историко-филологическому отделению. Т. I. № 4. СПб. 1897.

Бунятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231 гг. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1986.

Галлям Р.Г. Род мурз Яушевых в XVI–XVII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010.

Голден П.Б. Половцы дикие // Tatarica, 1997/98. № 1. Зима.

Голден П. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского центра СО РАН, 2004.

Галяутдинов И.Г. «Тарих нама-и Булгар» Таджутдина Ялчыгулова. – Уфа, 1998.

Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // АН СССР. Отд. литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 4 (Июль–август).

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар / П. В. Голубовский. М.: Вече, 2011.

Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бомо, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и восточного Туркестана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962.

Зуев Ю. А. Ранние турки: очерки истории и идеологии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2002.

Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды ИИАЭ. Т. 8. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960.

Износков И. А. Список населенных мест Мамадышского уезда // Труды IV археологического съезда в России. Т. 1. Казань, 1884.

Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010.

Исхаков Д. М. К вопросу об этносоциальной топографии центрального владения вятской ветви Арских князей в XVI–начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Мастер-Лайн, 1998.

Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III–середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007.

Исхаков Д. М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV–середины XVI вв.) // Панорама-Форум. 1995. № 3.

Исхаков Д. М. Между Булгаром и Казанью: Этнополитические процессы в Булгарском (Казанском) вилайете в 60–70-х годах XIV–40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013.

Исхаков Д. М. Одно из важных наблюдений ибн Баттуты по внутреннему устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М. А. Усманова. Казань, 29–3 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.

Исхаков Д. М. Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи северной Евразии. Материалы VI международного семинара и VIII международной школы-семинара «Геоэкологические проблем степных регионов» / Под науч. ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилева, Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012.

Исхаков Д. М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.

Исхаков Д. М. К вопросу об этнической принадлежности татар домонгольского времени // Кыргыз жана Карикандар каганаттары: Куттуу билим жана мамлекет: Карахандар доорунун залкар ойчылу жана акыны Жусуп Баласагындын 1000 жылдыгына арналган IV эл аралык илимий тажрыйбалык жыйындыгы баяндамалардын жыйнагы: 2015 жылдан аяк одна (сентябрь) айының 18–19 у, Бишкек ш. / Редколлегия: Т. К. Чоратегин (торага), ж. б. – Бишкек: Maxprint басмасы, 2015.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.

Исхаков Д. М. Вопрос о ранней кыпчакской этнонимии у татар Волго-Уральского региона // Вестник Елабужского педагогического ун-та, 2010. № 3 (октябрь).

Исхаков Д. М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2.

Исхаков Д. М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «золотой трон» («алтын тэхет») // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2014. № 3 (5).

Исхаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследники / Редкол. т.: С. Г. Кляшторный (пред.) и др. М.: Вост. лит-ра, 2002.

Исхаков Д. М. Роль тюрко-татарского составляющего в становлении государствообразующего «народа» Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2017. Т. 5. № 2.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013.

История Востока. Восток в средние века. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1995. Т. II.

История и культура татар западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

Кадырбаев А. Ш. Тюрки-канглы в империи Чингисхана (по китайским источникам) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. II. М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. Вост. лит-ры, 1979.

Кадырбаев А. Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII–начало XIII вв.) // Общество и государство в Китае. Тринадцатая научная конференция. Тез. и докл. М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. Восточной лит-ры, 1982. Ч. 2.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.

Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. (публикация источников) // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. 1960. Т. V. Вып. 1.

Кычанов С. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингисхан. Личность и эпоха. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН; Школа-Пресс, 1995.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение (Orientalia), 2000.

- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М.: Вост. лит-ра, 2006.
- Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве // Известия Императорской АН. 1903. Т. VIII. Кн. 4.
- Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972.
- Кумеков Б. Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. док. XXIX сессии ИАС, Ташкент, сентябрь 1986. История, литература, искусство. М., 1986. Т. I.
- Кононов А. Н. О семантике слов кара и ак в тюркской географической номенклатуре // Известия отд. общ. наук Таджикской ССР. 1954 Вып. V.
- Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке (публикация источников) // Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. 1963. Т. V. Вып. 1.
- Кляшторный С. Г. Государство татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993.
- Кляшторный С. Г. Древние государства татар в Центральной Азии // Золотоордынское обозрение/ Golden Horde Review. 2013. № 1.
- Кызласов Л. Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная Азия и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975.
- Махмутов З. А. История татар Астаны (XIX–начало XXI вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.
- Мустафина Д. Служилые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. № 1.
- Мустакимов И. А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
- Мухаммадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XIII–XV вв. М.: Наука, 1983.
- Мухамедова Р. Г. Чепецкие татары (краткий исторический очерк) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978.
- Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит-ры, 1989.
- Олсен Т. Т. Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217–1237 гг. // Научный Татарстан. 2003. № 2; 2003. № 3/4.
- Порсин А. А. История Золотой Орды конца XIII–начала XIV вв. в труде Рукна ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра» / Серия «История и культура Золотой Орды и татарских ханств». Вып. 22. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
- Плетнева С. А. Половцы / Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. Серия «Страницы истории нашей Родины». М.: Наука, 1990.
- Рыкин П. И. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16).

Рахим А. Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, 1930. Вып. 4. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

Сабитов Ж. М. Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011.

Салихов Р. Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма / Серия «История населенных пунктов Республики Татарстан». Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. СПб.: Евразия, 2013.

Сорокин П. Арские князья в Карине // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1894.

Сухэбатор Г. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь. Центральная и Восточная Азия в Средние века / История и культура Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975.

Татарская энциклопедия. Т. 6 «У–Я». Казань: Ин-т Татарской энциклопедии, 2014.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1966.

Трепавлов В. В. «Отецкие и дети»: элита Казанского ханства в Литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993.

Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972.

Фахрутдинов Р. А. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территорий. Казань, 1975.

Храпачевский Р. П. Половцы – куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) / Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы и исследования». Т. II. «Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей». М.: ЦИВОИ, 2013.

Шакиров А. К. Спорные земли в низовьях Ижа. Краеведческий очерк. Казань: РЦМИПП, 2009.

Б. На английском языке

Atwood C. P. The Qai, the Khongai, and the names of the Xiōngnū // International Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. II. – PP. 035–063.

Bregel Yuri. Tribal Tradition and dynastic history: the early rulers of the Qongrats according to Munis // Asian and African Studies. 16. 1982. – PP. 357–398.

The Cambridge history of medieval Inner Asia: the Chinggisid Age / ed. By Nicolo Di Cosmo, Allen Frank, and Peter B. Golden. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009.

Golden Peter B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I. – PP. 296–309.

Golden P. B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): the fortunes and misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1986. Vol. 66 – PP. 5–30.

Golden P. B. Ethnicity and state formation in pre-Chinggisid Turkic Eurasia. Indiana university, 2001.

Golden P. B. Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. By Catalin Hriban. Bucureşti-Braila, 2011.

- Inalchik H. The Khan and tribal aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Girai // Harvard Ukrainian studies. 1979–1980. Vol. 2–4 Part I. – PP. 445–466.
- Kafaili. M. Altin orda hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri. Istanbul, 1976.
- Manz B.F. The Clans of Crimean Khanate // Harvard Ukrainian studies. 1987. Vol. 2–3. – PP. 282–309.
- Pritsak O. Polovcians and Rus // AEMA. 2. (1982). – PP. 321–340.
- Ratchnevsky P. Jengiz Han. His Life and Legacy / Translated and ed. by T. Nevison, Haining. Oxford UK, Cambridge, UK Blackwell Ltd, 2000.
- Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Festschrift für professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1991. – PP. 157–163.
- Schamiloglu U. The qarachi beys of Later Golden Horde: Notes on the organization of the Mongol world empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4. – PP. 287–297.
- В. На татарском языке*
- Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). Казан: Татар кит. нәшр. 1995.
- Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.
- Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Беренче том. Казан: Г.Ибраһимов исем. ТӘСИ, 2011.
- Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре: 1 Т. / Марсель Әхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012.
- Госманов М.Г. Каурий каләм эзеннән: археограф язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994.
- Тимергалин А.К. Миллият сүзлеге: аңлатмалы сүзлек. 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. Т. 2 «Й–Р».

Содержание

Введение.....	3
Предисловие	7
Глава 1. Шеджере Кара бека и место в нем князя Явуша.....	9
§ 1. Родословные Яушевых.....	10
§ 2. Арский князь Явуш (Яуш) и его место в социально-политической системе Казанского ханства	18
Глава 2. Клан Бачман султана (хана) и его присоединение к Улусу Джучи.....	41
§ 1. Клановая и этническая принадлежность Бачман султана (хана, эмира)	41
§ 2. Начало формирования Улуса Джучи и вхождение объединения во главе с Бачманом в состав Монгольской империи	49
Глава 3. Кимакская проблема. Место клана албарлы /олбер в кимакско-кыпчакском мире	57
§ 1. Кимаки: проблема становления.....	57
§ 2. Клан албыр/олберлы и его место в кимакско-кыпчакском этнополитическом пространстве.	72
Глава 4. Клан албыр в Улусе Джучи и вопрос о тюрко-татарском составном золотоордынской этнии.....	83
§ 1. Титулы Бачмана, его предков и потомков: последствия вхождения клана албыр в Улус Джучи	84
§ 2. Роль тюрко-татар в формировании государствообразующего народа Улуса Джучи.	93
Заключение.....	103
Литература и источники.....	106
2. Литература	109

Историко-биографическое издание

Исхаков Д. М.

**История рода Яушевых
в Средневековый период
и кимакская проблема**

Подписано в печать 29.12.2018. Формат 70х100 1/16.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,43. Тираж 300 экз. Заказ №291218-1.

Отпечатанно ООО «Фаворит»
394036, г. Воронеж, ул. Трудовая, 50/10